

*Посвящается памяти
Владимира Сергеевича Шишкина (1950–2014)*

ЗООЛОГИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА: ФРАГМЕНТЫ ИСТОРИИ (1755–1991)*

И.Я. Павлинов

Зоологический музей МГУ им. М.В. Ломоносова; igor_pavlinov@zmmu.msu.ru

В статье на основании анализа опубликованных и архивных данных представлена краткая версия истории Зоологического музея МГУ им. М.В. Ломоносова от основания Московского университета (1755 г.) до начала 1990-х гг. Выделены пять основных периодов развития Зоомузея, внесены уточнения в некоторые даты, события, официальные названия, персоналии, так или иначе связанные с его историей.

Введение — 58

Предыстория — 60

Вторая половина XVIII века: начало — 64

Первая половина XIX века: вызревание — 71

Вторая половина XIX века: «эпоха Богданова» — 89

Первая половина XX века: великие потрясения — 103

Вторая половина XX века: между «складом» и ремонтом — 130

Эпилог — 145

ZOOLOGICAL MUSEUM OF MOSCOW UNIVERSITY: FRAGMENTS OF HISTORY (1755 to 1991)

Igor Ya. Pavlinov

Zoological Museum of Lomonosov Moscow State University; igor_pavlinov@zmmu.msu.ru

The article presents a brief version of the history of the Zoological Museum of Lomonosov Moscow State University, based on analysis of both published and archival data, from foundation of the Moscow University in 1755 to the early 1990s. Five main periods of historical development of the Zoological Museum were recognized, and clarifications were made in some dates, events, official titles, and personalities associated one or another way with its history.

Introduction — 58

Prehistory — 60

The second half of 18th century: The beginning — 64

The first half of 19th century: The maturation — 71

The second half of 19th century: “The era of Bogdanov” — 89

The first half of 20th century: The great upheavals — 103

The second half of 20th century: Between “warehouse” and overhaul — 130

Epilogue — 145

ВВЕДЕНИЕ

Зоологический музей МГУ имени М.В. Ломоносова имеет достаточно развитую историографию, хотя едва ли исчерпывающую и вполне строгую.

Первый исторический обзор университетского собрания предметов натуральной истории, из которого вырос наш Музей, появился в самом начале XIX в. (Fischer, 1806). Следующими были краткие описания как «допожарного», так и ближайшего «послепожарного» состояния Кабинета натуральной истории в ряде публикаций того же столетия (Указатель..., 1826; Рулье, 1855; Шевырëв, 1855; Щуровский, 1855а). Некоторые эпизоды из его истории были воспроизведены в большой работе А.П. Богданова (1885) о К.Ф. Рулье и его предшественниках в Императорском московском университете.

Несколькими годами позже тот же А.П. Богданов опубликовал краткий исторический обзор Музея в материалах 11-го Международного конгресса по антропологии, археологии и зоологии (Bogdanov, 1893a). На его основе Г.А. Кожевников (1915) подготовил и опубликовал свой небольшой исторический очерк, предварив его примечательным списком «главнейших моментов в истории Музея». Если за стандарт музейной хронологии брать материалы годовых отчётов Московского университета и некоторых других учреждений, имеющих отношение к нашей истории (например, Публичного музея), то получается, к сожалению, что в очерках Богданова и Кожевникова (оба публикуются в настоящем сборнике) содержится довольно много фактических неточностей.

Кроме перечисленных источников того времени, в нескольких современных исследованиях, посвящённых истории вузовских музеев (Панов, 2002; Бурлыкина, 2015), упомянута небольшая книга А.П. Богданова под названием «Зоологический музей Имп. московского университета» (якобы издана в 1869 г. Московским университетом, 49 с.). По всей вероятности, имеется в виду неопубликованная коллекционная опись, на которую позже указывает сам Богданов (1888а); о ней см. в разделе настоящей статьи, посвящённом «эпохе Богданова».

В середине XX в. было издано несколько очень кратких и достаточно популярных изложений истории Зоомузея (Туров, Дементьев, 1940; Туров, 1956).

Наиболее продуктивными в этом отношении стали три последних десятилетия, когда были

изданы обзоры предыстории и истории Зоомузея — полные (Россолимо, 1991; Любарский, 2009; Бурлыкина, 2015) или охватывающие отдельные периоды (Добров, 1962а; Михайлов, 2002; Бессуднова, 2006). К ним можно добавить небольшую популярную книгу автора этих строк (Павлинов, Иванов, 2005). Книга под редакцией О.Л. Россолимо готовилась тогда, когда архивные материалы по университетской истории были ещё мало доступны. Ю.Г. Любарский рассматривает историю Зоомузея МГУ в контексте развития московской школы классической зоологии, но при её разработке автор не обращался к архивным документам (Михайлов, 2009). По указанным причинам обе только что названные книги содержат довольно много неточностей в части фактологии, касающейся музейной истории. С.А. Добров и З.А. Бессуднова основное внимание уделили минералогическим и палеонтологическим коллекциям, М.И. Бурлыкина же все университетские собрания того времени, представляющие три царства природы, объединила под общей шапкой «Музей естественной истории». Из-за этого в их историографии акценты расставлены таким образом, что развитие Зоологического музея не получило должного внимания и представления.

* * *

Настоящая статья призвана с максимальной возможной дробностью (для такого сравнительно небольшого объёма) и максимальной возможной документальностью (с учётом доступности источников) охарактеризовать историю развития Зоологического музея Московского университета за указанный в заголовке период — с 1755 г. (основание Университета) до 1991 г.

Последняя дата ознаменована важными событиями в истории Зоомузея (о них см. в Хронике, публикуемой в настоящем выпуске «Зоологических исследований»), которые подвели черту под долгим периодом борьбы со всякими административными и ремонтными невзгодами и обозначили открытие новых перспектив его роста. Поэтому указанный год здесь принят как рубеж между собственно историей (до 1991 г.) и современностью (после 1991 г.) Зоомузея. Это в общем соответствует представлениям о том, каким образом могут проводиться такого рода границы в непрерывном временном потоке исторического развития (Алфёров, 2011).

Основными информационными ресурсами, использованными при написании настоящей статьи, кроме ранее опубликованных обзоров,

были: 1) печатные годовые отчёты о деятельности Московского университета на протяжении большей части XIX в. и первой трети XX в.; 2) хранящиеся в архивах Зоомузея годовые отчёты и иные документы, относящиеся к его истории начиная с 1930-х гг. (к сожалению, без надлежащей архивной кодификации и поэтому далее обозначаемые просто как [архЗМ]); 3) публикации, относящиеся ко времени рассматриваемых событий (годовые отчёты и др.) или (если более поздние) добросовестно воспроизводящие документы соответствующего времени; 4) Интернет-портал «Летопись Московского университета» официального сайта МГУ им. М.В. Ломоносова (Летопись..., 2016a); впрочем, в записях на этом ресурсе также отмечены досадные неточности и «внутренние» расхождения, касающиеся некоторых событий; 5) другие Интернет-ресурсы, на которых размещены документы, имеющие то или иное касательство к истории Зоомузея.

К разного рода мемуарам, в которых зачастую бывает трудно отделить достоверные факты от «анекдотов», я практически не обращался; исключения составляют записанные Е.А. Дунаевым фрагменты воспоминаний директора Зоомузея О.Л. Россолимо (записи от 2003 г.). По этой причине я сам старался воздерживаться от такого «мемуаристического» способа представления истории и по максимуму исключать разного рода бытовые детали и оценочные суждения: основное внимание уделено изложению «служебных» фактов. В связи с этим я по мере возможности скрупулёзно указываю в тексте использованные мною источники, особенно в случаях расхождений в представлении исторической фактологии. Опубликованные источники и Интернет-издания сведены в стандартный список литературы, заимствованные из архивов Зоомузея (отчёты и др.) указаны в основном тексте.

Использованы иллюстрации из архивов Зоологического музея МГУ, из ранее опубликованных изданий (Bogdanov, 1893a; Россолимо, 1991; Павлинов, Иванов, 2005; Зоологический институт, 2011) и из Интернета.

* * *

Следует сразу подчеркнуть, что настоящую статью едва ли следует рассматривать в качестве некоего полноценного очерка истории Зоологического музея МГУ. Скорее, это краткая сводка фактических материалов, имеющих отношение к тому аспекту этой истории, на который ранее

обращали меньше внимания (в виду её некоторой «формальности» с точки зрения зоологов). Речь идёт о способах организации музейной деятельности — об административно-штатных конструкциях, названиях и датах, акцентировании некоторых событий: как они менялись по ходу истории, каков был их официальный статус и т. п. Таким образом, если выше упомянутую фундаментальную книгу Г.Ю. Любарского (2009) в её содержательной части можно трактовать как главным образом «концептуальную» историю Зоомузея, то настоящую статью, как и небольшую книгу К.Г. Михайлова (2002), — скорее как «административную» историю.

Более узко жанр настоящей публикации можно определить, наверное, как «расширенную хронику». Это означает, что она упорядочена не по тематическим разделам, отражающим разные стороны деятельности Зоомузея (наука, коллекции, экспедиции, просвещение и т. п.), в пределах каждого из которых излагается «своя» история, а по тем последовательным этапам его исторического развития, которые связаны с интересующими автора статьи только что указанными «формальными» изменениями.

* * *

В представленном здесь кратком изложении истории Зоологического музея она поделена на полувековые периоды, которые, впрочем, не следует принимать слишком буквально. Границы между ними — как мне кажется, более или менее естественно — обозначены некими рубежными вехами, связанными с существенным переустройством жизни именно нашего Музея. Последнюю оговорку следует иметь в виду в связи с тем, что возможна и иная схема периодизации развития университетских естественнонаучных музеев в России (Бурлыкина, 2015).

Начало первого периода определено основанием Московского университета и при нём Минерального (Натурального) кабинета, из которого в конечном итоге вырос наш Музей. Это 1755–1759 гг. — самое начало второй половины XVIII в. и одновременно первой «полувековины» в истории нашего Зоомузея. К этому периоду относится начальное становление Музея, связанное с превращением его из Минерального кабинета в Музей/Кабинет натуральной истории (1791 г.).

Первые годы XIX в. обозначают начало следующего полувекового периода: при Университете учреждается Демидовская кафедра, во главе которой и всего университетского собрания на-

туральной истории назначается Г. Фишер; другим началом можно считать возрождение Музея после пожара 1812 г. Этот период протянулся до конца 1850-х гг.: на него (в расширенном толковании) пришлось только что упомянутая трагедия 1812 г., переезд восстановленного Музея из одного университетского корпуса в другой (1837 г.), затем слияние Музея естественной истории и Кабинета сравнительной анатомии, ранее принадлежавшего Московской медико-хирургической академии (середина 1840-х гг.).

Третий период открывается в 1860-е гг. назначением А.П. Богданова главой университетской Кафедры зоологии и одноимённого Кабинета при ней. В начале этого периода значительную часть университетских собраний естественной истории передают в Публичный музей, но вскоре почти все их возвращают обратно. Под руководством Богданова Зоологический кабинет при «полумифическом» Музее естественной истории (об этом см. далее в разделе, посвящённом первой половине XIX в.) превращается в нынешний Зоологический музей.

Начало четвёртого периода обозначено переездом Музея во вновь выстроенный Зоологический корпус Московского университета (1902 г.), его завершение — послевоенным восстановлением (конец 1940-х гг.). Этот период — один из самых тяжёлых в жизни Зоомузея: освоение новых помещений, революционные преобразования всего и вся на протяжении 1920–1930-х гг., попытки отстоять свою «самость» под организационным и идеологическим давлением 1930-х гг., прохождение через разруху Великой Отечественной войны (первая половина 1940-х гг.) и, как было сказано, восстановление Музея во всей его многогранной деятельности.

Наконец, пятый период, последний из рассматриваемых в данной статье, начинается с 1950-ми гг. и завершается рубежом 1980–1990-х гг. Его открывает «оккупация» здания Зоологического корпуса всяческим университетским хозяйством в ходе подготовки к переезду большей части Университета на Ленинские (Воробьёвы) горы. После освобождения здания Музея в 1953 г. от не имеющих к нему прямого отношения организаций и их имущества коллекции приводятся в порядок. Одновременно с этим Музей лишается значительной части ведущих научных сотрудников, потом штатные дела как-то утрясаются. В начале 1970-х гг. Музей погружается в тяжёлый всеобъемлющий

капитальный ремонт, продолжающийся почти 20 лет. Завершение ремонта, освоение новых помещений и наконец укрепление Музея в его организационном и научном статусе обозначает финал этого этапа.

Шестой период начался вместе с 1990-ми гг.: его открывают очередные радикальные преобразования в стране, давшие возможность Зоологическому музею попытаться организовать существенно по-новому. Но это уже современность, выходящая за рамки «истории» в её узком понимании, а тем самым и за рамки данной статьи. Нынешнему состоянию Музея посвящена статья М.В. Калякина и Н.Н. Спасской в настоящем выпуске «Зоологических исследований».

ПРЕДЫСТОРИЯ

В XVI в. в Европе началась первая научная революция — стала складываться наука Нового времени. Одной из её ключевых черт, в отличие от предшествующих средневековой (схоластической, патристической) познавательной схемы, был эмпирический способ обоснования получаемых знаний. Эта революция по-разному сказалась на двух основных разделах наук о Природе, как их в то время классифицировал Ф. Бэкон. В «естественной философии» (физика, химия и др.) она породила научные эксперименты, в «естественной истории» (биология, геология и др.) — научные коллекции.

[Такое рассмотрение двух основных ветвей естествознания с точки зрения эпистемологии означает, что коллекции в «естественной истории» по своему фундаментальному значению вполне аналогичны экспериментам в «естественной философии»: и те, и другие служат средством получения, воспроизведения и верификации научного знания (Павлинов, 2008, 2016). Поэтому «естественная история» не может обходиться без коллекций, точно так же как «естественная философия» — без экспериментов. А собрания научных коллекций «обречены» на постоянное развитие точно так же, как лаборатории, в которых проводятся физические и иные эксперименты.

Эта сверхкраткая теоретическая преамбула призвана подчеркнуть следующее. Возникновение и существование естественно-научных коллекций, а тем самым собирающих и сохраняющих их музеев есть результат определённых объективных закономерностей развития естествознания. На этот общий тренд накладываются разного рода флуктуации, связанные с воздействием иных факторов — политических, личностных и т. п. И наш Зоомузей является собой вполне наглядный образец сочетания и влияния различных факторов объективного и субъективного характера: об этом не раз будет сказано в данной статье.]

* * *

Первые намёки на собрания натуралий, по всей видимости имевшие отношение к «неутилитарным» (познавательным, эстетическим и проч.) устремлениям людей, известны с незапамятных веков. Палеоантропологи датируют их чуть ли не временем появления представителей вида *Homo sapiens*, археологи — самыми ранними цивилизациями Китая, Месопотамии, Египта (Lourenço, 2003; Грицкевич, 2004).

Ближе к современности важную роль в развитии такого рода собраний сыграла раннеантичная культура. Среди многого из того, чем новейшая цивилизация обязана греческой Античности и что имеет прямое касательство к нашей истории, — «музейон» (μουσεῖον): первоначально он буквально означал «дом муз», сиречь обитель мифических покровительниц разных искусств, а также истории. Особо значимыми (в перспективной оценке) среди подобных ранних институций оказались два, причём оба были детищами величайших философов человечества. Первый из этих «музейонов» — тот, который учредил Платон при своей Академии, второй — учреждённый Аристотелем при своём Ликее (Фролов, 2002).

Стремление Аристотеля всё «пощупать руками» стало особой побудительной причиной его увлечённого собирательства предметов натуральной истории. Воодушевлённый Аристотелем, его воспитанник и гениальный воитель царь Александр Македонский приказал своим подданным, как прирождённым, так и вновь завоеванным, слать тому всё сколько-нибудь примечательное из животных и растений, остатки коих философ-естествоиспытатель сохранял в своём Ликее, размещая в определённом систематическом порядке — т. е. вполне «научно» (Шахермайр, 1986; Грицкевич, 2004). Предметы в этих собраниях отчасти имели сакральный характер, будучи неким таинственным образом связанными с природными первоисточниками «музейских искусств», поэтому Аристотель в одном из своих трактатов назвал ликейскую коллекцию «музеем природы» (Александрийский..., 2016). Чуть позже Птолемеем I, один из полководцев Александра и его последователь, учредил в основанном им стольном граде Александрии знаменитейшую «учёно-сохранительную» институцию, получившую официальное название «Музейон», выбитое на фронте здания: в нём в разное время трудились Эратосфен, Евклид, Архимед и другие великие умы

Античности (Фролов, 2002; Грицкевич, 2004; Alexander, Alexander, 2008).

В Средние века, в связи с утратой античной познавательной традиции, «учёный» характер такого рода собраний отошёл на задний план: вместо этого возобладали иные интересы и мотивы. Одни из них представляли собой некие «лавки чудес», где демонстрировались всяческие диковины Природы — «кунштюки» (KunstStücke); поэтому такие собрания стали обыкновенно называться «кунсткамерами» (KunstKammer). Другие служили преимущественно практическим целям: в них лекари хранили всевозможные образцы растений и животных для изготовления снадобий, т. е. фактически они были частью ранних «апотек». В позднее Средневековье при начавших формироваться крупных учебных центрах, особенно так или иначе связанных с медициной, предметы натуральной истории собирались и хранились в качестве учебных пособий.

Существенные подвижки в начальном развитии современного музейного дела начались в эпоху Возрождения. Благодаря открытию и освоению новых земель и их животного и растительного мира европейские собрания стали пополняться чуть ли не в массовом порядке до того неведомыми предметами. Это вызвало новый интерес к такого рода собраниям как познавательным средствам. А этот интерес, в свою очередь, возродил античный термин, теперь в латинском звучании, — «музей» (*museum*).

На рубеже Нового времени исторический тренд становления «естественной истории», как одного из ключевых разделов естествознания, привёл к превращению прежних «курьёзных» или утилитарных собраний в систематизированные музейные (в широком смысле) коллекции, особым образом собираемые, хранимые, исследуемые и демонстрируемые. Первые из них появились в XVI–XVII вв. при университетах в северной Италии, Германии, Франции, Англии (в их современном понимании). В XVIII в. такие музеи стали учреждаться уже как самостоятельные научно-просветительные институции: одним из первых и наиболее крупных среди них был Британский музей (Boylan, 1999; Imrey, MacGregor, 2001; Панов, 2002; Юренева, 2003; Lourenço, 2003; Грицкевич, 2004; Alexander, Alexander, 2008; Сотникова, 2011).

* * *

По тому, как эти систематизированные собрания хранились и демонстрировались, их из-

начально делили на категории, каждая со своим обозначением; зачинателями тут были итальянцы (Alexander, Alexander, 2008). Если предметы естественной истории и/или искусств размещались вдоль коридора или анфилады комнат, это называлось *галереей*. Единственная комната, в которой были собраны такого рода предметы, обыкновенно называлась *кабинетом*: этот термин на какое-то время стал нарицательным для обозначения соответствующих собраний. Если основным назначением предметов была демонстрация на занятиях и лекциях, их собрание называлось *театром* (таковыми были прежде всего «анатомические театры»). Наконец, если предметов было много и они занимали несколько смежных комнат и тем более если под них отводилось отдельное здание, такое собрание называли собственно *музеем*.

По мере того, как коллекционное дело развивалось, а коллекции разрастались в объёме и занимали всё большие помещения, их всё реже называли «кабинетами» и всё чаще и с большим основанием — «музеями». Так к концу XVIII в. в Европе и Сев. Америке, а с середины XIX в. и в России, этот последний термин стал основным.

* * *

В Россию элементы науки и образования вместе с прочими явлениями европейской культуры (в широком смысле) стали активно внедряться в начале XVIII в. во время правления императора (впрочем, тогда ещё царя) Петра I. С точки зрения основного предмета настоящей статьи особой заслугой самодержавного реформатора стало учреждение первой в России музейной институции естественно-исторического профиля.

Собирать анатомические («натуральные») препараты и инструменты Пётр начал ещё в «московский» период своего царствования, сохраняя их в Аптекарской канцелярии, где они находились под надзором императорского лейб-медика Р. Арескина (Эрскина) (Беляев, 1800; Станюкович, 1953). После перенесения столицы в Санктпетербург (тогда писали слитно) Пётр распорядился перевезти туда и всё своё личное «натуральное» собрание вместе с библиотекой. Присовокупив к ним купленные им же в Европе несколько частных коллекций анатомических, медицинских и иных препаратов, учёных книг и инструментов, Пётр в 1714 г. учредил в новой столице «Библиотеку с Куншт и Натурал Каморами» (в данном случае *камора* — комната с экспонатами; то же, что «кабинет» европей-

цев, см. выше); во главе неё был поставлен тот же Арескин (Беляев, 1800). Для всего этого собрания были отведены так называемые «Кикины палаты» (здание сохранилось до сих пор), в кои, после оных поправления и приведения в надлежащее состояние, предметы и были перевезены в 1718 г. Достоинно особого упоминания, что эта музейная институция изначально была предназначена для просветительства: согласно специальному предписанию Петра, «поелику всё в надлежащем порядке учреждено и расставлено, то бы впредь всякого желающего оную смотреть пускать и водить показывая и изъясняя вещи» (Пётр I..., 2014, с. 127). Несколько позже название оной сократили до принятой в Европе «Кунсткамеры»; в 1724 г. она была передана в ведение вновь учреждённой Академии наук, переехала в новое помещение на стрелке Васильевского острова и к началу XIX в. превратилась в крупное научно-просветительное учреждение. В таком «комплексном» виде Кунсткамера просуществовала до 1836 г., когда её согласно новому академическому Уставу разделили на несколько самостоятельных музейных заведений, её же историческая часть была сохранена как «Кабинет Петра Великого» (Станюкович, 1953; Вернадский, 1988; Заключение..., 2014; Кунсткамера..., 2014). Петровская Кунсткамера послужила родоначальником двух нынешних академических музеев в Санкт-Петербурге: один из них — Антропологии и этнографии (Кунсткамера..., 2016), другой — Зоологический (Слепкова, 2015, 2016).

Важной частью петровского замысла «европеизации» России стало введение светского образования на университетской основе. Как видно из предыдущего, к тому времени университеты уже существовали во многих крупных политических и историко-культурных центрах Европы — и вот пришёл черёд России. Разумеется, в ней и тут проявилась её «особенная статья»: если в Европе университеты первоначально формировались по большей части как некие вольные корпорации (Ridder-Symoens, 2003), то в самодержавной России, где всяческие такого рода инициативы «снизу» были почти что обречены на неудачу, они могли появиться только по высочайшему волеизъявлению.

Это, надо полагать, понимал достославный немецкий философ и естествоиспытатель Готфрид Лейбниц, который на протяжении 1710-х гг. выступал при Петре I негласным советником по делам науки и просвещения (Рож-

дественский, 1902). Он представил своему высородному партнёру несколько проектов о развитии в России европейских институций, результатом деятельности коих объявилось бы «общество учёных людей, которые бы трудились над усовершенствованием искусств и наук» (*op. cit.*, с. 6). В таковых проектах, в частности, предлагалось начать предприятие с того, чтобы учредить особый орган высшей администрации — «Коллегию народного просвещения», или «Учёную коллегию», коей препоручалось бы «насаждение» в Российской империи европейских идеалов науки и просвещения.

По замыслу Лейбница, российская система университетского образования должна была выстраиваться по германскому образцу. Это касалось как общих принципов её организации и управления, так и внутреннего устройства самих университетов — факультетов, кафедр, при них учебных кабинетов и прочих «вспомогательных пособий» (Андреев, 2001). Среди последних, имеющих тесное касательство к нашему повествованию, обязаны были быть кабинеты натуральной истории. Но получилось так, что проекту Лейбница не суждено было воплотиться: названная Коллегия с разветвлённой системой подведомственных ей учебных учреждений в то время не была создана.

Вместо этого Пётр I затеял устройство иной «учёной институции» — Академии наук и при ней университета с гимназией. Проект устройства Академии, разработанный Л. Блюментростом (до того был преемником Арескина в заведовании Петровской кунсткамерой, стал первым президентом Академии), император утвердил особым Указом в конце 1724 г. Этот год ныне считается датой учреждения Российской академии наук, хотя официальное её открытие состоялось по особому Указу императрицы Екатерины I 1-го января 1726 г. (т. е. в конце декабря 1725 г. по новому стилю) (Пекарский, 1870; Левшин, 1998).

«Академический» университет, в силу организационных и иных обстоятельств испытывая явный недостаток слушателей, просуществовал почти что номинально несколько десятков лет, так и не превратившись в полноценное образовательное учреждение высшего ранга. Его не спасло даже то, что в 1758 г. на заведование учебной частью Академии был официально поставлен М.В. Ломоносов. В 1760-е гг., после кончины последнего, этот Университет фактически прекратил своё бытие, так ни во

что и не воплотившись: он остался в истории лишь как первая и при этом не вполне удачная попытка введения университетского образования в России (Лунин и др., 1999; Андреев, 2001; Петров, 2002).

* * *

Следующий (по очереди, но первый по значению) российский университет был учреждён в 1755 г. в Москве, на этот раз вне связи с Академией, Указом императрицы Елизаветы на основании «Проекта об учреждении Московского университета» (Проект..., 2016). Утверждённый ею же в том же году «Устав Императорского московского университета и при нём гимназии» определил статус и задачи Университета, его структуру, порядок управления и обучения в нём (Пенчко, 1952; Андреев, 2001; Петров, 2002). Инициаторами создания Московского университета и авторами вышеуказанного Проекта были камергер И.И. Шувалов и академик М.В. Ломоносов; последний, занимавшийся университетскими делами по долгу службы в Академии, стал автором административной структуры учреждаемого Университета (*op. cit.*).

Вышеуказанными Проектом и Уставом в Университете были определены (§ 5) три факультета: юридический, медицинский и философский; при них было учреждено десять кафедр, каждая со своим профессором. При Медицинском факультете числились три кафедры: а) химии физической и особливо аптекарской, б) натуральной истории и в) анатомии. При этом предписывалось, что «доктор и профессор натуральной истории должен на лекциях показывать разные роды минералов, трав и животных». Нельзя не отметить, что § 6 этого же Проекта предусматривал, что «каждый профессор должен по крайней мере два часа в день [...] в университетском доме публично и не требуя за то от слушателей особой платы о своей науке лекции давать» — так в России в директивном порядке продолжило (см. выше о Кунсткамере) формироваться просветительство.

Вновь учреждённый Университет занял здание бывшей Главной аптеки (Аптекарский дом) у Воскресенских ворот на левом берегу реки Неглинки, построенное во второй половине XVII в. (рис. 1). Проект по его переоборудованию для университетских нужд подготовил архитектор Д.В. Ухтомский (Шевырёв, 1855).

[Можно упомянуть, что после переезда Университета в новое здание (см. следующий раздел)

Рис. 1. Здание бывшей Главной аптеки (Аптекарского дома) у Воскресенских ворот (вид со стороны р. Неглинки; рисунок середины XVIII в.; из: Россолимо, 1991).

Fig. 1. Former Main Drugstore building (Drugstore House) at Voskresenskie Gate (view from Neglinnaya River; drawing of the mid 18th century; after Rossolimo, 1991).

Аптекарский дом заняло Городское правление; в конце XIX в. на его месте выстроили и поныне возвышающееся краснокирпичное здание Исторического музея.]

Из-за нехватки помещений для нужд Университета уже в 1756 г. на противоположном берегу Неглинки на углу улиц Моховой и Никитской (на её правой стороне) по ходатайству И.И. Шувалова была куплена городская усадьба князя Н.В. Репнина (Шевырёв, 1855; История..., 1955а; Белявский, Сорокин, 1970; Моховая..., 2015; Летопись... 2016б; Одолламская, 2016). Чтобы подчеркнуть новое назначение здания, его фронтон был украшен большими деревянными позолоченными фигурами муз — покровительниц наук и искусств. Первоначально в нём разместились университетские типография и книжная лавка, затем туда поселили казённо-коштных студентов и гимназистов, перенесли ряд аудиторий и классов (Шевырёв, 1855; Белявский, Сорокин, 1970; Одолламская, 2016). Эта небольшая начальная экспансия стала «зародышем» всего будущего университетского комплекса на Моховой (см. следующий раздел).

* * *

Завершая краткий обзор предвещающих обстоятельств формирования музейного дела в России вообще и при Московском университете в частности, следует особо отметить, что важной и неотъемлемой частью петровского «проекта европеизации» было развитие отечественного меценатства (Боханов, 1989). Многие

богатые вельможи, купцы и промышленники, ориентируясь на европейские образцы, стали почитать делом чести содействовать финансово и организационно развитию в России искусств, наук и просвещения — а тем самым и всех тех институций, которые являются их фактическими носителями и распространителями. Понятно, что на первом месте всегда было увлечение «изящными искусствами»; но и науку — точнее, в то время образование (без коего наука невозможна) — благодетельствующие меценаты не обходили своим вниманием.

И здесь, несколько забегаая вперёд, следует особо отметить династию Демидовых — богатейших российских промышленников, саванников и дарителей, которые на протяжении четырёх поколений, начиная с середины XVIII и до конца XIX вв., регулярно жертвовали Московскому университету (и не только ему) свои фамильные накопления — от собраний предметов натуральной истории и книг до денег, тем самым служа достойным примером другим богатым россиянам в благородном деле содействия развитию образования, науки и просвещения (Демидов, 1910; Ульянова, 2004).

ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XVIII ВЕКА: НАЧАЛО

Сразу же после учреждения Московского университета при нём возникло первое же в России университетское собрание предметов натуральной истории.

Начало ему положила замечательная коллекция редкостей, которую один из основателей династии заводчиков и меценатов Демидовых, Акинфий Никитич, поехав в начале 1740-х гг. в Европу набираться основам «горного дела», купил у известного фрейбергского минералога (бергфизика) и врача И.Ф. Генкеля. Таким манером А.Н. Демидов первым в своём роду начал собирание «раритетов»; благодаря стараниям его самого и его сыновей, склонных к постижению трёх царств Натуры, первоначальный «кабинет Генкеля» был многократно умножен минералами, засушенными и заспиртованными остатками животных и растений, а также книгами. Этот кабинет на протяжении второй половины 1750-х гг. усилиями сыновей и прямых наследников заводчика — братьями Прокофием, Григорием и Никитой — поступил в Московский университет.

Причина этого важного события в первоначальной истории нашего Музея совершенно

понятна. Будучи увлечёнными натуралистами и просветителями (Григорий состоял в письменных сношениях с К. Линнеем и посылал ему редкие сибирские растения), братья не могли не откликнуться сразу же на знаменательное учреждение Московского университета вполне естественным для них образом — благотворительством наук и образования.

Первым актом дарения «славного кабинета господина Генкеля» стало объявление младшего из братьев Н.А. Демидова о намерении пожертвовать оный Университету в самый год его основания; это объявление было опубликовано в «Санктпетербургских ведомостях» (Пенчко, 1952; Юркин, 2015; Летопись..., 2016в). На этом основании М.И. Бурлыкина (2015) отсчитывает летопись Минерального кабинета с 1755 г., что едва ли верно (Добров, 1962а; Юркин, 2015).

В 1757 г. все трое братьев, занимаясь делами наследования, составили соглашение о передаче Кабинета в дар Московскому университету; в том же году это пожертвование было оформлено юридически (Юркин, 2015). Об этом знаменательном событии было опять объявлено через «Санктпетербургские ведомости».

В том же 1757 г. демидовское семейное собрание, состоявшее «из наилучших минералов, многих курьёзных вещей, окаменелых коралей и разных раковин» (Добров, 1962а, с. 70), хранившееся в одной из уральских усадеб Демидовых, было упаковано и отправлено — но не в Москву. Дело в том, что в Аптекарском доме тогда не нашлось подходящего помещения для столь обширного собрания. Поэтому на некоторое время его приютил в своём дворце в Санктпетербурге университетский куратор И.И. Шувалов, принимавший горячее участие во всём этом предприятии (Юркин, 2015).

Наконец, в 1759 г. богатые демидовские дары были перевезены в Москву и тогда же поступили в распоряжение Университета; временным пристанищем для них было определено помещение учреждённой в 1756 г. библиотеки (Шевырёв, 1855; Бурлыкина, 2015; Юркин, 2015; Летопись..., 2016г). Как это ни странно, по свидетельству будущего хранителя этого собрания натуралий И.Х. Керштенса (о нём см. далее), демидовский дар поступил в Университет без какой-либо описи (Юркин, 2015); впрочем, во всех источниках указано, что в нём в то время значилось до 6 тыс. предметов. Поскольку библиотекой заведовал молодой словесник М.М. Херасков, его попечению и

была препоручена коллекция. По словам того же Керштенса, «в библиотеке [всё] лежало свободно и открыто на столах, где каждый, кто захочет, мог взять любой предмет в руки» (цит. по: Юркин, 2015, с. 128).

Таким вот образом в 1759 г. образовался весьма известный в своё время Минеральный (также нередко, но неточно именуемый Минералогическим) кабинет, приписанный к Кафедре натуральной истории Московского университета и ставший первым в России университетским музейным собранием. Как было отмечено в вступительном разделе настоящей статьи, он стал прешествником нынешних Геологического музея РАН и Зоологического музея МГУ.

Ввиду значительного объёма университетского собрания натуралий ему в 1861 г. в том же Аптекарском доме отвели отдельное помещение, оборудованное несколькими десятками «двойных шкафов». Согласно позже составленной описи М.И. Афонова (см. далее), Кабинет состоял из трёх отделов — рудного, натурального и смешанного (Добров, 1962а).

По-видимому, первоначальное название «Минеральный» сохранялось за этим Кабинетом не слишком долго: в некоторых вполне официальных документах середины 1760-х гг. он обозначается уже как «Натуральный кабинет». Так, в направленном императрице Екатерине II в 1765 г. от имени университетских профессоров «Мнении об учреждении и содержании Императорского университета и гимназии в Москве» (Андреев, 2001) в числе «публичных при университете учреждений» указывается «Натуральный кабинет, в котором всякие природные и чужестранные ископаемые вещи, четвероногие животные, птицы, рыбы, раковины и насекомые, или части оных, для изъяснения натуральной истории хранятся» (Ходецкий, 2004; Смуров, 2015, с. 5); здесь же Кабинет упоминается и как «Императорский».

Примечательно, что в этом «Мнении...», в полном согласии с владеющей российскими умами «табеля о рангах», профессора, пекущегося о приращении собрания Кабинета, пишут, что таковое «легко умножено быть может, если Её Императорское Величество всемилостивейше повелеть изволит, чтоб из всех в Российской Империи обретаемых натуральных вещей, которые ей присылаются, должно несколько и в университетский натуральный кабинет отдавано было», для надзора над коим «потребен инспектор [...] и несколько сберегателей» (*op. cit.*).

*Inventarium über das Mineralien Cabinet
des Kaiserlichen Michaelischen Universitat.*

1. kaiserliche Cabinet.

Общая надпись

С. Коп. 1.	1.	76
2.	2.	62.
3.	3.	2.
4.	4.	83.
5.	5.	70.
6.	6.	35.
7.	7.	52.
8.	8.	65.
9.	9.	23.
10.	10.	46.
11.	11.	57.
12.	12.	53.
13.	13.	42.
14.	14.	50.
15.	15.	36.
16.	16.	37.
17.	17.	16.
18.	18.	51.
19.	19.	37.
20.	20.	30.
21.	21.	26.
22.	22.	37.
23.	23.	20.
24.	24.	49.
25.	25.	30.
26.	26.	60.
27.	27.	66.

Рис. 2. Первый лист инвентарной описи Минерального кабинета, составленной М.И. Афониным в 1770 г. (по: Назаренко, 1962).

Fig. 2. First sheet of the inventory of the Mineral Cabinet compiled by M.I. Afonin in 1770 (after Nazarenko, 1962).

Это всепокорнейшее обращение не осталось без высочайшего благосклонного внимания. В позже опубликованном описании «Кабинетов и других заведений» Московского университета специально отмечено, что «учебные его пособия обогащены дарованным Екатериною II Музеем и Минеральным и Зоологическим кабинетами, доставшимися от Кн. Голицына и Графа Строганова» (Указатель..., 1826, с. 5). В частности, позже неоднократно упоминаемое пожертвование А.С. Строганова включало примечательную коллекцию рыб и земноводных.

[В Императорском московском университете приблизительно в то же время появился Анатомический театр при Кафедре анатомии Медицинского факультета, устроенный для показа «строения тела человеческого». Он упомянут в том же § 5 университетского Проекта (откуда цитата), фактически же учреждён был в 1765 г. (Летопись..., 2016д).]

В связи с переносом в новое помещение и ввиду отсутствия при Университете профессора натуральной истории, надзор над Минеральным кабинетом препоручили вышеупомянутому И.Х. Керштенсу, кой был приглашён в Московский университет из Лейпцига в 1758 г. возглавить Кафедру химии (Шевырёв, 1855; Летопись..., 2016д1). С тем профессору, для записи находящихся под его надзором предметов, была выдана «Шнуровая книга», потребная к заведению во всякой вновь учреждаемой университетской музейной институции (Бурлыкина, 2015). Однако обязанности, связанные с Кабинетом, на Керштенса были возложены без дополнения к основному жалованию, что, вкуче с другими обстоятельствами, не побуждало его относиться к новому поручению с надлежащей ревностью. Поэтому, как пишет Г.Е. Щуровский (1855б, с. 408) со ссылкой на рапорт М.И. Афонина о приёме им от Керштенса названного Кабинета, тот не слишком интересовался опекаемым собранием и, не внося ни одной записи в «Шнуровую книгу», оставил его после себя «в некотором беспорядке и без всякой описи, только общим счётом», да и то неполным, присовокупив к сему весьма пространную объяснительную записку о причинах нерадения своего. Среди таковых в качестве основных Керштенс указывал, что в контракте с ним заведование Минеральным кабинетом не было специально оговорено, да и коллекцию он принял без надлежащей описи (Назаренко, 1962; Юркин, 2015).

В 1770 г. во главе Кафедры натуральной истории был поставлен только что упомянутый профессор М.И. Афонин, коему было поручено и заведование Минеральным кабинетом (в связи с отставкой Керштенса). Он до того подготовил под руководством Линнея и защитил докторскую диссертацию по ботанике в Уппсальском университете, в Московском же университете профессорствовал в 1770–1777 гг., преподавая преимущественно зоологию и ботанику (Щуровский, 1855в; Назаренко, 1962). Забота о Минеральном кабинете стала важной частью приложения его сил в качестве профессора Кафедры натуральной истории с самого начала учёной карьеры. Афонин наконец-то навёл систематический порядок во вверенном его попечению собрании, составленная им «приёмная опись» при вхождении в заведование Кабинетом стала фактически первым каталогом университетского музейного собрания (Назаренко, 1962; рис. 2). Видимо, на этом основании М.И. Бурлыкина (2015) награждает Афонина званием «создателя Кафедры натуральной истории», коего он, однако, при всех его достоинствах, едва ли за-

служил: названная Кафедра, как указано выше, была учреждена с первых же дней Московского университета.

Место Афонина в должности профессора Кафедры натуральной истории, по выходу того в отставку в 1777 г., занял экстраординарный профессор И.А. Сибирский, по специализации физиолог. Заведовал, впрочем, он недолго — до 1783 г., когда болезнь преждевременно свела его в могилу (Щуровский, 1855г).

С 1784 г. во главе названной Кафедры были поставлены молодые экстраординарные профессора Ф.К. Курика и Ф.Г. Политковский, прошедшие, как было в то время заведено, обучение в нескольких ведущих университетах Европы (Шевырёв, 1855; Щуровский, 1855а). Этот «дуумвират» продлился совсем коротко — до 1785 г., когда, по причине неожиданной кончины Ф. Курики, его коллега Политковский сделался полным единоличным заведующим Кафедры и Кабинета, читая студентам из зоологии, ботаники и минералогии. «Под его надзором находился [...] на протяжении нескольких лет университетский музей»: так аттестует его деятельность в этой сфере А.П. Богданов (1885, с. 6). Примечательно отметить, что Политковский, излагая свои предметы на русском языке, вместо «натуральной» предпочитал говорить о «естественной» истории (Щуровский, 1855а). Впрочем, другие источники эту «пальму первенства» отдают А.А. Антонскому (Богданов, 1885; об Антонском см. далее настоящий раздел). Как бы там ни было, это нововведение прижилось не только в обиходной речи, но отчасти и в официальных документах: именно так в конце XVIII и на протяжении первой половины XIX вв. обычно обозначался наш Музей (впрочем, в то время чаще как Кабинет).

* * *

К середине 1770-х гг. Аптекарский дом пришёл в ветхость, к тому же его помещений стало катастрофически не хватать для университетских нужд; на выделяемые же Университету скудные казённые деньги удавалось лишь призраивать флигели да прикупать близ расположенные домишки (История..., 1955а). В связи с этим Совет Университета в 1775 г. подготовил и подал в Правительствующий Сенат для представления Екатерине II особую записку «О недостатках и нуждах Московского университета» с просьбой «отвести для университета другое способное место, на котором бы расположить и со-

всем вновь построить для одного дом [...] например, на Воробьёвых горах» (Вулисанова, 2002; Летопись..., 2016е). Этой просьбе не вняли; взамен Совету было предложено и далее осваивать территорию на углу Моховой и Никитской улиц, что было начато 10 лет назад (см. предыдущий раздел). Архитектор В.И. Баженов подготовил проект здания, предназначенного для возведения на месте подлежавшей сносу упоминавшейся усадьбы Репниных, но против него резко высказался П.А. Демидов, объявивший о своём намерении профинансировать обустройство Университета на новом месте (Белявский, Сорокин, 1970). По этой причине Совет Университета отказался от баженовского проекта, а вместо строительства были, по мере средств, приобретены и частью взяты в наём усадебные владения князей Барятинских и Волконских, некоторые другие городские усадьбы и участки на Моховой и за старым (ныне не существующим) Леонтьевским переулком. Однако очень скоро идея возведения нового здания Московского университета на Моховой была возрождена, его проект заказали архитектору М.Ф. Казакову, в 1786 г. по Указу Екатерины II для этого выделили нужные деньги, в том же году строительство было начато и в 1793 г. завершено (рис. 3) (Шевырёв, 1855; История..., 1995а; Кириллов, 1997; Вулисанова, 2002; Сорокин, 2006; Моховая..., 2015; Летопись..., 2016ж; Одолламская, 2016).

Где именно в 1780-е гг. годы размещался Натуральный (Минеральный) кабинет, по доступным мне источникам доподлинно установить не удалось. Вероятно, отсутствие явных упоминаний о нём в сводах университетской истории того времени косвенно показывает, что Кабинет всё это время по-прежнему оставался в Аптекарском доме.

Он (вместе с библиотекой) переехал в новый «казаковский» корпус в 1791 г. незамедлительно после того, как была отстроена средняя часть здания (Летопись..., 2016з). Там для Кабинета было отведено специальное довольно обширное помещение «в два света», занимавшее часть галереи справа от Большой аудитории (т. е. по данному формальному признаку «кабинет» был обращён в «галерею», об этом см. предыдущий раздел). Согласно словесному описанию, предметы Кабинета в этом помещении расположились так: «под хорами, по окнам, стояли большие белые со стёклами шкафы, а по середине галереи, вдоль, поставлены были столы, также белые и под стеклами. В шкафах разме-

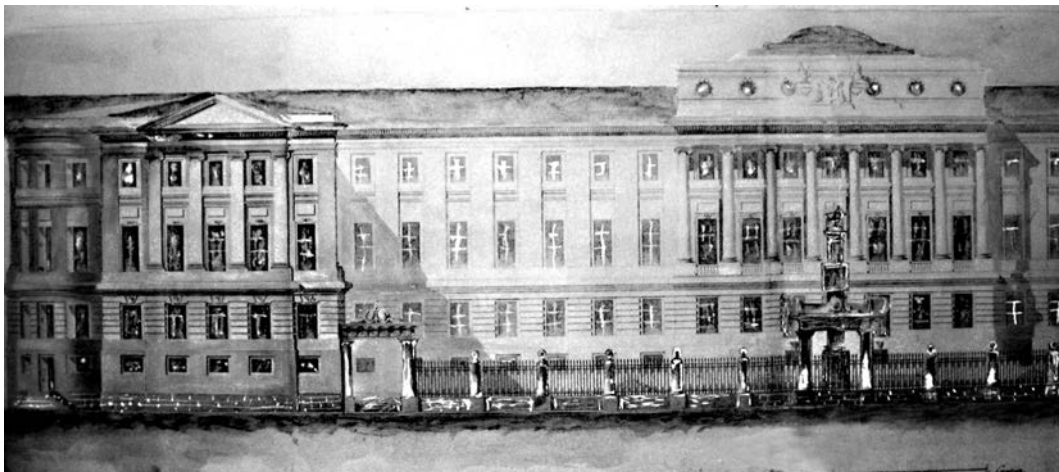

Рис. 3. Здание Московского университета, построенное по проекту М.Ф. Казакова (вид со стороны р. Неглинки; картина 1790-х гг.; из: Павлинов, Иванов, 2005).

Fig. 3. Building of Moscow University designed by M.F. Kazakov (view from the Neglinnaya River; painting of the 1790s; after Pavlinov, Ivanov, 2005).

щались чучела, скелеты, спиртовые препараты животных, кораллы и проч.; в столах же были расположены большею частью раковины и несколько минералов, и притом столь редко, что этот излишний простор был очень заметен» (Щуровский, 1855а, с. 283; текст воспроизводит описание, сделанное в самом начале XIX в. тогдашним ректором Университета П.И. Стреховым). Как отмечал А.П. Богданов, благодаря этому университетское музейное собрание оформилось организационно и структурно (Bogdanov, 1893а).

* * *

Последнее десятилетие XVIII в. для истории нашего Музея стало некоторой «зоной турбулентности»: разные (а порой и не очень разные) источники дают несогласную картину того, каким образом он назывался и кто в какое время его опекал. Поэтому наверное имеет смысл здесь несколько подробнее остановиться на этом примечательном с исторической точки зрения отрезке.

Начать следует с того, что в кратком историческом очерке о Зоомузее Г.А. Кожевникова (1915) прямо указано, что в 1791 г. по инициативе профессора Политковского на базе коллекций Минералогического кабинета был основан Музей натуральной (естественной) истории. Как представляется, поводом для подобной аттестации послужили два обстоятельства: во-первых, только что приведенное мнение А.П. Богданова об «организующем» значении переезда Кабинета в новое университетское здание; во-вторых, именно «Музеем естественной истории» не-

изменно называл университетское собрание в первые годы XIX в. его новый глава Г.И. Фишер (см. следующий раздел статьи). Примечательно, что Политковский в его биографии назван «директором университетского Музея натуральной истории» (Щуровский, 1855а, с. 282; курсив мой. — И.Я.П.). Данная «хронологическая точка» затем повторена в более поздних «вторичных» источниках, где речь идёт об истории нашего Музея (Кожевников, 1915; Туров, 1956; Россоломо, 1991; Бессуднова, 2006; Любарский, 2009; Бурлыкина, 2015; Летопись..., 2016з).

Однако в просмотренных мною публикациях на сей предмет, более близких по времени к рассматриваемому периоду, в том числе и у Г.И. Фишера (Fischer, 1805, 1806), я не встретил ни одного указания на таковое преобразование. В частности, в «Истории...» Шевырёва (1855) в главе, посвящённой этому периоду, перечислены многие учреждённые тогда институты (например, Вольный пансион, Благородный пансион, Педагогическая семинария, Учёное дружеское общество), — но ни слова не сказано о Кабинете натуральной истории. Данное обстоятельство особенно примечательно, если принять во внимание, что в одной из предыдущих глав своей книги Шевырёв несколько абзацев посвятил Минеральному кабинету середины–конца 1750-х гг., а в одной из последующих — несколько страниц Музею натуральной истории начала XIX в. В связи с этим заслуживает упоминания, что в наше время опубликованной «летописи Минерального кабинета» данный 1791 г. вообще не ука-

зан (Добров, 1962а): её составитель то ли счёл этот год не заслуживающим внимания, то ли случайно пропустил его (всё-таки переезд в новое здание — это событие!).

Тем не менее, наверное можно с определёнными основаниями полагать, что в 1791 г. Минеральный (он же Натуральный) кабинет был действительно переименован в Кабинет/Музей натуральной (естественной) истории — и это едва ли случайно совпало с переездом его на новое место. Указанный год ныне считается официальной датой «рождения» Зоологического музея МГУ: эту фиксацию, по-видимому, следует приписывать Г.А. Кожевникову, который в уже упоминавшемся списке «главнейших моментов в истории Музея» однозначно указал 1791 г. как год основания «Музеума натуральной истории».

[Примечательно, что Геологический музей им. Вернадского — «брат-близнец» Зоомузея, выросший из того же Минерального кабинета, — ведёт своё летоисчисление от 1755 г. (Зарождение..., 2016) или от 1759 г. (250-летие..., 2009).]

В конце 1780-х гг. в развитии университетской натуральной истории появляется весьма значительная фигура А.А. Антонского-Прокоповича (также нередко пишется как Прокопович-Антонский). Согласно его биографическому очерку (Шевырёв, Щуровский, 1855), он с 1787 г. преподавал естественную историю в университетском Вольном благородном пансионе. В 1788 г. Антонский был зачислен адъюнктом на Кафедру энциклопедии и натуральной истории, только что учреждённую при Философском факультете, а в 1791 г. возглавил её в качестве (как в то время водилось) одноимённого профессора, читая лекции «без применения к медицинским наукам» (Шевырёв, 1855, с. 237).

А.А. Антонского весьма живо интересовали вопросы того, каким наилучшим образом можно раскрыть тайны Природы для просвещения публикой. Это видно из того, что в первом же выпуске недолго (1788–1790 гг.) издаваемого им «Магазина натуральной истории, физики и химии...» он поместил статью «Естественная история», в которой довольно подробно и «практично» изложены представления о том, каково назначение и каково должно быть устройство кабинета естественной истории (публикуется в настоящем сборнике). Это описание завершает своеобразный афористический лозунг, отражающий ключевую идею такого кабинета: «Кабинет естественной истории есть сокращение целой Природы» (Естественная..., 1788, с. 19).

В своём «Магазине...» Антонский печатал переложения из французских энциклопедий в своём же переводе (Магазин..., 2002), так что эта статья не была его собственным творением; но весьма вероятно, что таковы были воззрения самого Антонского.

В эти же годы учёная судьба Антонского, по-видимому, оказалась связанной с Кафедрой натуральной истории и одноимённым Кабинетом на Медицинском факультете. Авторы биографического очерка о нём пишут, что в 1788 г. он «сделал описание Кабинету Натуральной Истории и привёл его в систематический порядок» (Шевырёв, Щуровский, 1855, с. 13). Ввиду отсутствия документальных свидетельств этого «приведения в порядок», можно предполагать (на основании совпадения дат публикации в «Магазине...» и указанной в биографии), что биографы приняли изложенное Антонским описание воображаемого кабинета за таковое университетского собрания натуралий, с чем не критично согласились последующие историки.

Далее те же биографы пишут, что в 1791 г. Антонский определён был «на новую кафедру»; из пояснения, согласно которому «по кафедре Натуральной Истории предшественником Антонского был [...] Фёдор Герасимович Политковский» (*op. cit.*, с. 16), следует, что подразумевается кафедра Медицинского факультета, а не Философского. Это позже повторил почти слово в слово А.П. Богданов (1885), не усомнившись в том «ведомстве», по которому проходил профессор Антонский согласно указанию Шевырёва и Щуровского.

Однако тут вот такая заковыка: в только что упомянутых биографических очерках о Политковском и Антонском указываемые факты, имеющие отношение к нашей истории, едва ли вполне совместимы. Про первого сказано, что он оставался ординарным профессором Кафедры натуральной истории Медицинского факультета вплоть до 1802 г., а сверх этого ещё год руководил Кабинетом натуральной истории, тогда как про Антонского — что он всё это время сохранял за собой Кафедру энциклопедии и натуральной истории на Философском факультете. В «Истории...» Шевырёва, там, где описывается деятельность университетских профессоров в конце 1780-х и начале 1790-х гг., Политковский упомянут в очерке Медицинского факультета, Антонский — в очерке Философского факультета. Последнее место указано и в краткой биографии последнего в современной

университетской летописи, причём в этой биографии не указан Кабинет натуральной истории (Летопись..., 2016з1); впрочем, тут может быть неточность, поскольку во всей этой летописи вовсе не упомянута Кафедра энциклопедии и натуральной истории.

Данная интрига усугубляется ещё одним обстоятельством. В 1785 г. Политковский в публичном собрании Университета представил «Речь о происхождении и пользе истории натуральной», в которой подчёркивал значение линнеевской Системы природы, полагая её «ключом от святилища Природы, и оною точкою, от которой все те начинать должны вести линию своего натурального учения, которые желают познать природу, её сокровища и её глубочайшие таинства» (цит. по: Вихман, Генералова, 2008, с. 23). Несколькими годами позже, а именно в «рубешном» 1791 г., на торжественном собрании Университета, посвящённом началу освоения его нового здания, уже Антонский произнёс «Слово о началах и успехах наук, и в особенности естественной истории». В нём он воспел краткую, но горячую хвалу кабинетам естественной истории, полагая, что сии «сооружаемые хранилища существ, рассеянных по разным странам обитаемого нами шара [...] в наши просвещённые времена [...] наиболее споспешествуют [...] возвышению [естественных наук]. Кто не обретет ощутительной выгоды высокой науки [...] при воззрении на кабинеты существ природы, единым взглядом объемлемой во всей стройности, красоте и величестве?» (цит. по: Прокопович-Антонский, 2010, с. 423).

Таким образом, статус этих двух университетских профессоров — Политковского и Антонского — в отношении Кафедры натуральной истории Медицинского факультета, а тем самым и рассматриваемого здесь одноимённого Кабинета, в период, охватываемый 1790-ми гг., мне представляется не вполне ясным. Он требует более внимательного изучения архивных документов того времени, фиксирующих перемещения и назначения университетских профессоров.

В 1798 г. к Кабинету в звании смотрителя был приписан молодой адъюнкт И.А. Двигубский (Рулье, Спасский, 1855) — пожалуй, первый в истории Московского университета естествоиспытатель, занимавшийся зоологией и ботаникой не попутно, но сделавший эти дисциплины своей основной специализацией. Он опубликовал ряд значительных работ по на-

званным дисциплинам, в том числе первое описание известных тогда животных Московской губернии под характерным названием «*Primitiae Faunae Mosquiensis...*». При Кабинете натуральной истории Двигубский оставался в указанном качестве до 1803 г. — до того самого момента, когда в истории Московского университета произошли коренные перемены (см. следующий раздел статьи).

Коллекции Кабинета на протяжении 1780-х и 1790-х гг. постоянно обогащались новыми поступлениями благодаря щедрым дарам меценатов и естествоиспытателей. Так, сыновья Прокофия Демидова преподнесли в дар Университету весьма значительный гербарий, который их отец собирал долгие годы; своим вниманием это ботаническое собрание удостоил П. Паллас (Павлов и др., 1978; Сытин, 2014; Бурлыкина, 2015). Интересные и разнообразные материалы поступили от петербургского академика Э.Г. Лаксмана. Благодаря таким жертвованиям Кабинет довольно быстро стал превращаться из преимущественно минералогического в комплексный естественноисторический, в котором были представлены предметы трёх царств Природы — «ископаемых» (минералов и фоссилий), «прозябаемых» (растений) и животных.

В рассматриваемые времена Кабинет натуральной истории, как и весь Университет, служил преимущественно академическим образовательным целям. Но вместе с тем в нём регулярно проводились публичные лекции («курсы») по естественной истории с демонстрацией музейных предметов. Для сего эти предметы один день в неделю были доступны для осмотра не только студентами, но и широкой публикой. Лекции с показом музейных материалов увлекательно читали Политковский и Антонский, оба прирождённые популяризаторы.

Читаемые университетскими профессорами и адъюнктами публичные лекции по естественной истории способствовали росту интереса к ней у публики. В этом проявлялась высокая миссия и специфика университетских кабинетов, которые изначально формировались как «открытые», в отличие от сугубо академических призванные не только обучать, но и просвещать народ (Бурлыкина, 2015).

Однако в отношении более узких дисциплин в «музейной» сфере университетской деятельности особого прогресса в то время не отмечалось. По этому поводу почти столетие спустя А.П. Богданов (об этом выдающемся деятеле

будет рассказано далее) с горечью отмечал, имея в виду состояние европейского естествознания, что «университету не посчастливилось относительно зоологии [...] До Фишера по естественной истории были образованные и трудолюбивые чиновники, но не специалисты, сделавшие её своею наукой» (Богданов, 1885, с. 12). Впрочем, в отношении Двигубского такая характеристика едва ли верна: его «Primitiae Faunae Mosquiensis...» (1802 г.) и «Prodromus Faunae Rossicae» (1804 г.) являют собой яркие образчики классической «каталожной» естественной истории того времени.

ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XIX ВЕКА: ВЫЗРЕВАНИЕ

Начало XIX в. ознаменовалось значительными событиями в истории России, кои были связаны с благородными устремлениями только что восшедшего на престол императора Александра I. Побуждаемый своим либеральным окружением (организованным в знаменитый в своё время «Неофициальный комитет») к достаточно решительным реформам, он в 1802 г. особым Манифестом «Об учреждении министерств» среди прочих назначил Министерство народного просвещения (в первоначальном проекте — «образования»), поручив ему попечение над всеми учебными заведениями России, а также над Академией наук; к ведению этого Министерства были отнесены также «натуральные кабинеты, музеи и всякие учреждения, какие впредь для распространения наук быть могут» (Рождественский, 1902, с. 36). Названным Манифестом новоиспечённому Министерству предписывалась разработка уставов и правил подведомственных ему учреждений.

Особливое внимание преобразователей Российской империи к необходимости просвещения её подданных выразилось в том, что изданные в начале 1803 г. «Предварительные правила народного просвещения» прямо предписывали университетам чтение публичных лекций (курсов). На это немедленно откликнулись наши профессора, — и в первую очередь всё те же Политковский и Антонский, расширившие чтение лекций по естественной истории с показом музейных предметов, о чём свидетельствует 3-й выпуск официально издаваемого университетского сборника «Периодического сочинения об успехах народного просвещения» за 1803 г. В нём объявлялось о том, что для публичных лекций профессора натуральной истории Ф.Г. По-

литковского «открыт будет почтенной публике Семятичский натуральный кабинет, известный во всей Европе [...] Преподавание начнётся сентября 7 числа и будет продолжаться каждую неделю по тем же дням, кроме праздничных» (цит. по: Щуровский, 1855а, с. 282; об этом Кабинете см. чуть ниже).

* * *

Начать живописание этого важного этапа в ранней истории нашего Музея следует с упоминания о том, что императорский Манифест содержал, среди прочего, призыв к пожертвованиям на дело образования в России (Шевырёв, 1855). Не ограничившись одним лишь только призывом, император личным примером решил подвигнуть своих состоятельных подданных на этом благородном поприще, удобным случаем к чему представилось приобретение и передача в дар Университету только что упомянутого Семятичского кабинета.

Этот последний был одним из самых крупных и интересных частных собраний в натуральной истории, имевшим европейскую известность. Кабинет принадлежал княгине Анне Яблоновской и хранился в родовом имении Яблоновских в местечке Семятичи (польск. Siemiatycze = Семятыче) — отсюда и название (Бессуднова, 2006; Ананьев, 2009). В 1802 г. император Александр выкупил Кабинет у наследников незадолго до того упокоившейся его владелицы за огромную по тем временам сумму в 50 тысяч голландских червонцев и подарил его Московскому университету. Согласно описи, изложенной на 36 листах, коллекция состояла из следующих частей: 1) царство минералов, 2) царство растений, 3) царство животных, 4) древности. О значимости этого события свидетельствует тот факт, что в приобретении и доставке в Москву Семятичского кабинета были задействованы: петербургский академик В.М. Севергин, виленский генерал-губернатор Л.Л. Беннигсен, старший куратор Московского университета М.М. Херасков и некоторые другие высокие чины (*op. cit.*). Собрание Яблоновской привезли в Москву на 10 подводах под соответственной охраной и в сопровождении чучельного мастера Ришара, с тем поступившего на службу в Университет (Щуровский, 1855а). Как писали несколько лет спустя «Московские учёные ведомости» в статье, специально посвящённой университетскому Кабинету, император «чрез то находившееся прежде при Университете небольшое собрание некоторых

минералов и нескольких банок с животными в спирте возвысил в число известных в Европе Музеев» (Известие..., 1805, с. 321).

Благородному примеру монарха сразу же последовал Павел Демидов — сын уже упоминавшегося Г.А. Демидова, высокообразованный натуралист (учился в Гёттингенском университете, затем слушал лекции у К. Линнея) и меценат. В том же 1802 г. он объявил через «Ведомости» (Кузнецов, Минаева, 2005) и в 1803 г. безвозмездно передал (Бессуднова, 2005, 2006) в Университет своё весьма значительное личное собрание предметов естественной истории и артефактов, а также библиотеку, оценённые в совокупности в 250 тыс. руб. Это событие отражено в мартовском номере «Московских ведомостей» за 1802 г. и во 2-м выпуске сборника «Периодическое сочинение...» за 1803 г. (Кузнецов, Минаева, 2005; Летопись..., 2016).

Наиболее значительной была минералогическая часть этого Кабинета, что вполне естественно для горнозаводчиков Демидовых. В его составе был и гербарий, помещённый в Аптекарском огороде, где хранилось ботаническое собрание Университета (Fischer, 1806); впрочем, он указан в одном из томов описания Демидовского кабинета (Fischer, 1807). Зоологическая часть демидовской коллекции была не слишком большой: включала 15 чучел млекопитающих (среди них обезьяны, муравьед, дикая свинья), 115 чучел птиц (представители всех известных в то время отрядов и семейств), 30 рыб и пресмыкающихся (в том числе крокодил, рыба-меч, рыба-пила), около тысячи раковин моллюсков, насекомых и кораллов.

Вместе с сим собранием П.Г. Демидов пожертвовал в сохранную казну Университета 100 тыс. руб. с тем, чтобы «часть процентов с этой суммы употреблялась на содержание студентов, часть на отправление достойнейшего из них в иностранные университеты и часть на содержание кафедры натуральной истории с поручением её иностранному профессору, пока эта важная часть наук дойдёт у нас до большего совершенства» (цит. по: Шевырёв, 1855, с. 320).

И в последующие ближайшие годы российские меценаты не оставляли своим благосклонным вниманием университетское собрание (Шевырёв, 1855, с. 371–372). Среди тех новых поступлений, частью коих были зоологические предметы, наиболее значительным стал дар княгини Е.Р. Дашковой, пожертвовавшей университету в 1807 г. свой собственный Кабинет

натуральной истории. Это собрание, которое Дашкова накапливала три с лишком десятка лет, включало свыше 15 тысяч предметов «животных окаменелых, растений сухих, плодов, камней и руд, античных слепков», множество драгоценных камней и библиотеку. Всё пожертвование оценено было в 50 тыс. руб., для его размещения и показа в университетском здании отвели отдельный зал.

* * *

Поворотным в начале этого этапа нашей истории стал 1804 г., на протяжении которого императорскими Указами были учреждены: «Предварительные правила для университета и подведомственных ему учреждений (народных училищ)», затем типовой «Устав университетов Российской империи» и наконец «Устав учебных заведений, подведомственных университетам». Этими указами была определена система всего образовательного дела в России: были созданы учебные округа, определены система управления, структура и задачи учебных институций четырёх разрядов. Ключевое значение имела высочайше утверждённая типовая структура университетов, предусматривавшая, среди прочего, обязательное учреждение при каждом из них кафедры и кабинета натуральной истории (Петров, 2002). В этом общеуниверситетском Уставе просматривались всё те же основные признаки устройства университетов германского образца, кои с большим или меньшим успехом насаждались в России на протяжении XVIII в. (Рождественский, 1902).

Согласно учреждённому на этой основе в том же году Уставу Московского университета (Летопись-Устав..., 1804), в нём были выделены (§ 24) четыре отделения (или факультета), среди них Отделение врачебных или медицинских наук с шестью кафедрами и Отделение физических и математических наук с восемью кафедрами (в общем списке), в том числе ботаники, «минералогии с сельским домоводством» и др. В добавление к этим кафедрам в § 25 особо оговаривалось, что «в отделении Физических и Математических наук, Университет будет иметь особенную кафедру Натуральной Истории, под названием Демидовской, с тем, чтобы на содержание оной употребляема была часть доходов с капитала, принесённого в пользу Московского Университета благотворителем наук Павлом Григорьевичем Демидовым».

Важно отметить, что в новом Уставе не упомянута Кафедра натуральной истории, ранее

приписанная к Медицинскому факультету (см. предыдущий раздел). Её разделили на три части: ботаническую и минералогическую преобразовали в упомянутые новые кафедры, а преимущественно зоологическую присоединили к Демидовской кафедре. Все они входили в состав Физико-математического отделения, каковое подчинение (при отчасти изменённом статусе и названии) будет сохраняться на протяжении всего XIX в.

Следует обратить особое внимание на то, что среди «учебных пособий и институтов», из числа утверждённых новым Уставом «для распространения наук и просвещения» имеющих отношение к нашему повествованию, указан (§ 76) только «Кабинет естественной истории», который (§ 85) «состоит в ведении Профессора Естественной Истории». Демидовское же собрание, пожертвованное в Университет в 1802 г. и фактически положившее начало Демидовской кафедре, в Уставе не упомянуто вовсе. Как можно полагать, этот «уставной» Кабинет естественной истории является ничем иным, как ранее существовавшим Минеральным (Натуральным) кабинетом, тогда как дарованное П.Г. Демидовым собрание сочтено неотъемлемой частью Демидовской кафедры натуральной истории, не требующей особо оговорённого статуса.

Таким образом, всё университетское собрание натуралий, как оно было организовано согласно новому Уставу, фактически представляло собой два кабинета (музея). Об этом, на мой взгляд, неспоримо свидетельствует тот факт, что новый глава этого собрания Г.И. Фишер в послужном формуляре указан в качестве «директора университетских музеев» (Добров, 1962а, с. 78; курсив мой. — *И.Я.П.*). И сам Фишер в музейном каталоге, изданном в 1806–1807 гг., эти два собрания не только делит по «ведомствам», но и по-разному называет (о Фишере и его каталоге см. далее настоящий раздел). Позже с таким делением соглашается А.П. Богданов (1885), который в биографическом очерке о Фишере пишет, что тот «посвятил свои труды на устройство Московского музея и Демидовского собрания» (Богданов, 1885, с. 17).

Новый университетский Устав отдалил от Кабинета естественной истории натуралистов, опекавших его на протяжении последних десяти с лишком лет: ведь теперь он находился в ведении профессора Демидовской кафедры, каковой, согласно одному из выше проци-

тированных условий дарственной грамоты П.Г. Демидова, должен был быть непременно «иностранным». Ф.Г. Политковский, в 1803 г. перемещённый на Кафедру практической медицины, но вроде бы сохранивший (ещё на год) заведование названным Кабинетом, в новой структуре Университета возглавил Кафедру патологии, терапии и клиники (что более соответствовало его основной специализации как врача). А.А. Антонский-Прокопович, поскольку Философский факультет со всеми его подразделениями был упразднён, занял Кафедру минералогии и сельского домоводства. Наконец, И.А. Двигубского назначили профессором Кафедры технологии и наук. Достоинство особого упоминания, что две последние персоны в своей университетской карьере достигли знаменательной вершины — ректорской должности: проф. Антонский занимал её в 1819–1826 гг., проф. Двигубский — в 1826–1833 гг.

* * *

Для заполнения вакансии профессора Демидовской кафедры Московский университет, по инициативе его попечителя М.Н. Муравьёва, разослал приглашения в ведущие германские университеты (Шевырёв, 1855; Смекалина, 2012). Из учёных персон, получивших приглашение на заведование Демидовской кафедрой и Кабинетом натуральной истории, откликнулся сравнительно молодой Иоганн Готтгельф Фишер. Это был уроженец саксонского городка Вальдхайма (поэтому при возведении в потомственное русское дворянство к его фамилии был добавлен эпитет «фон Вальдгейм»), в русскоязычной среде известный под именем Григорий Иванович. Он обучался естественной истории в славнейшем Гёттингенском университете, по окончании коего некоторое время работал в учреждённом в 1793 г. Национальном музее естественной истории в Париже, составив его подробное двухтомное описание (Fischer, 1802, 1803), а с 1799 г. заведовал Музеем натуральной истории в Майнце. Благодаря этому, а также достаточно тесному общению с выдающимися естествоиспытателями того времени — Александром фон Гумбольдтом, Жоржем Кювье, Этьеном Жоффруа де Сент-Илером, Жаном-Батистом де Ламарком — Г. Фишер стал признанным в Европе знатоком естественной истории и музейного дела и получил почётное неформальное звание «германского Кювье» (Богданов, 1885).

Эти обретенные в Европе знания и умения Г.И. Фишер в полной мере применил на новом

поприще. В 1804 г. он принял под своё начало Демидовскую кафедру (одновременно с этим получив звание Демидовского профессора, см.: Речи..., 1824) и Кабинет естественной истории, которые стали для него важнейшим делом следующих 20 лет жизни. Следует иметь в виду, что он знал цену своим профессиональным достоинствам и той ответственности, которая на него возлагалась новым назначением, и считал, что его новое начальство также должно осознавать и соответственным образом ценить это. Во всяком случае, ещё до прибытия в Россию оговаривая свои условия работы в Московском университете, Фишер сумел добиться у М.Н. Муравьёва согласия на прибавку к годовому жалованию ординарного профессора (около 2000 руб.) ещё 500 руб. за исполнение обязанностей «директора демидовского музея» (Андреев, 2001).

Хотелось бы обратить внимание на одну важную деталь, с лучшей стороны характеризующую Г.И. Фишера как полноценного музейщика. Освоившись на новом месте, он писал в 1805 г. в письме своему другу и коллеге, известному натуралисту Й. Блюменбаху: «мой главный принцип таков: тот, кто является хранителем огромной коллекции, тот не имеет права иметь собственную коллекцию» (цит. по: Соколов, Шишкин, 2005, с. 36). Годом позже он повторяет эту мысль в своём послании, адресованном М.Н. Муравьёву: «руководимый преданностью к моим обязанностям, я убедил себя, что директор учреждения столь важного, как Московский музей, не должен делить своих трудов и забот между частною своею коллекцией и собраниями, предназначенными для общей пользы [...] Я пожертвовал на общую пользу моё собственное собрание, хотя оно и заключает в себе предметы, получение коих для меня уже невозможно в будущем» (цит. по: Богданов, 1885, с. 18; также Fischer, 1806, р. 10). Пожертвование Фишера включало множество «натуральных предметов, редких скелетов и многих новых ископаемых тел» (Об училищных..., 1805, с. 39). Увы, этому «золотому правилу» следуют далеко не все музейщики — что современники натуралиста, что нынешние...

* * *

Вслед за своими европейскими учителями Фишер полагал, что натуральные коллекции, а равно и их описания, должны быть «копией самой Натуры»; то же утверждал и А.А. Антонский в своём живописании «идеального Кабинета» (см. предыдущий раздел). В послании-

отчёте от 1806 г. М.Н. Муравьёву, упомянутом выше, Фишер подчёркивал, что «только будучи поставлены в соответствующем порядке, самые замечательные предметы могут сделаться действительно полезными, особенно если количество таких предметов [...] настолько велико, что их невозможно окинуть единым взглядом и удержать в памяти» (цит. по: Богданов, 1885, с. 18).

Исходя из этого, Г.И. Фишер деятельность свою на новом месте начал с того, что привёл вверенные его попечению коллекции в новое, привезённое из Европы «расположение» — согласно Естественной системе, почерпнутой главным образом из того порядка, коему подчинена была экспозиция Музея естественной истории в Париже. По-видимому, Фишера совсем не удовлетворяло обустройство Кабинета, принятое его предшественниками, поэтому на приведение коллекций в соответствие «европейской» системе ему понадобилось целых восемь месяцев. В сем многотрудном деле ему помогал Ришар, которого Фишер упомянул в должности смотрителя в первом томе своего музейного каталога (о последнем см. чуть ниже в настоящем разделе).

Своего рода «отчёт о проделанной работе» Г.И. Фишер представил в речи, произнесённой в июне 1805 г. по случаю 50-летия Московского университета. Основное содержание речи, названной «Об истинной цели кабинетов, состоящих из достопамятнейших предметов природы и о пользе их для народного просвещения» (Московские..., 1805), воспроизведено (с некоторыми изменениями) в университетском сборнике, посвящённом сей памятной дате (Fischer, 1805), и в вступительном разделе первого тома музейного каталога (Fischer, 1806; Фишер, 1806).

Сразу после приведения в новый порядок всего университетского собрания предметов натуральной истории и относящейся к нему библиотеки Г.И. Фишер подготовил и в течение двух лет — 1806 и 1807 гг. — опубликовал его первое систематическое описание. Этот каталог вышел в четырёх книгах и примечателен в нескольких отношениях: он позволяет представить, каким образом Фишер мыслил подопечное ему музейное собрание, а также оценить его масштаб.

Прежде всего, следует обратить внимание на то, что Г.И. Фишер с самого начала своей карьеры в Московском университете почти неизменно называл своё «ведомство» не Кабинетом, а именно Музеем. В этом несомненно отразилась

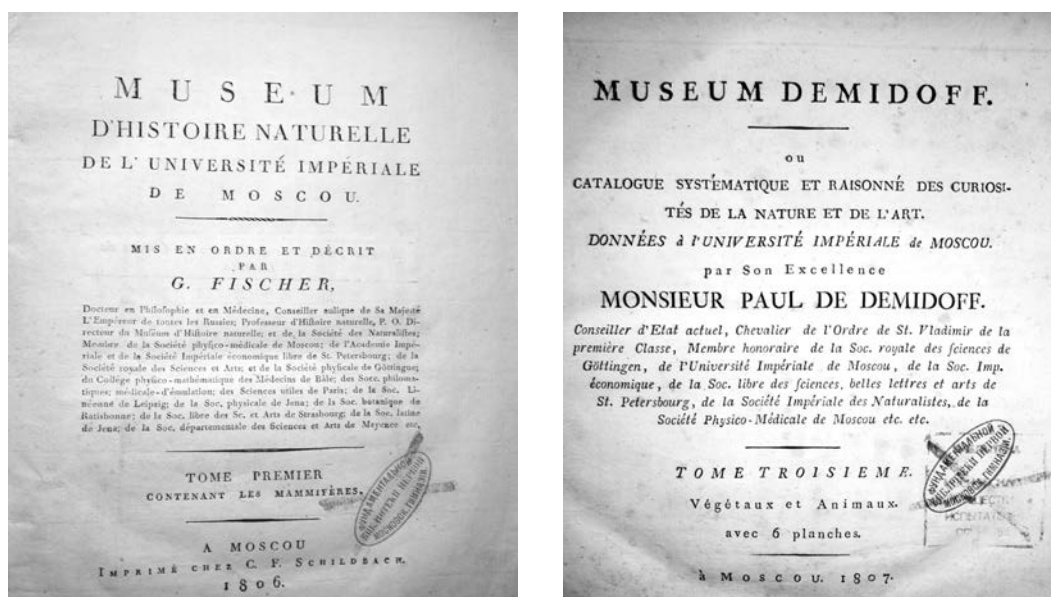

Рис. 4. Титульные листы каталога Г.И. Фишера: «Императорского музея» (слева) и «Демидовского музея» (справа) (из: Fischer, 1806, 1807).

Fig. 4. Title pages of the G.I. Fischer's catalogues: the "Imperial Museum" (left) and the "Demidov's Museum" (right) (after Fischer, 1806, 1807).

его служение в европейских музеях, откуда он привёз не только знание и опыт, но и соответствующий «тезаурус». Под этим названием наш Музей фигурирует во многих университетских документах и изданиях (например, в ежегодных отчётах) первой половины и середины XIX в. Впрочем, в университетском уставе от 1835 г. он будет официально обозначен иным образом (см. ниже настоящий раздел).

Далее, два раздела университетского собрания натуралий, представлявших собой два музея (см. выше), Г. Фишер и обозначал по-разному. Один из них, восходивший к Минеральному (Натуральному) кабинету 1750-х гг., он неизменно называл «Императорским»; второй, в основе которого лежал дар П.Г. Демидова 1802 г., для него был «Демидовским». Это различие однозначно проявляется в названиях томов подготовленного Фишером каталога (рис. 4). Первый том титульно обозначен как «Muséum d'Histoire Naturelle de l'Université Impériale de Moscou», на его шмуцтитуле и в колонтитулах Музей значится как «Muséum Impérial d'Histoire Naturelle de Moscou» — т. е. «Императорский музей естественной истории»; первая глава этого тома называется «Histoire du Muséum Impérial d'Histoire Naturelle» (Fischer, 1806). В отличие от этого, посвящённые демидовскому собранию три тома каталога названы «Muséum Demidoff» — т. е. «Демидовский музей»; его зоологический и ботанический разделы отражены в третьем томе

(Fischer, 1807). В уже упоминавшемся послании-отчёте к М.Н. Муравьёву Фишер пишет, что он полагает «разместить [Императорский] музей так, чтобы от внимания публики не ускользнул знаменитый Демидовский музей, и вместе с тем представить его как естественное дополнение и продолжение уже существующих коллекций» (цит. по: Богданов, 1885, с. 17).

Говоря о структуре тогдашнего Кабинета, стоит отметить, что Фишер особо выделяет в нём ещё и некое «Географическое собрание», которое было пожертвовано в Университет И.Ф. Германом, академиком и главным директором Екатеринбургских рудокопных заводов (Fischer, 1806). Оно предназначено было для показа разнообразия природных условий в областях Российской империи. И хотя Фишер обещал «стараться о продолжении сих собраний» (р. 9), в «послепожарном» Музее их, по видимому, не восстановили.

То, почему Фишер обозначает первый из описываемых им музеев как «Императорский», может быть понято из следующего. С одной стороны, ещё одно обозначение университетского Натурального кабинета, в самые первые десятилетия его существования, было — «Императорский кабинет» (см. предыдущий раздел). С другой стороны, хотя в вступительном разделе 1-го тома своего каталога Фишер и отмечает самых первых дарителей — Демидовых, тем не менее основной акцент делает на Семятическом ка-

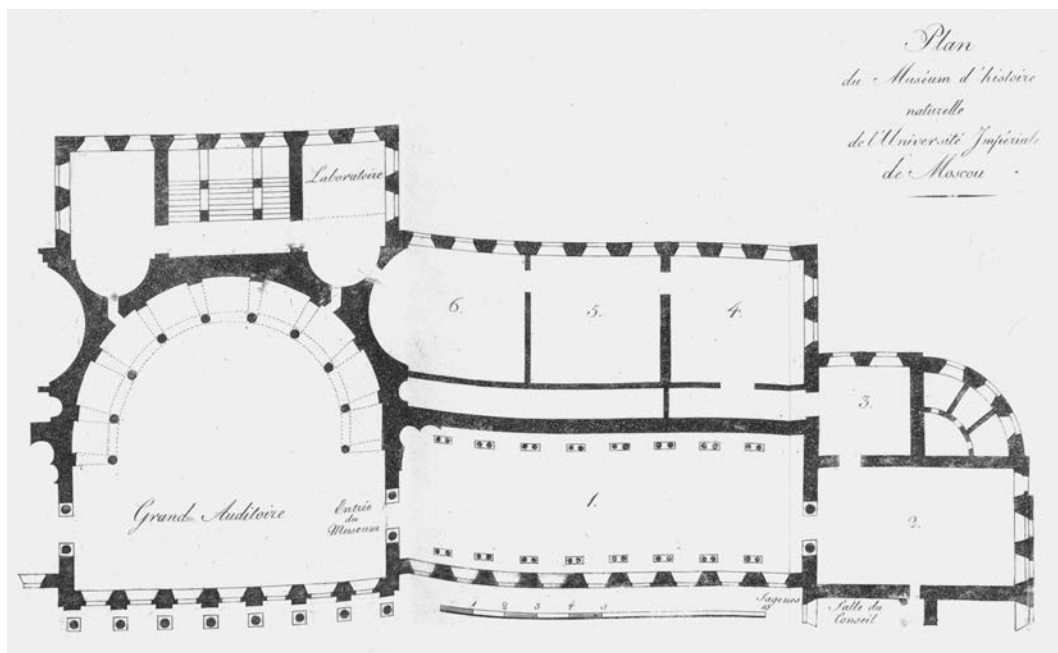

Рис. 5. План размещения «Императорского» (1–3) и «Демидовского» (4–6) музеев в университетском здании в 1805 г. (из: Fischer, 1806).

Fig. 5. Scheme of disposition of the “Imperial” (1–3) and the “Demidov’s” (4–6) Museums in the University building in 1805 (after Fischer, 1806).

бинете, особо отмечая, что тот был пожертвован Университету императором Александром I (см. выше). Эту же мысль Фишер подчёркивает в только что упомянутом послании-отчёте от 1806 г., где он пишет про «музей, дарованный нашему университету Его Императорским Величеством», называя последнего «основателем нашего музея» (цит. по: Богданов, 1885, с. 17). В связи с этим интересно отметить, что Фишер в своём кратком историческом очерке не упоминает каких-либо конкретных «памятных дат», в том числе не указывает и 1791 г.: для него история «Императорского музея» заключается главным образом в поступлениях ценных собраний, каковых в означенном году не было.

Первый том сводного каталога обоих музеев Фишер начинает кратким очерком истории формирования университетского собрания вместе с планом и описанием его размещения на момент издания каталога. Краткая характеристика Музея натуральной истории представлена также на страницах «Московских учёных ведомостей» за 1805 г. (Известие..., 1805; Об училищных..., 1805) и воспроизведено в книге С.П. Шевырёва (1855), посвящённой 100-летию Московского университета (с. 370–371); имеется почти полный русский перевод всего тома (Фишер, 1806; вводный раздел публикуется в настоящем сборнике). Согласно схематическому плану, предваряющему вводный очерк (рис. 5), и его

словесному описанию, университетское собрание предметов натуральной истории занимало шесть смежных комнат, расположенных справа от Большой аудитории в центральной части университетского здания — приблизительно там же, где они располагались при въезде в новое помещение в 1791 г. (см. предыдущий раздел). Первое (центральное) помещение, вход в которое вёл из аудитории, представляло собой большой зал, а прочие были примыкающими к нему небольшими комнатами. Центральный зал и первые две комнаты занимали предметы Императорского музея, две следующих — предметы Демидовского музея, последнюю комнату — пожертвованная П.Г. Демидовым библиотека. Кроме того, в конце описания упомянута небольшая комната, используемая в качестве лаборатории (она так и помечена на схеме).

Территориальное расположение музейных предметов определённо отражало их «ведомственную принадлежность»: как видно из словесного описания, зоологические экспонаты из одних и тех же систематических групп (например, высушенные насекомые и раковины моллюсков) были выставлены и в первой комнате — как часть Императорского музея, и в четвёртой — как часть Демидовского музея.

В пределах каждого из «ведомств» Г.И. Фишер расположил предметы в систематическом порядке. Хотелось бы отметить, что ему, ви-

димо, был чужд тот «кунсткамерный» подход, сочетавший в себе систематичность со стремлением к украшательству, к коему отчасти был склонен А.А. Антонский (см. его публикацию в настоящем сборнике). Фишер обосновывает свой порядок ссылками на соответствующих европейских авторитетов, причём не на какого-то одного (вроде Линнея), а на признанных специалистов по соответствующим группам (для животных, например, это Фабрициус, Ламарк, Кювье и др.). В результате данный раздел первого тома Каталога представляет собой некий «систематический путеводитель» по Музею.

Как видно из плана, согласно приведённой в предыдущем разделе классификации, восходящей к итальянскому Возрождению, теперь это был уже действительно полноценный «музей» (пусть отчасти и составной), а не «кабинет» (как в Аптечном доме) и не «галерея» (как он был первоначально размещён в новом университетском корпусе). Сам Г.И. Фишер полагал, что по объёму и значимости коллекций университетский «Музей, основанный так недавно, организовался под влиянием стольких счастливых обстоятельств, что в настоящее время может соперничать с каждым другим европейским музеем» (Fischer, 1806, p. 4; Богданов, 1885, с. 17). Известный российский профессор-медик В.М. Рихтер в третьем томе своей «Истории медицины», вышедшем в 1820 г., отметил, что «кабинет Московского университета различными приобретениями [...] учинился беспримерным и драгоценным собранием редчайших вещей по естественной истории» (цит. по: Житков, 1840, с. 21). Об этом, в частности, говорит тот факт, что краткая аннотация каталога Фишера сразу же появилась в лондонской «Литературной панораме», публикующей обзоры недавних важнейших экономических, политических, культурных и иных событий в Европе (History..., 1807).

В особом фрагменте вводного раздела Г.И. Фишер указывает «Собрание сравнительной анатомии»; однако в основной части каталога описания этого собрания нет. Видимо, Фишер намеревался обустроить отдельно анатомическую часть Музея, придавая ей особое значение, но что-то восприпятствовало сему начинанию. Забегая вперёд, можно добавить, что двумя десятилетиями позже он учредил Анатомический кабинет при Медико-хирургической академии (см. далее настоящий раздел статьи).

Следует отметить, что первоначально признаваемое Фишером разделение университет-

ского собрания предметов натуральной истории на два музея довольно скоро было им же оставлено. Об этом, как можно полагать, свидетельствует опубликованное им описание минералогической коллекции, которое сделано единым для всего университетского Музея естественной истории, без разделения его по «ведомственной принадлежности» (Фишер, 1811).

[В историческом очерке Г.А. Кожевникова (1915, с. 7) указано, что Музей натуральной истории «специализировался как Зоологический в 1805 г.». По-видимому, поводом для этого послужило предложение А.П. Богданова рассматривать Г.И. Фишера, приведшего в указанном году в порядок университетское собрание натуралий, «как настоящего основателя Зоологического музея» (Bogdanov, 1893a, p. 46). Однако ни одно из событий, представленных в настоящей статье на основании анализа доступных мне документальных источников по истории Московского университета и Кабинета (Музея) естественной истории, как представляется, не даёт оснований для такого заключения.]

* * *

Г.И. Фишер неустанно подчёркивал просветительное значение Музея естественной истории. Характеризуя его в вводном разделе опубликованного каталога, он называет музейные коллекции «публичными», служащими «для усовершенствования в знаниях и в особенности влияния Естественной Истории на образование ума» (Fischer, 1806, p. 25).

Согласно этому назначению, в октябре 1805 г. Музей открылся для студентов, которые допускались в его помещение по средам с 12 до 2 часов дня. В марте следующего года Фишер известил Совет Московского университета о завершении переустройства музейного собрания. Члены Совета, посетив Кабинет, нашли его в «весьма удовлетворительном состоянии» и постановили открыть в него доступ для публики по субботам в те же часы. Известие об этом по решению университетского Совета было помещено в «Московских ведомостях».

* * *

Стремясь сделать Московский университет одним из центров естественной истории в России, Г.И. Фишер активно содействовал организации при нём Общества испытателей природы; к этому названию вскоре добавился эпитет «Московское», его достаточно известной ныне аббревиатурой стало МОИП. Юридическим основанием для сего начинания послужил университетский Устав, § 11 которого провозглашал, что «к особливому достоинству Университета

отнесётся составление в недрах одного учёных обществ» (Летопись-Устав..., 1804).

Названное Общество появилось на свет в 1805 г., а в 1807 г. получило звание «Императорского». Основной его целью определено было содействие изучению природных богатств и успехам естественных наук в России, при этом среди важнейших ближайших задач было изучение природы её центральных регионов, прежде всего Московской губернии (Липшиц, 1940; Варсанофьева, 1955). В уставе Общества в § 7 было специально записано, что «все предметы, приобретаемые обществом, естественные ли то, или искусственные, а также все приготовления (препараты), делаемые членами для общества, будут храниться в Музее Естественной Истории Императорского Московского Университета» (цит. по: Богданов, 1885, с. 21).

Единство Музея и нового Общества подчёркивалось тем, что, согласно Уставу последнего, его директором, координирующим научную деятельность Общества, назначался профессор, опекающий университетское собрание натуральной истории, — т. е. Г.И. Фишер. Благодаря этому ИМОИП на многие годы стало важным источником ценнейших коллекционных материалов для нашего Музея: об этом специально говорил Г.И. Фишер в своём выступлении на 25-летнем юбилее Общества (Fischer, 1832).

Благодаря усилиям Г. Фишера и многочисленным жертвованиям коллекция Императорского музея довольно быстро разрасталась. Как пишет А.П. Богданов (Bogdanov, 1893a, p. 37), «вскоре Музей расширился до такой степени, что помещение старого зала стало недостаточным, и для размещения многочисленных коллекций Музеем переданы все крыло большого здания, т. е. площадь, в четыре раза превышающую площадь первоначального помещения».

* * *

В 1812 г. развитие Музея было фактически отброшено к «нулевой точке» постигшей Россию бедой — наполеоновским нашествием. Через несколько дней после не слишком счастливой для российского оружия Бородинской битвы (26 августа), ввиду решения о сдаче Москвы неприятелю, московский генерал-губернатор Ф.В. Ростопчин отдал распоряжение об эвакуации университетского имущества. Но оно, увы, явно запоздало, подвод было выделено значительно меньше требуемого числа (всего 70 супротив 200), загружали их в большой спешке лишь тем, что полагалось наиболее

ценным, — университетской казной и архивом, особо примечательными предметами кабинетов и музеев, дорогой церковной утварью, приборами и хирургическими инструментами, библиотекой. В последний день августа обоз выехал из Москвы в сопровождении некоторых университетских профессоров, в том числе Г.И. Фишера: основная его часть направилась в Нижний Новгород, меньшая — во Владимир и некоторые другие города (Эйнгорн, 1912; Андреев, 1998).

Оставшаяся в Москве весьма значительная доля университетской коллекции натуральной истории была перенесена в каменные подвалы Университета и препоручена охране одного лишь смотрителя Ришара, уже упоминавшегося выше. Но почти всё это погибло 4 и 5 сентября в страшнейшем Московском пожаре, ставшем своего рода трагическим апофеозом всей военной кампании 1812 г. Адъютант П.М. Дружинин, вернувшись в город после позорного отступления незадачливых завоевателей, в своём отчёте ректору и попечителям Университета с горечью сообщал, что университетский «главный корпус сгорел весь до основания. От него остались только стены [...] как из библиотеки, так и из музея не спасено ни малейшей части» (цит. по: Эйнгорн, 1912, с. 43).

В середине 1813 г. особым предписанием министра просвещения графа А.К. Разумовского университетское имущество было возвращено в Москву (Эйнгорн, 1912; Андреев, 1998; Бурлыкина, 2015). Университет, а с ним и Музей естественной истории, стали возрождаться буквально из пепла.

Некоторая часть «допожарной» коллекции Кабинета всё же сохранилась в современных музейных собраниях. Так, А.П. Богданов (1885) пишет, что «от прежнего зоологического собрания уцелели только две коллекции — раковин и полипов, вывезенные в 1812 году из Москвы» (с. 15). Отдельные «раритеты» самого начала XIX в. в своём мемуаре о Богданове упоминает Н. Зограф (1899): по всей вероятности, имеются в виду именно эти «две коллекции». Уже в наше время в «старых коллекциях» Зоологического музея МГУ в ходе его реконструкций и перемещений 1980-х гг. (о них см. один из последующих разделов статьи) удалось отыскать раковины моллюсков из Демидовского кабинета и собрать их в единую мемориальную коллекцию «Демидовские раковины» (Иванов, Кантор, 1991). Причём на некоторых раковинах отчётливо видны следы копоти, что позволяет

предполагать в них музейные предметы, чудом спасённые в Московском пожаре (Павлинов, Иванов, 2005). В фондах Государственного геологического музея им. Вернадского РАН в 1997 г. также было обнаружено небольшое число кораллов, упомянутых Богдановым: они выставлены в одном из залов этого Музея (Бессуднова, Жегалло, 1998; Бессуднова, 2005, 2006).

И тем не менее, сохранённых коллекций было настолько мало, что «послепожарное» восстановление университетского собрания натуральной истории характеризуется так, будто речь идёт об основании нового музея (Двигубский, 1814; Богданов 1885; Добров, 1962а).

Вернувшийся из Нижнего Новгорода Г.И. Фишер незамедлительно приступил к восстановлению своего разорённого хозяйства. Среди первых жертвователей, споспешествовавших возобновлению университетского Музея естественной истории, опять оказался представитель семейства Демидовых. На этот раз свою коллекцию, включающую почти 3 тыс. музейных предметов — редких минералов, раковин, чучел животных и проч., в том же 1813 г. Университету пожертвовал Н.Н. Демидов (Двигубский, 1814; Шевырёв, 1855; Демидов, 1910). В своём письме к А.К. Разумовскому, опубликованном в декабрьском номере «Московских ведомостей» от 1813 г., он писал: «Потеря, которую потерпела наука в бытность неприятелей в Москве, и в особенности Императорский Московский Университет, коего Музей обращал на себя внимание всех любителей и знатоков, должна производить глубокие впечатления в каждом сыне отечества; и частному человеку, имеющему у себя собрание естественных вещей, нельзя смотреть на него, не чувствуя в себе побуждения к восстановлению оного Музея [...] Движимый сим чувством и мыслию, что фамилия Демидовых всегда старалась содействовать пользам Императорского Московского Университета, я принял смелость предложить оному собрание разных произведений природы, которое будучи начато ещё отцом моим умножено собственными моими трудами» (цит. по: Шевырёв, 1855, с. 464; Богданов, 1885, с. 15; Липшиц, 1940, с. 127). В краткой описи щедрого дарения указано, что оно «состоит из 14 шкафов, из коих шесть заключают в себе минералы, два разных рода раковины, столько же с полипами, один с животными в чучелах [...] и плодами редких растений. Сверх того мамонтов череп, китовая челюсть, значительной величины черепахи и

др. редкие произведения Природы» (цит. по: Кузнецов, Минаева, с. 19) на сумму 60 тыс. руб.

В очерке Шевырёва, касающемся начального «послепожарного» восстановления Музея и большей частью воспроизведённом в цитируемой книге А.П. Богданова (1885), перечислены, кроме того, следующие жертвователи: участник Бразильской экспедиции Г. Лангсдорфа — В. Фрейрейс (член ИМОИП) с коллекцией птиц и иных животных, Х.Х. Стевен с большой коллекцией насекомых с юга Малороссии (около 5 тыс. видов и вдвое больше экземпляров), А.К. Разумовский также с энтомологическим собранием, академик Х. Пандер, профессора Фишер и Двигубский, тобольский губернатор А.М. Тургенев; наконец, «купеческие дети В.С. и П.С. Алексеевы» купили у профессора Московского университета М.И. Адамса и передали коллекцию насекомых и растений, собранную тем во время путешествий по России.

Следует отметить, что активнейшую роль в восстановлении Музея естественной истории в первые послевоенные годы играло ИМОИП: все перечисленные и многие неназванные здесь дарители были действительными членами или членами-корреспондентами этого Общества (Двигубский, 1815; Липшиц, 1940). По сути оно служило своего рода ключевым посредником: жертвователи преподносили свои собрания Университету или самому Обществу, а уже последнее, согласно своему Уставу, передавало поступающие материалы в Музей.

В результате этих и иных поступлений к концу 1814 г. в Музее естественной истории насчитывалось до 6 тыс. предметов (Двигубский, 1814) — фактически столько же, сколько их было в Минеральном кабинете Демидовых полувековой давности. Они хранились в съёмном помещении близ сгоревшего университетского здания. Примечательно, что С.П. Шевырёв (1855), характеризуя возрождающийся Музей, пишет о «возрастании его по трём царствам природы» — зоологическому, ботаническому и минералогическому. Впрочем, это «возрастание» было не слишком значительным: те же почти 6 тыс. натуральных предметов значатся и в 1816 г. согласно составленной Г.И. Фишером «Ведомости о состоянии Музея»; при этом «животных улиткообразных и раковин» в ней указано несколько более 2 тыс. (Добров, 1962а, с. 79).

* * *

В 1818 г. прежнее здание Московского университета на Моховой было в основном восста-

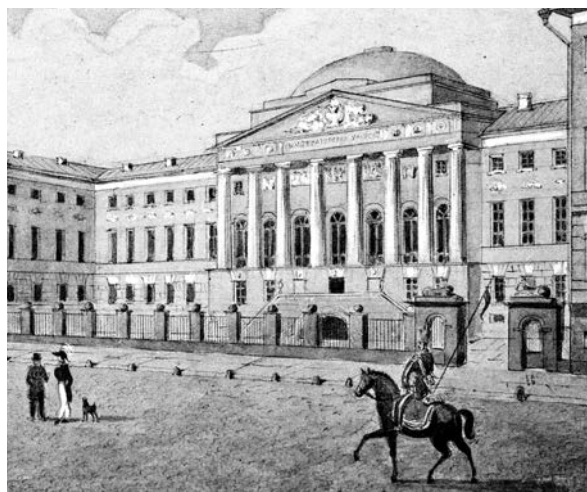

Рис. 6. Здание Московского университета, восстановленное по проекту Д. Жилярди (вид со стороны р. Неглинки; акварель 1829 г.; взято из Интернета http://dic.academic.ru/pictures/wiki/files/77/Moscow_University,_1820s.jpg).

Fig. 6. The restored building of Moscow University designed by D. Gilardi (view from the Neglinnaya River; water color of 1829; taken from Internet http://dic.academic.ru/pictures/wiki/files/77/Moscow_University,_1820s.jpg).

новлено по проекту архитектора Д. Жилярди, тогда же его торжественно открыли (рис. 6). По-видимому, в том же году возрождённый Музей естественной истории (так он обозначен в университетских отчётах, см.: Двигубский, 1814, 1815, 1819, 1820) занял на третьем этаже его флигеля четыре зала, из коих два были отведены под экспонаты животных и ещё два — под «ископаемые» (минералы, фоссилии); никакие иные предметы за ним не числились (Указатель..., 1826). Таким образом, прежние «Императорский» и «Демидовский» музеи фактически прекратили, недоброй волею судеб, своё раздельное существование, обратившись в единый Музей с двумя лишь кабинетами — зоологическим и минералогическим; это будет отражено в последующих университетских отчётах (см. далее).

При освоении нового помещения в 1819 г. Музей был оборудован новыми шкафами; в том же году его открыли для посещения студентов и публики (Добров, 1962а). В 1822 г. университетский Совет поручил Г.И. Фишеру составить особое «учебное собрание» для того, чтобы его «демонстрировать в Музее естественной истории для студентов и слушателей» (*op. cit.*, с. 80); впрочем, последовал ли Фишер этому распоряжению, неясно.

В только что указанном 1822 г. Г.И. Фишер опубликовал первый выпуск каталога зоологи-

ческих коллекций возрождённого Музея. Этот каталог назывался «Музей естественной истории Императорского московского университета», об отдельном «Демидовском музее» речи уже нет (Fischer, 1822). В каталоге указано без малого 10 тыс. экз. животных из разных типов и классов; перечень насекомых Фишер опубликовал отдельным выпуском несколькими годами позже (Fischer, 1829). В 1824, 1827 и 1830 гг. вышли описания минералогических разделов Музея, поступивших в него в разное время (Бессуднова, 2006).

[Здесь следует сделать очередное небольшое отступление и обратить внимание на следующее. В изданном Фишером каталоге Музея отсутствует описание коллекции анатомических предметов, в том числе пожертвованной Университету в 1818 г. Александром I знаменитой анатомической коллекции, выкупленной им у университетского профессора Х. Лодера. Всё это означает, что Анатомический кабинет, как это явствует и из ежегодных университетских отчётов, с самого начала не был в составе «фишеровского» Музея естественной истории. Поэтому считать частью последнего названный Кабинет (Бурлыкина, 2015), мне кажется, нет оснований.]

В середине 1820-х гг. был подготовлен и выпущен примечательный «Указатель Императорского московского университета», содержащий «описание Кабинетов и других заведений [...] с показанием всего достопримечательного в оных» (Указатель..., 1826). В доступном мне экземпляре этого «Указателя...» и в соответствующем годовом отчёте университета (Щепкин, 1827) его авторство не указано, но З.А. Бессуднова (2005, 2006) пишет, что он был составлен по поручению Г.И. Фишера сыном последнего А.Г. Фишером. В сем «Указателе...», кроме Музея естественной истории с двумя разделами — животных и минералов, значатся следующие «заведения»: Кабинеты физический и астрономический, химический, анатомический, технологический, врачебного веществословия, минц-кабинет, гербарий, ботанический сад, а также библиотеки. Почти все они без существенных изменений будут фигурировать в новом Уставе Московского университета, утверждённом в 1835 г. (см. далее настоящий раздел).

Одним из наиболее интересных приобретений этого времени стала часть обширной зоологической коллекции, которую собирал в Бразилии на протяжении 1810-х и 1820-х гг. уже упоминавшийся российский посланник Г. Лангсдорф; как было отмечено выше, первая партии материалов от него поступила вскоре

после начала «послепожарного» восстановления Музея. Следует упомянуть также собрание рано умершего российского естествоиспытателя и путешественника И. Эшшольца (в документах той поры иногда упоминается как Ешголец, например, см.: Отчёт..., 1843). Он в качестве судового врача участвовал в нескольких морских походах, собрав большую коллекцию растений и животных. Значительная её часть, хранившаяся в Дерптском университете, погибла при пожаре, но кое-какие уцелевшие материалы при содействии ИМОИП в конце 1830-х гг. были приобретены у вдовы собирателя и попали в наш Музей, их перевёз сюда К. Рулье (Шевырёв, 1855). Общий объём его энтомологических коллекций, поступивших в университетское собрание, составляет почти 20 тыс. экз. (Отчёт..., 1843).

* * *

В архивах Зоомузея хранится опись зоологической части Музея естественной истории, относящаяся к рассматриваемому периоду.

Данная опись фактически являет собой новую «Шнуровую книгу» (предыдущая, вероятно, погибла при пожаре в 1812 г.), её структура свидетельствует о том, что она — скорее систематический каталог коллекции, нежели её поэкземплярный «инвентарий» (рис. 7). Вся книга поделена на разделы, соответствующие основным систематическим группам позвоночных и беспозвоночных животных (без насекомых), последовательной или какой-либо иной нумерации музейных предметов нет. Сведения о сих предметах заключают только родо-видовые биномены и количество экземпляров по каждому виду. Все записи представлены в двух основных форматах: для каждого таксономического раздела на соответствующих разворотах книги присутствуют а) вклеенные страницы из опубликованного в 1822 г. каталога и б) записи «от руки» об экспонатах, отсутствующих в этом каталоге. Вклеенные страницы, по-видимому, указывают на то, что эта книга была заведена после 1822 г. Подавляющая часть записей, судя по почерку, выполнена одним человеком: возможно, это был уже упоминавшийся Ришар, имя которого фигурирует в университетских отчётах вплоть до середины 1830-х гг. (см. далее настоящий раздел).

Таким образом, можно полагать, что эта опись составлялась не последовательно по мере поступления новых коллекционных материалов. Скорее всего, заполнение данной «Шну-

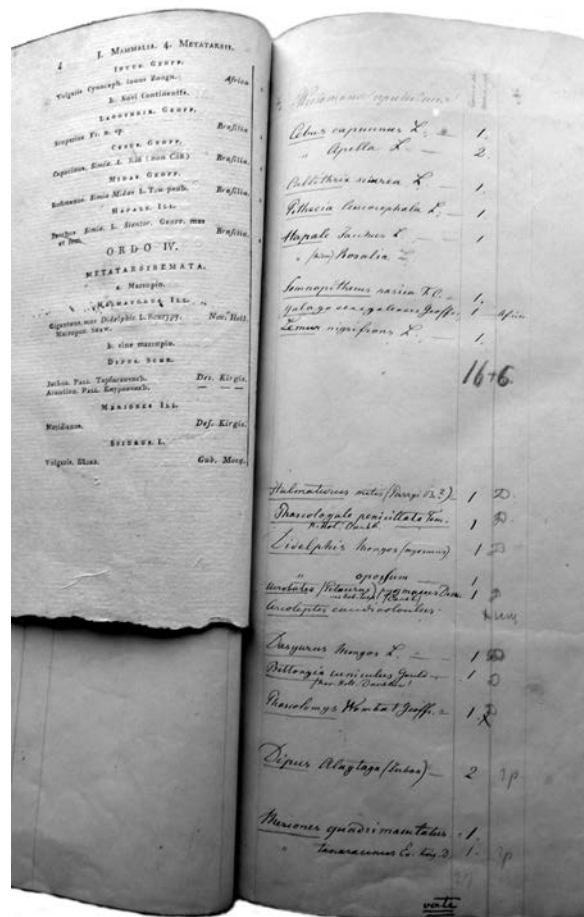

Рис. 7. Фрагмент «Шнуровой книги», заведённой в 1820-е гг.: видна вклеенная страница из каталога Г. Фишера 1822 г. (архив ЗМ).

Fig. 7. A fragment of the “Cord book” started in the 1820s; a pasted page of the G. Fischer’s catalogue of 1822 is visible (ZM archive).

ровой книги» представляло собой «разовую акцию», относящуюся, возможно, к последним годам служения Г.И. Фишера при Московском университете.

* * *

Побуждаемый деятельным характером к расширению сфер приложения своих талантов, Г.И. Фишер, не оставяя университетской Демидовской кафедры, с 1817 г. приступил к преподаванию некоторых разделов естественной истории в Московской медико-хирургической академии. Она была утверждена в 1808 г. в как филиал одноимённой Санкт-Петербургской академии, размещалась в здании на Рождественке (у пересечения с Кузнецким мостом), построенном по проекту М.Ф. Казакова.

В начале 1820-х гг. Фишер организовал при названной Академии Анатомический кабинет (Рулье, 1855). В отличие от университетского Анатомического театра, упомянутого выше,

Фишер согласно своим научным интересам привлекал в новый Кабинет предметы не только медицинского, но и зоологического значения. Эта Академия затем станет частью Московского университета, названный Кабинет — частью университетского Зоологического кабинета, а служившие при ней некоторые персоны сыграют важную роль в истории последнего (см. далее настоящий раздел).

* * *

Одним из впечатляющих замыслов Г.И. Фишера была организация в Москве нового Отечественного музея естественной истории по образцу столичных европейских (таких как Парижский, Британский), который он попытался учредить в начале 1830-х гг.

[Надобно заметить в скобках, что вообще в те годы идея создания некоего Отечественного музея в России была весьма популярна, в чём немалую роль сыграл «европейский поход» русской армии, преследовавшей Наполеона; правда, обращена эта идея была главным образом на произведения искусства (Каулен, 2003).]

Ввиду определённых трений, возникших к этому времени между руководством Московского университета и Фишером, последний счёл, что новому музею будет лучше вне университетских стен и что он должен составить единое целое с ИМОИП как важнейшим если не держателем, то собирателем коллекций в области зоологии, минералогии и ботаники (Липшиц, 1940). При этом подразумевалось, что основу предполагаемого музея должны составить собрания подведомственного Фишеру университетского Музеума. Для осуществления этого замысла Фишер подготовил проект Устава будущего Отечественного музея и утвердил его на заседании Правления ИМОИП в 1832 г. Для размещения нового Музея Фишер предложил использовать дом З.П. Зосимы, известного коллекционера и мецената, почётного члена многих научных обществ, в том числе ИМОИП, — «дачу, находящуюся в Пресненской части на Трёх горах» (на месте нынешнего дома № 5 по Нововаганьковскому переулку; см.: Менцин, Путря, 2013), пожертвованную по завещанию её владельца в 1827 г. Университету; Фишер же полагал, что именно Обществу, пребывавшему в одной «даче» до переезда в университетское здание на Моховой (Чайковский, 1997).

Все надлежащие документы от имени Правления ИМОИП были направлены в Министер-

ство народного просвещения, откуда их спустили по «чиновным инстанциям» вплоть до Совета Московского университета. Тот дал на проект Фишера отрицательное заключение, настаивая на сохранении и Музеума, и Общества при Университете; с этим согласился попечитель Московского учебного округа С.М. Голицын. Среди оснований для отказа фигурировало и то, что Зосима завещал свою «дачу» Университету с иной вполне определённой целью — для обустройства в ней обсерватории, по каковой причине она не может служить пристанищем для Музея естественной истории; несколько лет спустя здание этой «дачи» действительно было оборудовано согласно пожеланию завещателя (Шевырёв, 1855; Ульянова, 2004; Менцин, Путря, 2013).

После этого отказа Фишер незамедлительно предпринял ещё одну попытку учредить свой новый музей, воспользовавшись на этот раз даром другого щедрого члена ИМОИП — отставного капитана А. Рюмина (возможно, это тот самый А.Г. Рюмин, о котором см.: Коновалов, 2014), специально для размещения и оборудования предполагаемого Музея пожертвовавшего Обществу принадлежавший ему дом на Смоленском рынке и некоторую сумму денег (Рулье, 1855; Липшиц, 1940). Однако начальствующие лица Московского учебного округа не позволили Фишеру воспользоваться этим обстоятельством, опять отказав ему и использовав дом Рюмина под иные сугубо университетские нужды. Фишер попытался опротестовать это решение, подготовив письмо на имя всё того же С.М. Голицына, однако оно так и осталось неотправленным (Липшиц, 1940).

В знак протеста Г.И. Фишер фон Вальдгейм в том же 1832 г. подал в отставку с должности профессора Демидовской кафедры и заведующего Музеумом естественной истории. Так закончилась «эпоха Фишера» в первоначальной истории становления Зоологического музея Московского университета.

Покинув должность университетского профессора, Г.И. Фишер сосредоточился на организации деятельности ИМОИП в должности его директора и издании своей фундаментальной многотомной «*Entomographia imperii rossici*».

На два года его преемником во главе Кафедры и Музея в Университете стал его сын — А.Г. Фишер фон Вальдгейм. При этом университетский Совет счёл «необходимым сделать проверку всем предметам, находящимся в Музее

естественной истории [...] для приведения в точнейшую ясность настоящего состояния Музея» (Журнал Совета 1833 г.; цит. по: Добров, 1962а, с. 81). Впрочем, это, по-видимому, сделано не было: недолгая деятельность Фишера-мл. в качестве заведующего Демидовской кафедрой и Музеем естественной истории ничем особым не была отмечена.

* * *

В 1835 г. в устройстве российского высшего образования произошёл важный перелом — Указом императора Николая I был утверждён новый Общий университетский устав, существенно ограничивший свободы и функции университетов. В числе этих ограничений оказалось понуждение университетам сосредоточиться на образовательном процессе («университет есть учебное заведение»), оставив «учёную разработку науки» Академии наук (Рождественский, 1902). Так в России было установлено разделение общей системы научно-образовательной деятельности, пагубное как для одной, так и для другой её составляющих.

На основе этого Общего устава в том же году был принят новый Устав Московского университета (Общий устав..., 1835; Летопись-Устав..., 1835). Согласно общему предписанию, в нём (§ 11) в составе Физико-математического отделения восстановленного Философского факультета учреждалось несколько кафедр, среди которых — зоологии, минералогии с геологией, ботаники и др. (Общий устав..., 1835). В дополнение к кафедрам § 167 Устава определил так называемые «учебные и вспомогательные пособия и заведения», среди которых значились кабинеты — зоологический, минералогический, ботанический и др., а также анатомический и зоологический (зоотомический) театры. Хотя их кафедральная принадлежность явно не была прописана, этот же параграф определял, что они «состоят в ведении преподавателей, к предметам коих принадлежат». Это означало, в частности, что Зоологический кабинет передавался «в ведение» профессора Кафедры зоологии. Следует упомянуть, что единственным «вспомогательным заведением», официально именуемым «музеем», в типовом Уставе оказался один лишь Музей изящных искусств и древностей. Всего же к концу 1850-х гг. при Московском университете значились 14 различных «пособий и заведений» такого рода (История..., 1955а).

Как видно из предыдущего абзаца, новым университетским Уставом не были предусмо-

трены ни единая Демидовская кафедра натуральной истории, ни Музей естественной истории. Иными словами, уставным порядком обе эти институции были официально упразднены. Их зоологический и минералогический разделы были обращены по «профильному» принципу в самостоятельные кафедры и приписанные к ним кабинеты, с этого времени начинается их во многом самостоятельная судьба, в том числе «персонифицированная». Причина в том, что каждый из названных кабинетов отныне поступал в ведение разных профессоров.

Казалось бы, Музею естественной истории, выпестованному Фишером в «послепожарные» годы, тем самым был положен конец — однако же этого «по факту» не случилось. Во многих исторических документах того времени, касающихся Московского университета, в том числе в его ежегодных отчётах вплоть до начала 1860-х гг., предмет нашего повествования обозначался именно таким традиционным названием, а только что упомянутые профильные кабинеты указывались как разделы этого Музея.

Такое несогласование между реальным (исторически сложившимся) статусом единого Музея естественной истории и официально утверждённым (согласно новому общеуниверситетскому Уставу) статусом отдельных кабинетов, как неких «вспомогательных заведений» при кафедрах, заслуживает несколько более подробного освещения.

В отчёте о деятельности Московского университета в 1835 г. вся статистика хранимых предметов уже поделена по кабинетам и иным «вспомогательным заведениям». Среди занимающих нас институций такого рода числятся два Кабинета — минералогический и зоологический, при этом раздел с описью последнего начинается с указания того, что «Зоологический Кабинет составляет часть Музея Естественной истории, который состоит из следующих собраний: I. Животных и их частей, как живущих, так и ископаемых; II. Минералов [...] III. Искусственных изделий [...] V. Одежд разных народов» (Отчёт..., 1836, с. 25).

К числу официальных документов Университета того времени относится распоряжение его Совета в 1837 г. подготовить и утвердить особую «Инструкцию хранителю Музея естественной истории». В этой инструкции Музей не разделяется по отдельным кабинетам, но одним из её параграфов определено, что некоторые действия «хранитель Музея [совершает]

Рис. 8. Часть комплекса зданий Московского университета, перестроенного из усадьбы Пашкова (левая сторона Никитской ул., вид со стороны Долгоруковского пер.; здание, где размещался Зоологический музей, центральное в ряду; фотография 1887 г.; из: Россолимо, 1991).

Fig. 8. A part of the building complex of Moscow University rebuilt from the Pashkov's estate (left side of Nikitskii str., a view from Dolgorukovskii lane; the building of Zoological Museum is central in the row; photo of 1887; after Rossolimo, 1991).

с согласия профессоров, под главным ведением которых состоит Музей» (Дело Совета 1837 г.; цит. по: Добров, 1962а, с. 83).

В нескольких последующих университетских отчётах исследуемая нами институция указана как «Зоологический кабинет и Музеум естественной истории» (Отчёт..., 1837, 1839); затем ситуация выглядит следующим образом. На протяжении 1840-х и 1850-х гг. Музей естественной истории значится в полных отчётах Московского университета, а Зоологический и Минералогический кабинеты — как его подразделения (например, выборочно: Отчёт..., 1843, 1849, 1857, 1858). В кратких же отчётах в числе «учебных пособий» названный Музей поначалу значится наряду с Минералогическим кабинетом (например, Краткий отчёт..., 1841), затем, в полном согласии с официально утверждённой («уставной») структурой, вовсе не указывается, перечисляются и характеризуются лишь кабинеты (например, Краткий отчёт..., 1847). При этом, если в начале 1840-х гг. указывается хранитель всего Музея естественной истории, то в его конце — только хранители кабинетов (впрочем, в начале 1850-х гг. прежнее указание на время восстановится, см. далее настоящий раздел). Данное обстоятельство, по-видимому, отражает постепенное размежевание зоологи-

ческого и минералогического разделов Музея естественной истории, которое усилилось в 1850-е гг. и завершилось в 1860-е гг.

* * *

Но вернёмся к текущим событиям середины и второй половины 1830-х гг., которые для нашего Музея оказались весьма значимыми. Начиная с этого времени и до конца 1850-х гг. в судьбе университетской зоологии, можно сказать, ключевую роль стали играть воспитанники Г.И. Фишера по Медико-хирургической академии.

Первым из них стал профессор А.Л. Ловецкий, которого в 1834 г. назначили главой Кафедры (тогда ещё, т. е. до «николаевской реформы», Демидовской, см.: Отчёт..., 1835) и Музея естественной истории взамен А.Г. Фишера, перешедшего на Кафедру ботаники. Он начал служить под руководством Г.И. Фишера в только что названной Академии, где читал зоологию и минералогию, а с 1828 г. также при Университете, помогая своему патрону и там, и там в налаживании музейного дела. В 1935 г. Ловецкого утвердили в должности профессора новой университетской Кафедры зоологии, на которой он пребывал до своей преждевременной кончины в 1840 г.; тем самым под его началом находился и Зоологический кабинет. Вдобавок к этому в некоторых отчётах, как отмечено выше, Ловецкий указывается как «надзирающий» над Музеем естественной истории; правда, официальный статус этого «надзора» не очень понятен, т. к. в университетских отчётах при Музее значатся только «хранитель» и «чучельник» (например, Отчёт..., 1835, 1836, 1837). В качестве хранителя в отчётах за 1834 и 1835 гг. указан «Ф. Ришард» — вероятно, тот самый упоминавшийся выше Ришар, который прибыл в Москву в начале XIX в. вместе с Семейным кабинетом и был указан Г.И. Фишером в 1-м томе его каталога 1806 г.

В 1833 г. была начата и в 1837 г. завершена перестройка (архитектор Е.Д. Тюрин) городской усадьбы Пашковых, приобретённой за год до того Николаем I для Университета — на той же Моховой, но по другую сторону Никитской улицы (Шевырёв, 1855; Кириллов, 1997). В этот корпус, названный Аудиторным, переместился Музей естественной истории: во флигеле, выходящем на Никитскую улицу (рис. 8), ему отвели один большой зал в «два света» (т. е. с двумя рядами окон) с хорами. В этом зале «правую сторону занимают животные, левую минералы» (Шевырёв, 1855, с. 521–522). Тем самым,

согласно выше упоминавшейся классификации музейных институций по характеру занимаемых ими помещений, наш Музей формально вновь обратился в «Кабинет». Примечательно, что для придания Музею большей функциональности в качестве публичного при входе в эту общую залу был вывешен указатель размещения в ней показных предметов (Отчёт..., 1839).

В том же 1837 г. Министерство народного просвещения, в развитие Общего университетского устава, предписало во всех музеях и кабинетах ввести должности хранителей, чтобы снять с профессоров обременительные заботы о коллекциях (Таран, 2005; Бурлыккина, 2015). Впрочем, в годовых отчётах Московского университета они указывались и прежде. Как бы там ни было, в означенном году А.Л. Ловецкий взял себе в помощники молодого адъюнкта К.Ф. Рулье; возможной причиной была кончина Ришара. До того Рулье некоторое время служил в Московской медико-хирургической академии, где по представлению Ловецкого его в 1836 г. назначили хранителем Анатомического кабинета, а в 1837 г. он совместил это занятие с такой же должностью в университетском Музее естественной истории: последнее обстоятельство отражено в очередных отчётах Университета (Отчёт..., 1837, 1839).

В том же 1837 г., в связи с введением «уставной» должности хранителя, университетский Совет распорядился, как было отмечено выше, составить «проект инструкций смотрителю музея, по которой он обязан действовать в сей должности» (Журнал Совета 1837 г.; цит. по: Добров, 1962а, с. 82). Таковая «Инструкция хранителю Музея естественной истории Московского университета» в том же году была составлена А.Л. Ловецким; её полный текст воспроизведён в неоднократно упоминавшейся выше «летописи» С.А. Доброва (1962а, с. 82–83). Этот документ наделял хранителя довольно широкими полномочиями: § 2 гласит, что «он размещает по своему усмотрению предметы естественной истории, ведёт по возможности каталог и даёт систематические названия вновь поступающим предметам» (*ibid.*). Следует особо отметить, что, как видно из содержания «Инструкции...», она не предполагала обязательного составления инвентарной описи Музея (лишь «по возможности»); по-видимому, систематический учёт коллекций в эти годы не проводился.

Воспользовавшись переменами, связанными с освоением нового помещения и побуждаемый

университетским начальством, Ловецкий и Рулье ввели в организацию Музея новый принцип — разделили его коллекции на учебно-показные и научные (Отчёт..., 1839). Это деление фактически стало исполнением того распоряжения, которое было дано Г.И. Фишеру в 1822 г. (см. выше). Для зоологической части эти разделы официально обозначались как «систематическое» и «отечественное» собрания, для минералогической — как «большой» и «малый» кабинеты.

С проведённой реорганизацией между персонами, связанными с Музеем естественной истории, в конце 1830-х гг. сложились такие «административные» отношения. Музей значился с двумя кабинетами — минералогическим и зоологическим. Он находился под надзором проф. Ловецкого, первый из указанных кабинетов — в заведовании проф. Щуровского, для второго (обозначенный как «Зоологический кабинет и Музеум естественной истории») хранителем указан Рулье (Отчёт..., 1837). Годом позже Рулье представил университетскому Совету рапорт о принятии им от проф. Ловецкого также и Минералогического кабинета, подписав этот рапорт как «хранитель Музея естественной истории» (Дело Совета 1838 г.; цит. по Добров, 1962а, с. 84). Наконец, в 1839 г. в университетском годовом отчёте Рулье указан и как «хранитель [Минералогического кабинета] под наблюдением Щуровского и Ловецкого» (Добров, 1962а, с. 85).

Согласно годовым университетским отчётам, к началу карьеры Ловецкого в качестве профессора университетской натуральной истории зоологическая часть Музея естественной истории содержала несколько более 24 тыс. экземпляров животных и их остатков (Отчёт..., 1836), к концу — более 41 тыс. экз. (Краткий отчёт..., 1841; Отчёт..., 1843).

Следует отметить, что всё это время Музей исправно, хоть и не очень активно, служил просветительским целям. В частности, в только что указанной «Инструкции хранителю...» специально оговорено, что «каждое первое воскресенье после первого числа от 12 до 2 часов впускает он в Музей всех желающих видеть предметы Естественной истории» (Добров, 1962а, с. 83).

* * *

Следующая фаза в истории университетского собрания натуралий началась с того, что в 1840 г. Московскую медико-хирургическую академию перевели в Министерство народного просвещения. Этот перевод сопровождался вы-

сочайшим предписанием «поставить Академию в ближайшую связь с Московским университетом» (Шевырёв, 1855, с. 497).

В том же 1840 г., в связи с кончиной Ловецкого, его фактическим преемником по университетской Кафедре зоологии стал выходец из названной Академии, уже упоминавшийся К. Рулье. Несмотря на отсутствие профессорского звания, он в начале 1840 г. по предложению Совета Университета стал читать лекции по зоологии на указанной Кафедре. При этом за Рулье оставили должность хранителя Зоологического кабинета; в современных изданиях его аттестуют как директора Музея естественной истории (Иксанова и др., 1991а; Любарский, 2009; Летопись..., 2016к), хотя в университетских отчётах такая должность не отражена.

Не будучи профессором, Рулье не мог официально возглавлять Кафедру: на неё в 1842 г. назначили профессора Медико-хирургической академии И.Т. Глебова. Рулье какое-то время оставался в должности хранителя Кабинета, а в 1845 г. стал экстраординарным профессором при названной Кафедре, хранителем же Зоологического кабинета был назначен К. Ренар.

Этот фрагмент истории Музея озаглавлен очередной «зоной турбулентности», вызванной некоторыми разночтениями в административных вопросах, коим в настоящей статье уделяется основное внимание. В связи с этим он заслуживает отдельного краткого комментария, каковой приводится в нижеследующем очередном отступлении.

[В немалом числе современных источников указывается, что И.Т. Глебов был поставлен во главе Кафедры сравнительной анатомии и физиологии при Физико-математическом факультете. Вероятной причиной служит указание в биографии Глебова о его назначении «на Кафедру Сравнительной Анатомии и Физиологии в Физико-Математический и Зоологии в Медицинский факультеты» (Циммерман, 1855, с. 222). Однако согласно Общему университетскому уставу от 1835 г. факультетская принадлежность названных кафедр была прямо противоположная (Общий..., 1835), так что в приведённой цитате содержится явная ошибка. Согласно этому и сообразуясь с официальным положением дел, наверное, следует считать, что Глебов был назначен на Кафедру зоологии всё-таки при Физико-математическом факультете. Что касалось его назначения на Медицинский факультет, я в этот вопрос углубляться не буду; отмечу лишь (буквоедства ради), что при этом факультете в то время значились раздельно две кафедры — анатомии и физиологии (Летопись..., 2016к1).

И.Т. Глебов в 1844 г., заведя Кафедрой зоологии, учредил Кабинет сравнительной анатомии и физиологии (Краткий отчёт..., 1846); его судьба не вполне ясна. В ряде источников, включая летопись Московского университета за 1844 г., его числят при Физико-математическом факультете (Летопись..., 2016л). В университетских отчётах 1840-х и 1850-х гг. самостоятельным «вспомогательным заведением» числится Анатомический кабинет, под который отведена часть помещения Анатомического театра в новом корпусе Университета. В этих отчётах его принадлежность прямо не указана, но отмечено, что в конце 1840-х гг. и позже Кабинет возглавляли по очереди профессора Л.С. Севрук и Н.А. Варнек, оба служащие при Кафедре анатомии Медицинского факультета (Отчёт..., 1849; Летопись..., 2016м). После Варнека Кабинетом сравнительной анатомии заведовал его ученик Я.А. Борзенков, также служивший при только что указанной Кафедре (Отчёт..., 1861; Летопись..., 2016м1). Таким образом, этот Анатомический кабинет, очевидно, относился к Медицинскому факультету, куда в 1849 г. перешёл И.Т. Глебов.

Неясность заключается в соотношении не только двух названных кабинетов, но и их обоих с основанным Г.И. Фишером Анатомическим кабинетом при Медико-хирургической академии (см. выше), которая в 1845 г. была объединена с университетским Медицинским факультетом (Шевырёв, 1855). Возможно, что «глебовский» Кабинет сравнительной анатомии и физиологии был преемником «фишеровского», притом что отдельно в только что названном факультете существовал и свой Анатомический кабинет; оба кабинета упомянуты в отчёте за 1844 г. (Краткий отчёт..., 1844).

Этот вопрос требует прояснения, т. к. он имеет видимое отношение к тому Музею сравнительной анатомии, который позже возглавляли М.А. Мензбир и А.Н. Северцов и который в 1930-е гг. был влит в наш Зоологический музей (см. один из следующих разделов), — а тем самым и к нашей истории.]

В 1844 г. были предприняты решительные шаги к разделению зоологического и минералогического кабинетов Музея естественной истории. Инициатором стал Г.Е. Щуровский, мотивировав своё предложение тем, что зоологическое собрание разраслось настолько, что минералогическое оказалось весьма стеснённым в занимаемом им пространстве; примечательно, что Щуровский пишет не о размежевании кабинетов, а об обособлении «Минералогического кабинета от Музея естественной истории» (Добров, 1962а, с. 86). Несколькими годами позже в результате некоторой перепланировки всего университетского комплекса зданий зоологическое и минералогическое собрания оказались разделёнными территориально (Отчёт..., 1849). Зоологический

кабинет остался во флигеле нового Аудиторного («Пашковского») корпуса, «малый» Минералогический кабинет был передвинут в одно из центральных помещений последнего, а «большой» — в бельэтаж флигеля старого университетского корпуса (Щуровский, 1855а). Однако полное размежевание «юридически», видимо, не состоялось: в одном из университетских документов 1850 г. указано, что К.Ф. Рулье (в связи с назначением ординарным профессором Кафедры зоологии, см. чуть ниже), «передал на хранение» Ренару не только Зоологический, но и Минералогический кабинеты (Добров, 1962а).

* * *

В 1850 г. ординарным профессором Кафедры зоологии, в связи с переводом И.Т. Глебова на Медицинский факультет, был поставлен К.Ф. Рулье. Он стал второй после Фишера значимой фигурой в истории зоологии в России и особенно в Москве; впрочем, фигурой, не слишком любимую начальством. И то (значимость), и другое (нелюбовь) оказались возможными во многом благодаря его ярко выраженной самобытности (Богданов, 1885; Любарский, 2015).

Как это ни покажется на первый взгляд странным, но молодого профессора, хотя и воспитанного в классических традициях Анатомического кабинета, не особо интересовали систематические описания животных, основанные на «мёртвых» коллекциях. Напротив того, Рулье более всего занимали связи живого организма с живой же средой, в которой он обитает (Богданов, 1885; Микулинский, 1979). Эти свои внутренние побуждения Рулье высказал достаточно горячо и определённо, вернувшись из обязательной научной стажировки в Европе, в раннем небольшом сочинении под характерным названием «Сомнения в зоологии как науке», изданном в 1841 г. В нём молодой естествоиспытатель, критикуя «фактологическую» часть принципа корреляций Кювье, отстаивал необходимость изучать «животное как нечто целое — полное животное, а не часть его» (цит. по: Рулье, 1954, с. 25), согласно чему надлежит рассматривать «животные тела в природе» вместо того, чтобы изучать «их в кабинетах по остаткам, шкуркам, чучелам и проч.» (*op. cit.*, с. 24).

Благодаря таким мировоззренческим и научным наклонностям К. Рулье задал на вверенной ему Кафедре, а вместе с этим и почти во всей московской зоологии, в отличие от в то время доминировавшего систематического, эколого-фаунистического направления. Впрочем, в этом

Рулье был едва ли оригинален: в европейском естествознании в середине XIX в. происходила заметная смена научных акцентов (сейчас бы сказали — «парадигм»). Та сухая систематизация и каталогизация, вершиной которой был К. Линней и в которой в России столь весомо преуспели Двигубский и Фишер, постепенно замещалась иными дисциплинами, связанными с изучением жизнедеятельности организмов и объединяемыми общим в то время понятием «физиология» (Sachs, 1906; Лункевич, 1960).

Согласно этому первейший интерес у Рулье-натуралиста вызывало всё то, что можно непосредственно наблюдать здесь, под боком, а не изучать по остаткам, привезённым откуда-то из-за дальних морей. В упомянутом «Сомнении...» Рулье писал по этому поводу, что «украшать музей одними иностранными или красивыми экземплярами, значит унижать науку на степень её недостойную, делать из неё предмет любопытства и забавы» (Рулье, 1954, с. 11). И он убеждал своих коллег-соотечественников, что «естествоиспытатель, лишённый возможности приобретать новых [экзотических] животных, не лишён возможности делать полезные и важные наблюдения над животными своей фауны» (*op. cit.*, с. 27).

Поэтому Рулье придавал особое значение подробному изучению животного мира российских пределов, всячески приветствуя поступления в Музей сборов с территории Европейской России, Кавказа, Средней Азии, Сибири. Так, Г.С. Карелин, ученик известного Э. Эверсмана, по поручению и на средства ИМОИП много путешествовал по южным окраинам Российской империи для изучения их природы и местного населения и привозил интереснейшие зоологические и ботанические сборы из горных районов Алтая, Тарбагатая и Джунгарии (Липшиц, 1940). Часть своих научных материалов присылал финский натуралист А. Нордман, который в это время трудился на благо российского естествознания в причерноморской части Малороссии и описал оттуда много новых видов растений и животных. Весьма значимые в научном отношении материалы поступали в Музей от И.Н. Шатилова — известного российского агронома и лесовода, долгое время возглавлявшего Императорское московское общество сельского хозяйства (Перепёлкин, 1890).

Важнейшим пополнением Музея естественной истории в 1843 г. стала зоологическая и частью минералогическая коллекции, входив-

шие в состав Анатомического кабинета Московской медико-хирургической академии: это было немалое собрание, включавшее более 16 тыс. предметов (Краткий отчёт..., 1844, 1846). Причиной было выше упомянутое «принудительное» сближение этой Академии с Университетом, которое завершилось в 1845 г. её окончательной ликвидацией и слиянием с Медицинским факультетом (Шевырёв, 1855; Летопись..., 2016н).

Такие акцентированные и массивные поступления зоологических материалов способствовали тому, что Зоологический кабинет, как раздел Музея естественной истории, как уже было сказано, при Рулье всё более превращался в самостоятельный Зоологический музей. Таковым он окончательно стал через полтора десятка лет при А.П. Богданове; впрочем, последний считал, что университетское собрание натуралий стало Зоологическим музеем ещё при Г. Фишере в 1805 г. (Bogdanov, 1893a).

* * *

В те же начальные 1840-е гг. при Кафедре зоологии появляется фигура К.И. Ренара. Это был племянник Г.И. Фишера, переехавший по его приглашению из Германии в Россию в 1834 г. в качестве практикующего врача. Но очень скоро он поступил на службу препаратором в Анатомическом кабинете Медико-хирургической академии, а также её библиотекарем. В таком же качестве Ренар вместе с Академией в 1842 г. перешёл в Университет, оставаясь в тех же должностях. После ликвидации названной Академии в 1845 г. и назначения Рулье экстраординарным профессором зоологии, как было указано выше, Ренар занял должность хранителя при Кабинете зоологии (это случилось в 1846 г.), причём в университетском отчёте написано о его назначении «хранителем университетского музея» (Краткий отчёт..., 1846, с. 2–3).

В годовых отчётах Ренар позже указывается как хранитель и Зоологического кабинета, и Музея естественной истории (Краткий отчёт..., 1851; Отчёт..., 1857, 1858). Наверное, по этой причине в Интернет-летописи Московского университета К. Ренар значится как «директор Музея натуральной истории», причём либо с 1842, либо с 1858 гг. (Летопись..., 2016о,п). Первая дата соответствует приходу Ренара в Университет, вторая — кончине Рулье, после которой Зоологический кабинет на какое-то время остался без профессорского надзора; обе даты и «титул» не соответствуют действительности.

Чтобы понять значение К. Ренара в истории нашего Музея, необходимо принять во внимание следующее. Радея о пополнении Музея разнообразными коллекционными материалами, Рулье тем не менее не слишком интересовался хранительскими делами. Поэтому основная работа о музейном собрании зоологических предметов была возложена на Ренара (Зограф, 1899; Кожевников, 1915). Как видно из годовых отчётов этого периода, именно Ренар подавал для них данные по Музею (Кабинету). В связи с этим А.П. Богданов аттестует Ренара как «реального руководителя (directeur) Музея, во всей полноте его власти», причём подчёркивает значительность сделанного им для приумножения музейных коллекций (Bogdanov, 1893a, p. 48). В результате в университетской зоологии, до того единой, установилось некое «двоевластие»: Кафедрой заведовал Рулье, а Кабинетом (Музеем) — фактически Ренар (Тихомиров, 1897).

Заслуживает упоминания, что Ренар, по-видимому, занимался не только университетскими музейными собраниями. Так, в годовом отчёте Московского университета за 1851 г. указано, что он «издал каталог насекомых Мочульского» (Краткий отчёт..., 1851, с. 14); правда, других указаний на этот каталог мне найти не удалось.

Как отмечено выше, действующая «Инструкция хранителю...» не предполагала обязательно и регулярно занесения записей в учётную книгу музейных коллекций. По-видимому, это объясняет, почему в современном архиве Зоо-музея отсутствуют признаки систематического заполнения «Шнуровой книги» при Рулье и Ренаре. В университетских годовых отчётах того времени для Зоологического кабинета данные о составе и новых поступлениях представлены по каждому из разделов его коллекций — отечественных, систематических и поступивших из Медико-хирургической академии (например, Отчёт..., 1849, 1857). В отчётах указывалось общее количество экземпляров по основным систематическим группам позвоночных и беспозвоночных животных, по «ископаемым», отдельно отмечались особо значимые дарения.

К концу 1850-х гг. в Зоологическом кабинете насчитывалось уже более 65 тыс. экз. животных (Отчёт..., 1858, 1860).

* * *

Музей в эти годы продолжал служить делу просвещения. Так, в университетском отчёте за 1856 г. отмечено, что его «Зоологический кабинет посетили более 3500 особ» (Отчёт...,

с. 55). Таким образом, суждение о том, что при Рулье наш Музей «был закрыт для публики» (Иксанова и др., 1991а, с. 210), едва ли справедлив, особенно если учесть упомянутое выше соответствующее предписание в «Инструкции хранителю».

ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX ВЕКА: «ЭПОХА БОГДАНОВА»

В начале 1860-х гг. Российская империя в очередной раз встала на путь достаточно либеральных перемен, связываемых с преобразовательной деятельностью императора Александра II. Они были призваны серьёзно смягчить давление государственно-административной системы, сложившейся за время царствования Николая I. Важной их частью и в этот раз, подобно истории начала рассматриваемого столетия, стала реформа образования: в 1863 г. императорским Указом был утверждён новый Общий устав российских университетов. Он предназначался для вузов Петербурга, Москвы, Казани, Харькова и Киева и даровал им существенно более широкую свободу и самоуправление (Волосникова, 2006).

Согласно принятому вслед за этим Уставу Московского университета (Летопись-Устав..., 1863), при Физико-математическом факультете была утверждена (§ 14) Кафедра зоологии с двумя отделениями — а) сравнительной анатомии и систематики животных, б) анатомии человека и физиологии животных. В числе уставно-утверждённых «учебных пособий, заведений и собраний» (§ 121) значились различные кабинеты, среди коих из числа имеющих касательство к нашей истории указаны следующие: минералогический, зоологический, зоотомический, некоторые другие. Следует особенно отметить, что упомянутый в предыдущем разделе «глубовский» Кабинет сравнительной анатомии и физиологии в списке этих «пособий и собраний» не значится; но указан некий «Музей физиологической анатомии с амфитеатром и рабочими комнатами». Многие из перечисленных «пособий», согласно Уставу, обзавелись каждой своей лабораторией; в случае Зоологического кабинета она предназначалась «для препарирования и набивания животных».

Как видно, этим Уставом, как и предыдущим (от 1835 г., см. выше), в Университете официально не был предусмотрен единый Музей естественной истории. Более того, в отличие от предыдущих лет, указание о нём перестало

присутствовать в годовых университетских отчётах 1860-х гг. — не только в кратких, но и в полных (например, выборочно: Отчёт... 1863, 1866, 1868). В связи с этим здесь имеет смысл несколько подробнее рассмотреть, несколько забежав вперёд в нашем повествовании, каким образом Зоологический кабинет из подразделения Музея естественной истории (в университетских отчётах 1830–1850-х гг. их иногда отождествляли, см. предыдущий раздел), как уже было отмечено выше, постепенно стал превращаться — сначала подспудно, а затем уже и явно — в самостоятельный Зоологический музей.

Впервые это знаменательное для нашей истории словосочетание появляется несколько раньше нового университетского Устава: так, в полном университетском отчёте за 1858–1859 гг. стандартно указан Музеум естественной истории с Зоологическим и Минералогическим кабинетами, но в конце отчёта по Зоологическому кабинету он упомянут уже как «Зоологический музей» (Отчёт..., 1860, с. 35). Уместно заметить, что это едва ли случайным образом совпадает с началом административной карьеры А.П. Богданова (о нём см. чуть ниже). На рубеже 1860–1870-х гг. в полных отчётах уже отсутствует какое-либо упоминание о Музее естественной истории; имеющий отношение к нашей институции раздел озаглавлен «Зоологический кабинет», а начинается он так: «Зоологический музей к концу [цифры] года...» (например, выборочно: Отчёт..., 1867, с. 59; Отчёт..., 1872, с. 58; Отчёт..., 1874 г., с. 63; Отчёт и речь..., 1876 г., с. 72). Наконец, с 1877 г. и далее в университетских годовых отчётах фигурирует, в том числе титульно, только Зоологический музей (например, выборочно: Отчёт..., 1878, с. 61; Речь и отчёт..., 1884, с. 197).

Завершая этот краткий обзор, следует отметить, что «уставным» главой Зоологического кабинета (музея) в рассматриваемое здесь время (начало 1860-х гг. и далее) по-прежнему оставался руководитель Кафедры зоологии, в подчинении у коего пребывал музейный хранитель; должность «директора Музея» мне в университетских документах не встретилась. С середины 1860-х гг. отчёты о Кабинете (Музее) публиковались без указания имени и должности его руководителя, в 1890–1900-е гг. в них стал фигурировать «заведующий Музеем».

* * *

Либеральные преобразования начала 1860-х гг. открыли молодым инициативным людям воз-

возможность не только задумывать, но и претворять животворные идеи по новому обустройству России, развитию её общественных институтов, науки, образования, просвещения.

Одним из таких людей стал А.П. Богданов, первые годы активной организационной, научно-преподавательской и просветительской деятельности которого счастливо совпали с началом реформ. Это был одарённый учёный, лектор, просветитель; вдобавок ко всему судьба наделила его особым организационным даром (Юровская, 2004; Любарский, 2015). По завершении университетского учения Богданов, как было заведено в те времена, прошёл обязательную двухгодичную стажировку в ведущих европейских музеях и лабораториях, живо интересовался тамошними зоосадами. Он вернулся из ознакомительных странствий исполненный новыми идеями о способах организации научной и просветительской работы в России вообще и в Московском университете в особенности, а равно и стремлением воплотить их в жизнь.

В 1858 г. А.П. Богданов защитил в Московском университете диссертацию на магистерское звание и сразу же был назначен исполняющим обязанности заведования Кафедрой зоологии, опустевшей после кончины его учителя и покровителя К. Рулье (Отчёт..., 1860).

Этот выбор, возможно, стал несколько неожиданным: ведь в небольшой блестящей плеяде учеников Рулье, объединившей Н.А. Северцова, Я.А. Борзенкова, С.А. Усова и А.П. Богданова, последний был самым младшим; Северцов к тому же прежде него (в 1854 г.) защитил магистерскую диссертацию. И всё же назначение Богданова едва ли было случайным, если принять во внимание следующее. Северцова более всего влекли экспедиционные исследования, а не административная рутинная работа; Борзенков же и Усов к тому времени ещё не были «остепенёнными» и в этом отношении несомненно проигрывали своему более молодому коллеге в глазах университетского начальства. Понятно, что и умудрённый опытом К. Ренар, многолетний спутник Рулье и хранитель Зоологического кабинета, не имея не только магистерской степени, но даже и соответствующего образования, не мог претендовать на руководство Кафедрой.

В 1862 г. Богданов получил звание экстраординарного профессора и был назначен заведующим Кафедрой зоологии и одновременно Кабинетом при ней (Bogdanov, 1893a). В 1863 г.

он был «переназначен» в названной должности в связи с утверждением нового университетского Устава.

Так в истории московской зоологии, а с ней и Зоологического музея, началась плодотворная «эпоха Богданова», продлившаяся более 30 лет.

* * *

Началу университетской карьеры А.П. Богданова предшествовала «чёрная полоса» в судьбе нашего Музея, довольно краткая и счастливо завершившаяся — а потому не оставившая особых видимых последствий. История эта такова.

[Впрочем, сначала в качестве очередного отступления — короткая предыстория. Ближе к концу 1850-х гг. попечитель Московского учебного округа Е.П. Ковалевский задумал создать некий Публичный музей, соединив в нём различные собрания Московского университета; отчасти это было запоздалым развитием идей 1820–1830-х гг. (в том числе Г.И. Фишера), о которых упоминалось в предыдущем разделе. Его преемник в указанной должности Н.В. Исаков в 1860 г. стал активно воплощать в жизнь эту задумку, дополненную живейшим участием в деле спасения Румянцевского музея: основанный в Санкт-Петербурге в 1828 г., к рассматриваемому времени он из-за безденежья вливал достаточно жалкое существование в составе Императорской публичной библиотеки (Пятидесятилетие..., 1913). Результатом активной лоббистской деятельности Исакова стало утверждённое Комитетом министров в мае 1861 г. «Постановление о создании первого Публичного музея в Москве и вхождении в его состав Румянцевского Музеума Санкт-Петербурга»; месяц спустя Румянцевский музей был перевезён в Москву, а в 1862 г. Император Александр II утвердил («в виде опыта на три года») «Положение о Московском Публичном музее и Румянцевском музее» (Отчёт по..., 1864; Пятидесятилетие..., 1913; Иванова, 2002). Под этот новый музейно-библиотечный комплекс отвели известный белокаменный дом Пашкова, возвышающийся на Ваганьковском холме против Кутафьей башни Кремля.]

Руководствуясь министерским постановлением, попечитель Московского учебного округа Н.В. Исаков, под началом которого по служебному регламенту находился Московский университет, безо всяких проволочек распорядился перевезти в дом Пашкова предназначенные для новой институции коллекции нескольких университетских кабинетов: это случилось осенью 1861 г. (Отчёт по..., 1864; Игнатович, 2000). В новом музее организовали отделы зоологии и минералогии, куда было передано, соответственно, почти 67 тыс. и 25 тыс. предметов. Перемещение коллекций осуществлял К. Ренар (Bogdanov, 1893a), их хранителями от

Университета были назначены магистр зоологии А.П. Богданов и профессор геологии И.Б. Ауэрбах (Отчёт по..., 1864; Игнатович, 2000). В университетских отчётах за эти годы Зоологический кабинет (музей) указывался в двух «отделениях» — меньшее числилось за Московским университетом, большее за Публичным музеем, причём оба независимо пополнялись вновь поступающими материалами (Отчёт..., 1863). Отчёт по названному Кабинету (обозначен как «Зоологический музей») за 1862 г. в последний раз был подписан К. Ренаром (*op. cit.*).

А.П. Богданов, с самого начала своей административной карьеры встревоженный возможными тяжёлыми последствиями начинания Н.В. Исакова для университетской зоологии, в том же 1861 г. стал предпринимать решительные шаги к возвращению отнятых у Университета зоологических коллекций из Публичного музея в стены *Alma mater*. Для осуществления этого он (совместно с Я.А. Борзенковым) в указанном году представил на имя тогдашнего декана Физико-математического факультета Г.Е. Щуровского докладную записку, где изложил свои идеи по поводу роли университетского Музея в обучении студентов и предложил пути его реорганизации. В этой записке Богданов писал: «главная цель Музеума состоит в том, чтобы служить необходимым пособием для чтения Зоологии, ибо без правильно устроенного Музеума невозможно вполне научное и соответствующее назначению Университета преподавание этой последней, и потому с усовершенствованием Музеума надо связывать и повышение уровня преподавания Зоологии» [Архив МГУ, Ф.241, О.1, Л.1; публикуется в настоящем выпуске «Зоологических исследований»]. В своей записке Богданов настаивал на том, чтобы Музеум находился в непосредственном ведении профессора Кафедры (в отличие от положения «Инструкции» от 1837 г., см. предыдущий раздел).

[В скобках хотелось бы отметить, что в таком акцентировании внимания на учебном значении Музея с определённой долей вероятности можно предполагать влияние одной из основных идей «николаевской реформы» образовательной системы (см. предыдущий раздел), в контексте которой Богданов вырос и начинал свою карьеру. Однако это не помешало ему в дальнейшем всячески содействовать вовлечению музейных коллекций в исследовательскую работу и воспитывать своих учеников, которые все без исключения проходили «музейную школу», именно как учёных, а не просто (как бы их обозначили современные студенты) «тупых преподав». И, очевидно,

совсем неслучайно в своего рода жизненном девизе Богданова, выбитом на его надгробии, обозначены три его великие любви — к России, к Университету, к Науке (Спасская, Павлинов, 2015).]

Усилия А.П. Богданова вскоре принесли свои требуемые результаты. В 1863 г. университетский Совет обратился к попечителю Московского учебного округа с соответствующим ходатайством, на каковое было получено предписание «в летние каникулы 1864 г. перенести зоологическую коллекцию университета» «из Московского Публичного и Румянцевского музеев в здание Московского университета» (Добров, 1962б, с. 144). Судя по годовым университетским отчётам, на протяжении 1864–1865 гг. зоологические коллекции были возвращены на своё исходное место (Отчёт..., 1866). В частности, в только что указанном отчёте отмечено, что «в 1865 г. Зоологический музей был переведён из прежнего помещения своего в доме, принадлежащем Публичному музею, в новое здание Университета и в настоящее время приводится в порядок» (с. 63); под «новым зданием» подразумевается Аудиторный корпус на левой стороне Никитской ул. Для полноты картины следует отметить, что минералогические коллекции в 1863 г. также были возвращены Московскому университету (Добров, 1962б).

После приведения коллекций в надлежащее состояние Зоомузей вновь получил возможность полноценно функционировать в качестве основы для учебной, научной и просветительной деятельности. В 1866 г. его открыли для публичных посещений по воскресным и праздничным дням (Отчёт..., 1866, 1867, 1868).

* * *

Сердцевиной всей бурной деятельности А.П. Богданова-администратора была особая «организационная технология», заключавшаяся в следующем (Любарский, 2015). В начале «технологической цепочки» лежала, как правило, временная выставка, инициированная самим Богдановым. Для её организации он привлекал меценатов, организовывал экспедиционные и иные сборы с целью наполнения выставки показным материалом. После завершения выставки на основе остающихся после неё экспонатов он стимулировал учреждение новой постоянно действующей институции. Важное место в этой «технологии» было отведено обществу, которые организационными и финансовыми средствами содействовали воплощению замыслов Богданова.

Поскольку многие начинания А.П. Богданова были связаны с музейной деятельностью и в частности с Зоомузеем, имеет смысл кратко перечислить сделанное им (Юровская, 2004).

Начать следует с того, что он многократно развил учреждённый ещё при К. Рулье Комитет акклиматизации, превратив его в авторитетное Императорское русское общество акклиматизации животных и растений.

При Московском университете в 1863 г. А.П. Богданов (вместе с Г.Е. Щуровским и рядом других профессоров), опираясь на его новый Устав, инициировал создание Общества любителей естествознания. Оно довольно быстро разрослось, расширило круг своих членов и проводимых ими исследований, получило общественное признание и в 1868 г. стало Императорским обществом любителей естествознания, антропологии и этнографии (ИОЛЕАЭ) с многочисленными отделениями, комиссиями и комитетами. Общество это стало своеобразной «параллельной альтернативой» двум другим, более чем авторитетным и по стилю сугубо академическим, — уже упоминавшемуся ИМОИП и Императорскому русскому географическому обществу (ИРГО). Одна из ключевых задумок его соучредителей состояла в том, чтобы посредством членства в ИОЛЕАЭ привлечь к участию в научной и просветительной деятельности как профессионалов-учёных, так и любителей (отсюда и название), причём желательно не только интересующихся живой природой, но и располагающих финансовыми средствами для поддержания деятельности самого общества и учреждаемых им институций. На средства, поступавшие от членов ИОЛЕАЭ, с 1866 г. стали издавать многотомные «Известия...» — издание с довольно сложной структурой, в котором печатались научные статьи, отчёты о заседаниях, экспедициях и их коллекционных сборах, планы поездок и мероприятий, дебаты по разным темам. В 1881 г. при Обществе было учреждено отделение зоологии, начавшее выпускать свои «Труды...» и «Дневник...» (Богданов А., 1888а; Богданов В., 1915). Это Общество в последней трети XIX в. значительно превзошло по продуктивности ИМОИП, которое к тому времени оказалось близко к исчерпанию своих организационных и финансовых возможностей (Липшиц, 1940). Однако в последующем «заочном соревновании» между ними победителем вышло в 1930-е гг. всё-таки МОИП (см. следующий раздел).

[Пожалуй, здесь нелишне отметить, что в 1916 г. на основе «Дневника зоологического отделения...» был создан «Русский зоологический журнал», действующий по настоящее время. Таким образом, в 2016 г., когда Зоомузей отмечает 225-летие, это периодическое издание — теперь просто «Зоологический журнал» — встречает свой столетний юбилей (Любарский, 2016).]

Во многом благодаря финансовым и организационным возможностям ИОЛЕАЭ и усилиям самого А.П. Богданова были подготовлены и проведены первые в России грандиозные публичные научно-популярные выставки, пользовавшиеся огромным успехом, — Акклиматизационные (в 1863 и 1878 гг.), Пчеловодческая и Этнографическая (обе в 1867 г.), Политехническая (1872 г.), Антропологическая (1879 г.).

На основе коллекций, демонстрируемых на этих выставках, в Москве появились постоянно действующие институции в основном публичного профиля. Первым из них стал Зоологический сад (1864 г.) — «живой музей на открытом воздухе», основа для работы Общества акклиматизации (Костина, 2015). Далее последовал Этнографический («Дашковский») музей (1867 г.), который позже стал подразделением уже упоминавшегося Публичного музеума. В ходе подготовки Политехнической выставки был учреждён Музей прикладных знаний (1870 г.), в настоящее время известный как Политехнический музей (Морозова, 2015).

Важным достижением Богданова, отразившим его собственные научные интересы, стало учреждение в Московском университете Кафедры антропологии и при ней одноимённого Кабинета. Разрешение на это было получено от Министерства народного просвещения в 1876 г., на их организацию значительную сумму тогда же пожертвовал российский предприниматель и меценат К.Ф. фон Мекк (Юровская, 2004). О планируемом открытии этого Музея и сборе для него коллекций объявлено было в университетском отчёте за 1877 г. (Отчёт..., 1878). Официальной же датой рождения Антропологического музея считается 1883 г., когда, по соглашению между Советом Университета и дирекцией основанного тогда же Исторического музея, в последнем для хранения антропологических и археологических коллекций был создан антропологический отдел, подчинённый Университету (Юровская, 2004; Балахонова, 2015). Вскоре, правда, согласно в очередной раз обновлённому типовому Уставу российских университетов от 1884 г., преподавание антропологии было

Рис. 9. Новые помещения Зоологического музея, обретенные в середине 1860-х гг.: галерея со шкафами для коллекций (слева) и лабораторная комната (справа) (фотографии 1870-х гг.; из: Bogdanov, 1893a).

Fig. 9. New rooms of the Zoological Museum acquired in the mid 1860s: a lobby with collection cabinets (left) and a lab room (right) (photos made in the 1870s; after Bogdanov, 1893a).

исключено из системы высшего образования (Общий устав..., 1884), а вместе с этим при Московском университете оказалась упразднённой и соответствующая Кафедра (будет восстановлена в 1919 г.), но Антропологический кабинет сохранился (Отчёт..., 1885).

* * *

Сразу после официального и окончательно назначения профессором Кафедры зоологии А.П. Богданов провёл в своём общем ведомстве значительные преобразования.

Прежде всего, пользуясь некоторыми открывшимися возможностями, он в 1864 г. расширил и реорганизовал помещения Кафедры и Музея (Bogdanov, 1893a). Ему удалось присовокупить к прежним помещениям новые, прилежащие к музейному залу: лекционную аудиторию, большую галерею для шкафов с коллекциями и научным оборудованием, особую комнату для лаборатории (рис. 9).

Теперь Музей (Кабинет) зоологии находился в прямом подчинении заведующего Кафедрой и стал фактически её частью. Это позволило А.П. Богданову провести некоторую «административную реформу», позволившую устранить известные недостатки прежнего «двоевластия» (см. предыдущий раздел). Для этого Богданов учредил особое «штатное разделение» между двумя взаимосвязанными структурами. Отны-

не при Кафедре стали числиться профессора и доценты (прежние адъюнкты), при Музее, кроме хранителя коллекций, — ассистенты, оставленные для подготовки диссертаций. В результате появилась возможность наладить научное курирование коллекций, их учёт, обеспечить надлежащее их использование в качестве учебных пособий.

Отмечу, что и в последующем А.П. Богданов не разделял деятельность Кафедры и Музея. Так, в записке о «насущных потребностях» последнего, адресованной в ИОЛЕАЭ в конце 1880-х гг. (публикуется в настоящем сборнике), он пишет о необходимости приращении учебных служб именно при Зоомузее, а не при Кафедре.

В 1863 г. университетский Совет, по представлению А.П. Богданова, назначил хранителем Зоомузея (взамен К. Ренара, перешедшего в Публичный музей на должность хранителя Этнографического кабинета, см.: Отчёт по..., 1864) своего ученика Н.К. Зенгера, пребывавшего в этой должности до своей безвременной кончины в 1877 г. (Богданов, 1888б). Затем хранителями музейных коллекций последовательно служили другие богдановские ученики — Н.Ю. Зограф (1877–1889 гг.), Н.М. Кулагин (1889–1894 гг.), А.Н. Корчагин (1895–1897 гг.), им помогали приписанные к Музею ассистенты Ф.Ф. Каврайский, Н.В. Насонов, А.А. Тихомиров, Г.А. Кожевников, некоторые другие (сведе-

ния почерпнуты из годовых отчётов Московского университета за указанные годы).

Важной частью наведения должного порядка в университетском зоологическом собрании стало его деление согласно основному назначению коллекций. Восприняв эту общую идею от Ловецкого и Рулье, А.П. Богданов ввёл иной способ структуризации: вместо выделенных теми «систематического» и «отечественного» разделов, к которым со временем добавилось некое отдельное существование коллекций Медико-хирургической академии (см. предыдущий раздел), он в 1865 г. разделил все коллекции Зоомузея на научную (систематическую), показную (экспозиционную) и учебную (лекционную) части. Кроме того, как указано в выше упомянутой докладной записке Богданова, поступающие коллекционные материалы разделялись, как бы мы их сегодня назвали, на основной и дублетный фонды, причём последний предназначался главным образом для научного обмена, а также для занятий со студентами. По этому поводу, например, в университетском отчёте за 1875 г. специально отмечено, что «согласно решению Совета [Факультета] из дублетов, собранных профессором Богдановым, составлена особенная коллекция, предназначенная для практических занятий» (Отчёт и речь..., 1876, с. 70). Впрочем, Г.А. Кожевников (1915) отмечает, что по мере роста коллекций из-за возрастающей тесноты этот общий принцип их деления всё менее и менее соблюдался.

К сказанному следует добавить, что научные коллекции Зоомузея в эти годы начали, по-видимому, неявным образом делиться на разделы и по «таксономическому» принципу. Во всяком случае, в одном из университетских отчётов написано, что «усилия Общества [имеется в виду ИОЛЕАЭ] преимущественно направлены были на устройство отдела беспозвоночных в зоологическом музее» (Отчёт..., 1871, с. 39).

* * *

Одновременно с обновлением структуры музейного собрания была возобновлена систематическая работа по учёту коллекционных фондов.

В 1864 г. была начата новая единая «Шнуровая книга», которая содержала коллекционные описи, а также сведения по бухгалтерскому учёту Музея. В самом её начале помещено нечто вроде оглавления: указаны разделы книги и соответствующие им страницы. На последней

странице эту книгу при её введении в действие завизировало руководство Университета (ректор и секретарь Совета), с указанием общего количества листов в ней — 874.

Эта «Шнуровая книга» в своей систематической части была организована наподобие «фишеровской» (см. предыдущий раздел): в ней были выделены разделы для основных групп позвоночных (млекопитающие, птицы, «гады», рыбы) и беспозвоночных (гельминты, моллюски, пауки, ракообразные и др.). Каждой такой группе была присвоена условная литера, указанная в начале соответствующего раздела книги. В пределах каждой выделенной «литерной» группы порядковая нумерация коллекционных предметов проводилась независимо («параллельно»). Каждому экземпляру (единице хранения) отныне присваивался порядковый номер, который заносился в книгу и одновременно на музейную этикетку и (при возможности) на экземпляр, с указанием соответствующей литеры. Все записи, сделанные в прежней «Шнуровой книге» 1820-х гг., были аккуратно перенесены во вновь заведённую согласно принадлежности к определённой «литерной» группе и соответственно пронумерованы. Эти «перенесённые» записи, судя по почерку, были сделаны Н.К. Зенгером.

В дальнейшем «Шнуровая книга» заполнялась постепенно по мере поступления новых материалов; судя по некоторым годовым отчётам, в них, по-видимому, регистрировались только предметы, относящиеся к систематической (научной) коллекции и прошедшие полную музейфикацию, т. е. отпрепарированные и снабжённые этикеткой с видовым определением (например, Речь и отчёт..., 1887). При этом по чисто техническим причинам в книге со временем стала складываться система записей по принципу «чехарды»: например, начальный раздел по млекопитающим занимает стр. 450–469, следующий — стр. 662–721; разделы по птицам — стр. 470–551 и 726–752; по рептилиям и амфибиям — 588–600 и 800–802.

Следует отметить, что данная книга, в отличие от «фишеровской», содержала и некоторые (очень скудные) сведения по энтомологической коллекции. Этот раздел был обозначен как «Систематическое собрание насекомых» и включал видовые описи (без нумерации экземпляров) *Hymenoptera phytophaga* и *Orthoptera*.

В конце «Шнуровой книги» ежегодно проводилась общая статистика по поступлениям

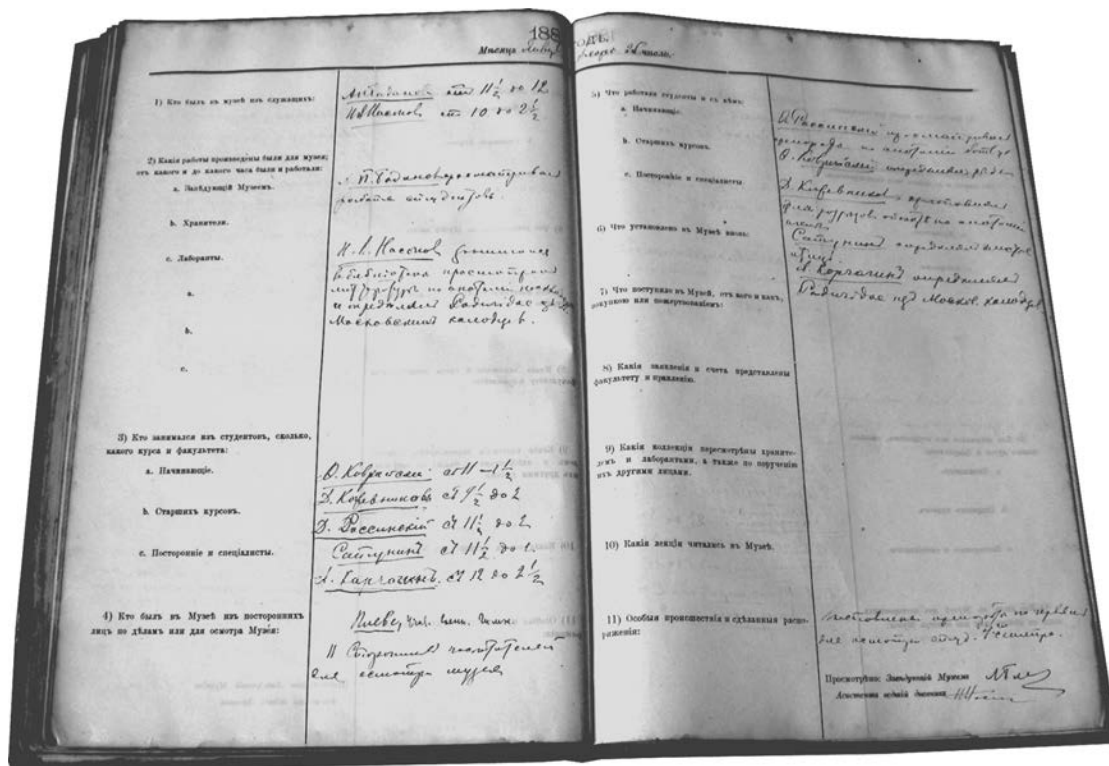

Рис. 10. Фрагмент «Дежурной книги» Музея: разворот заполнен 25 января 1887 г. (архив ЗМ; записывал Н.В. Насонов, завизировал А.П. Богданов, их подписи справа внизу).

Fig. 10. Fragment of the Museum “Duty book”; this broadside is dated by Jan 25, 1887 (ZM archive; filled in by N.V. Nasonov, vised by A.P. Bogdanov, their signatures in the right left).

новых коллекций, которая подавалась в университетские годовые отчёты.

Эта книга функционировала и как «Книга поступлений»: в неё последовательно записывались новые приобретения коллекционных материалов. Например, на стр. 603–605 указана «коллекция микропрепаратов от проф. Лейкарта», купленная А.П. Богдановым в 1868 г.; на стр. 648 — партия американских рыб, поступивших из Музея сравнительной зоологии Гарвардского университета в 1876 г.

Наконец, она служила, как было отмечено, в качестве бухгалтерской: в ней указывались приобретения мебели, инструментов и прочих «материальных ценностей».

В 1884 г. в Зоомузее была заведена специальная «Дежурная книга», которая первый год велась просто как некий «дневник» с достаточно свободной формой записей, а в 1885 г. приобрела официальный формат (рис. 10). В ней ежедневно фиксировалось всё, что происходит в стенах Музея: кто и в какие часы из сотрудников присутствовал, какие работы проводились, кто из студентов занимался с коллекциями, кто был в Музее из посторонних, что и от кого в Музей поступило. Книгу заполняли специально на-

значаемые дежурные ассистенты, ежедневные записи заверял сам Богданов. Забегая вперёд, следует отметить, что и после Богданова дежурства по Музею сохранились, причём имена дежурных указывались в годовых университетских отчётах (например, Речь..., 1901); однако «Дежурную книгу» уже, по-видимому, не вели: в архивах Зоомузея последний её том датирован 1891 г.

* * *

В поддержании нормальной деятельности Зоологического музея до конца 1890-х гг. особую роль играло ИОЛЕАЭ (Богданов, 1888а; Тихомиров, 1897). Выделяемых Университетом денег Музею (всего 600 руб. в год) было совершенно недостаточно, поэтому он жил главным образом на средства названного Общества. В Устава последнего было записано (§ 2), что «предмет занятий Общества составляет: а) соби́рание естественных предметов и произведений в губерниях Московского Учебного Округа и составление систематической коллекции оных при зоологическом и минералогическом музеях Московского Университета [...] с) приобретение коллекций животных и минералов, не достающих в систематических собраниях музе-

ев и важных в научном отношении» (Устав..., 1866). Такие коллекции поступали как от финансируемых Обществом экспедиций, так и от его членов, или приобретались на жертвуемые ими денежные средства; на средства Общества пополнялась музейная библиотека; наконец, Общество выделяло средства на поездки сотрудников Музея в Европу. «Дневник зоологического отделения Общества» в некоторых случаях выступал в качестве издания трудов Музея, официально называясь «Дневник зоологического отделения [...] и Зоологического музея» (например, см.: Щелкановцев, 1897).

В части коллекционной ИОЛЕАЭ во многом потеснил ИМОИП, который до того был одним из ключевых «поставщиков» научных материалов для Музея. По-видимому, коллекционные дарения от ИОЛЕАЭ, как и таковые ИМОИП, имели некий частично автономный статус: так, в одном из университетских годовых отчётов того времени отмечено, что «краниологическая коллекция Императорского Общества Любителей Естествознания, помещающаяся в Зоологическом музее, получила приращения...» — и далее идёт перечень «приращений» (Отчёт..., 1871, с. 81).

Тесная связь между Зоомузеем и ИОЛЕАЭ проявлялась и в том, что в работе по наведению порядка в систематических коллекциях Музея самое активное участие принимали члены зоологического отделения Общества. Для их поощрения была даже учреждена особая медаль «за труды по научному описанию коллекций Зоологического музея» (Богданов, 1888а, с. 64). Особой заботой стало налаживание хранения значительно разросшегося энтомологического собрания: дело в том, что ранее поступавшие крупные коллекции от различных жертвователей (Разумовский, Стевен, Фишер, Эшшольц и многие другие) хранились как некие «отдельности». С конца 1860-х гг. началось приведение всего этого разношёрстного собрания в единый систематический порядок, для чего при Обществе учредили специальную Энтомологическую комиссию под водительством А.П. Федченко; в этом активное участие принимал и хранитель Зоомузея Н.К. Зенгер (Богданов, 1888а).

* * *

«Эпоха Богданова» в жизни Зоологического музея отмечена активнейшей экспедиционной деятельностью как важным источником пополнения его коллекций. Причём, следуя заветам К. Рулье, особый акцент был первоначально

сделан на полноценном представлении в Музее отечественной фауны. Таковой, как и прежде ИМОИП, была определена ключевая задача ИОЛЕАЭ: § 1 его Устава гласил, что Общество создаётся «для изучения губерний Московского Учебного Округа в естественно-историческом отношении» (Устав..., 1866). Об этом в своей вступительной речи на первом годичном заседании ИОЛЕАЭ в 1867 г. говорил его президент Г.Е. Щуровский, желавший, чтобы «зоологический музей был по преимуществу богат русскими естественными предметами». В связи с этим он подчёркивал, что «экспедиции составляют коренную потребность нашего Общества. В них архимедов рычаг для движения русской науки» (цит. по: Богданов, 1888а, с. 5). Ему вторил А.П. Богданов, полагавший, что «такое направление, при котором музей будет [...] преимущественно русским по своему содержанию, — единственно возможное, и потому это направление положено в основание всего дальнейшего развития музея» (*op. cit.*, с. 9). В 1889 г., с этой целью при Зоологическом отделении ИОЛЕАЭ была учреждена специальная Комиссия для исследования фауны Московской губернии.

[Пользуясь случаем, хотелось бы отметить, что в рассматриваемое время к сбору научных зоологических коллекций в России отношение было достаточно серьёзное; в частности, в академическом Зоологическом музее в Санкт-Петербурге научному коллектированию был придан особый «государственный» статус. Об этом вспоминает Н.В. Тимофеев-Рессовский (2008, с. 39): сборщикам и поставщикам коллекций выдавалось официальное именное удостоверение за подписью президента Академии наук, в котором было записано: «Податель сего является препаратором и сборщиком материала Зоологического музея Императорской Российской Академии наук». Оно давало «подателю сего» право круглогодичного научного коллектирования в пределах всей Российской империи, а местным властям предлагалось оказывать ему всяческое содействие.]

Первыми полевыми работами, согласно намеченной ИОЛЕАЭ программе, стали энтомологические и гидробиологические изыскания в центральном регионе России (А.П. Федченко, Н.К. Зенгер). Сам А.П. Богданов, увлечённый антропологическими и этнографическими исследованиями, организовал раскопки древнеславянских курганов в европейской части России, в чём ему активнейшим образом помогал археолог-любитель Н.Г. Керцелли. Добытые ими материалы сначала хранились в помещении Зоологического музея, в 1883–1884 гг. бы-

ли перенесены во вновь выстроенное здание Исторического музея (Речь..., 1884), а затем составили первоначальную основу коллекции университетского Кабинета антропологии (Ефимова, 2015).

Разумеется, само ИОЛЕАЭ с самого начала постоянно нарушало первый параграф своего Устава, организуя значительно более дальние экспедиционные исследования (Богданов, 1888а; Bogdanov, 1893а). В их числе были, например, осуществлённые на средства Общества работы по сбору разнообразной фауны в Балтийском (Н.К. Зенгер), Чёрном (В.Н. Ульянин), Белом морях и на Северной Земле (Н.Ю. Зограф, А.И. Кронеберг), на островах Эгейского моря (Н.Ю. Зограф); активно исследовалась фауна в окрестностях Байкала (местный член Общества М.П. Пуцилло), Кавказа (Н.В. Насонов), Киргизской степи (К.А. Сатунин, Г.А. Кожевников, А.Н. Харузин), в Крыму и Бессарабии (Н.В. Насонов, А.Н. Корчагин). В 1886 г. А.П. Богданов начал готовить большую экспедицию от Общества в Сибирь, но затея не имела успеха (Богданов, 1888а; Bogdanov, 1893а).

Важное направление экспедиционных исследований в российском естествознании в 1860-е и 1870-е гг. было задано начавшимся значительным расширением Российской империи на юг за счёт туркестанских земель, которое закончилось в 1867 г. официальным присоединением значительной части Западного Туркестана, ставшего после этого «Русским Туркестаном» (ныне этот регион известен как Средняя Азия). В связи с этим ИОЛЕАЭ незамедлительно организовало масштабную Туркестанскую учёную экспедицию под началом всё того же неутомимого А.П. Федченко. Она продолжалась с 1869 по 1872 гг., за это время были сделаны богатейшие зоологические сборы, уникальные как по объёму, так и по качественному составу. Основная их часть была передана в московский Зоомузей, отдельные экземпляры — также в Зоологический музей в Санкт-Петербурге. Результаты исследований этой экспедиции публиковались в серийном издании «Путешествие в Туркестан», выпускавшемся в «Известиях ИОЛЕАЭ». О значении их для зоологической науки говорит тот факт, что на основании привезённых материалов было описано более тысячи неизвестных ранее науке видов животных; особенно много среди них насекомых, сборы которых обрабатывали многие известные энтомологи (Антонова, 1991). После

трагической гибели Федченко исследования Туркестана продолжил другой ученик А.П. Богданова — В.Ф. Ошанин, также собравший для Зоомузея весьма объёмные коллекции.

Одновременно с Туркестанской экспедицией ИОЛЕАЭ обширнейшие работы в тех краях проводил Н.А. Северцов. Основным организатором масштабных экспедиций, в которых он участвовал, было ИРГО, поэтому большая часть собранных коллекций осела в санктпетербургском Зоологическом музее; но и в московский Музей также попало много его сборов.

Среди значимых поступлений за 1860-е, 1870-е и отчасти 1880-е гг., кроме только что указанных, необходимо отметить следующие: орнитологические материалы из Крыма от уже упоминавшегося И.Н. Шатилова, с Урала от Л.П. Сабанеева; разные водные беспозвоночные животные от Р. Лейкарта (Гиссен); паукообразные и насекомые от В. Розенгауэра (Эрланген); собрание рыб, наземных моллюсков и рептилий с Филиппинских островов от К. Земпера (Зенкенбергский музей); морские беспозвоночные из Средиземного моря от директора Неаполитанской биологической станции А. Дорна; тропические бабочки от К.М. Мазурина и из центральной России от Л.К. Альбрехта; коллекция пресноводных рыб из Индии от Дж. Буленджера (Отчёт..., 1870, 1871, 1874, 1888; Речь..., 1882, 1886; Антонова, 1991; Веригина, 1991; Гептнер и др., 1991; Орлова, 1991; Томкович, 1991).

А.П. Богданов и его ученики использовали неоднократные поездки в Европу (в том числе за счёт денежных средств ИОЛЕАЭ) для посещения ведущих научных и музейных центров во благо Зоомузея, причём разными способами. С одной стороны, во время рабочих визитов на биологические станции они сами коллектировали научные материалы: таким образом в Зоомузей попадали достаточно многочисленные сборы беспозвоночных животных из Виллафранка, Неаполя, Триеста (Богданов, 1888а). С другой стороны, Богданов покупал интересные материалы для пополнения как научного, так и показательного разделов музейного собрания — главным образом в магазине естественно-научных коллекций В. Фрича в Праге, в торговом доме Годафруа в Гамбурге. Весьма примечательна подборка мастерски сделанных чучел колибри на цветах, выполненных в живописном китайском стиле «цветы и птицы» известным германским натуралистом и художником-анималистом Л. Райхенбахом (Иксанова и др., 1991б), кото-

рый самолично иллюстрировал многие свои книги о природе.

Со второй половины 1880-х гг. важным источником поступлений в Зоомузей ценнейших в научном отношении «экзотических» коллекционных материалов стали морские походы и рейсы. Для организации этой деятельности по поручению ИОЛЕАЭ в 1889 г. врач, натуралист и путешественник Н.В. Слюнин разработал специальную программу, согласно которой ключевыми фигурами в сборе и консервации коллекций в этих походах становились судовые врачи (что было не внове, см. об Эшшольце в предыдущем разделе). Для придания всему этому начинанию большего «административного веса» Морское министерство издало особый циркуляр, коим было официально предписано врачам содействовать исполнению программы (Речь..., 1893).

Сам Слюнин был одним из таких врачей и неоднократно участвовал в морских походах и сложнейших экспедициях на Дальнем Востоке; многие из собранных им в тех местах ихтиологических материалов хранятся в Зоомузее (Веригина, 1991). Служа на фрегате «Владимир Мономах» на протяжении 1884–1887 гг., он собрал и передал в Зоомузей очень интересные коллекции рептилий и птиц на Малаккском полуострове, а также довольно значительную коллекцию беспозвоночных в Японии (Отчёт..., 1888; Гептнер и др., 1991; Орлова, 1991; Томкович, 1991).

В рамках слюнинской программы, пожалуй, самые обширные зоологические коллекции собрал и доставил в Москву микробиолог и эпидемиолог В.И. Исаев, ходивший врачом на судне «Адмирал Нахимов» в трёхлетнюю (1888–1890 гг.) кругосветку. Участники похода посетили Мадагаскар, Цейлон и Яву, побережье Индокитая и Южной Африки, Японию, остров Святой Елены, многие другие заморские территории. Оттуда доктор Исаев (так он значится на многих музейных этикетках) привёз большую коллекцию позвоночных и представителей всех типов беспозвоночных животных: она достаточно подробно охарактеризована в отчёте за 1892 г., где записано, что коллекция Исаева «составлена весьма опытной рукой [...] все экземпляры отличаются замечательно удачной консервировкой» (Речь..., 1892, с. 105; см. также: Речь..., 1890; Гептнер и др., 1991; Орлова, 1991; Павлинов, Яхонтов, 1991).

Из других интересных поступлений второй половины 1880-х и начала 1890-х гг. хо-

телось бы указать следующие. В первую очередь заслуживают быть отмеченными сборы Н.М. Пржевальского и его спутников по экспедициям в Центральную Азию, организованным ИРГО: основная их часть поступала в музей Санкт-Петербурга, но и в Москву также попали некоторые интереснейшие и редчайшие материалы. В частности, ту коллекцию птиц, которую Н.М. Пржевальский пожелал оставить у себя, после смерти знаменитого путешественника пожертвовал нашему Музею его брат В.М. Пржевальский (Речь..., 1893). От А.В. Селиванова поступило несколько сотен экземпляров многоножек из разных стран. Большая коллекция самых разных животных, собранных в Уссурийском крае, Японии, Индии, на о-вах Фиджи, была пожертвована П.А. Бурцевым. На средства С.П. фон Дервиза при содействии А. Милн-Эдвардса в Парижском музее была приобретена коллекция представителей ныне ставших очень редкими видов млекопитающих и птиц Мадагаскара. В 1892 г. в Зоомузей были переданы коллекционные материалы, которые пожертвовали крупнейшие мировые собрания для выставки, организованной в связи с проведением в Москве Международного зоологического конгресса (Указатель..., 1892).

В наполнении Зоологического музея «экзотическим» коллекционным содержанием значимую роль играл Зоосад, на протяжении всей своей полуторастолетней истории сохранявший теснейшую связь с Зоомузеем. В рассматриваемый здесь период своего рода «посредником» между этими двумя родственными институциями выступало Императорское русское общество акклиматизации: на это есть прямое указание в одном из университетских годовых отчётов (Отчёт..., 1895). Среди экспонатов, олицетворяющих собой крепость этих связей, есть и вполне легендарные: один из них — самка индийского носорога по кличке Семирамида, а в просторечии Моська, подаренная Московскому зоосаду в 1863 г., чьи бранные останки в форме скелета и чучела выставлены в экспозиции Зоомузея (Спаская, 2015).

Как видно из этого кратчайшего очерка новых пополнений, сам А.П. Богданов и его ближайшие помощники, вопреки выше упомянутой идее создания «русского» Музея зоологии, очень многое делали для того, чтобы последний прирастал «экзотикой» и по составу своих коллекций становился вполне международным.

Что касается представителей отечественной фауны, соответствующие многочисленные кол-

лекции поступали в Музей через Зоологическое и Ихтиологическое отделения ИОЛЕАЭ. Сборы по наземным позвоночным из центральных регионов России передавал К.А. Сатунин, приступивший к работе в Комиссии по изучению фауны Московской губернии.

Благодаря такой многогранной собирательной деятельности коллекции Зоологического музея, руководимого А.П. Богдановым, росли довольно активно (разумеется, по тогдашним меркам). При этом важно отметить, что рост шёл не столько в количественном отношении (в некоторые годы новые поступления не превышали нескольких сотен экз.), сколько в качественном — за счёт приобретения редких представителей отечественной и мировой фауны. Перечислять таксономический состав вновь поступавших материалов здесь вряд ли уместно — достаточно сослаться на записи в «Шнуровой книге» Зоомузея и на годовые отчёты Московского университета. Что же касается самых общих количественных показателей, они в этих записях и отчётах таковы: в 1863 г. указано около 73 тыс. экз., в 1873 г. — 77.5 тыс. экз., в 1884 г. — 83.2 тыс. экз., в 1893 г. — почти 87 тыс. экз. (Отчёт..., 1863, 1874, 1885, 1895); в ряде отчётов для некоторых отрядов насекомых указано количество представленных в коллекции видов (например, Речь..., 1893).

В конце 1860-х гг. А.П. Богданов начал готовить систематический каталог Зоомузея под общим названием «Зоологический музей Московского университета»; о нём было объявлено в университетских отчётах (Отчёт..., 1869, 1870). По более позднему свидетельству самого Богданова (1888а), это был «пробный» рукописный выпуск, распространённый малым количеством экземпляров и содержащий главным образом материалы, подготовленные Е.К. Фреймут (также см.: Валькова, 2012). Именно на него, по всей очевидности, даны ссылки (Панов, 2002; Бурлыкина, 2015), упомянутые в вводном разделе настоящей статьи. Судя по отсутствию других указаний на эту «книгу», данный проект не был в то время реализован: коллекционные описи Зоомузея стали публиковаться в конце 1880-х гг. (см. далее настоящий раздел).

* * *

А.П. Богданов придавал особое значение использованию музейных коллекций в учебном процессе: в этом его позиция во многом совпадала с таковой официального руководства народным просвещением, которая очевидным

образом проявилась в уставной квалификации университетских музеев и кабинетов как «учебных пособий и заведений» (Общий устав..., 1835, 1863, 1884). На это Богданов обращал внимание в выше упомянутой записке от 1861 г., об этом же писал в своей подробной характеристике деятельности ИОЛЕАЭ, прямо называя Зоологический музей «серьёзным учебным пособием» (Богданов, 1888а, с. 9–10).

Для учебных и частью научных потребностей А.П. Богданов преобразовал лабораторию, изначально предназначенную для «для препарирования и набивания животных» (см. выше), в место проведения практических занятий со студентами на музейном материале. Так на базе Зоомузея, наверное, впервые в российской университетской системе были организованы особые учебные лабораторные занятия — зоологический практикум.

Курсы лекций и эти практические занятия на основе учебной коллекции Зоомузея посещали как слушатели Кафедры зоологии, так и (в облегчённом варианте) будущие медики. Для студентов Музей был открыт по будним дням на протяжении всего года (Отчёт и речь..., 1876 и более поздние). Для старшекурсников с 1875 г. был организован постоянно действующий «зоологический семинарий», на собраниях которого его участники обсуждали новые публикации по своей специальности (*op. cit.*).

Постепенно эта лаборатория, усилиями А.П. Богданова, стала вполне научной; с 1877 г. она стала публиковать свои труды (Отчёт..., 1878), их издавали в «Известиях ИОЛЕАЭ» (Богданов, 1888а). Богданов пишет, что «выпуски трудов лаборатории составляют [...] продолжение той же руководящей мысли, которая сгруппировала около музея [...] молодых самостоятельных работников» (*op. cit.*, с. 426).

«Расширение Зоологического музея, устройство лаборатории и создание целой школы учеников — всё это слилось у А.П. Богданова настолько вместе, что говорить о том, другом и третьем в отдельности невозможно» (Тихомиров, 1897, с. 12). Вот лишь самый краткий перечень наиболее известных учеников А.П. Богданова (частью уже были упомянуты выше): Н.В. Насонов — академик и директор Зоологического музея в Санкт-Петербурге; крупнейший анатом академик В.М. Шимкевич; ещё один известный анатом Н.Ю. Зограф; деятель охраны природы Б.М. Житков; будущие директора московского Зоомузея А.А. Тихо-

миров и Г.А. Кожевников (о двух последних подробнее будет сказано ниже).

* * *

В «прикладном» использовании коллекций А.П. Богданов не ограничивался только академическим образовательным процессом. В отличие от своего учителя К. Рулье, он считал умело налаженный показ музейных предметов важной частью просветительной работы — и всячески стремился к её усовершенствованию. В этом Богданов находил моральную, а порой и материальную поддержку в среде активных членов ИОЛЕАЭ с первых лет его существования (Богданов, 1888а).

В связи с передачей большей части зоологического собрания в Румянцевский музей его оставшаяся в Университете часть в первой половине 1860-х гг. была закрыта для публики. В 1866 г. возобновлённый Зоологический музей вновь стал открыт для посещений по воскресным и праздничным дням. Посетителей, по тем временам, было немало: так, в университетском отчёте за 1875 г. отмечено, что «число посетителей было 7729 человек, из них до 60% рабочего класса, воспитанников учебных заведений 20%, детей 15%» (Отчёт и речь..., 1876, с. 67). Впрочем, во время университетских каникул Музей для публики закрывался — по той простой причине, что хранители и ассистенты разъезжались по экспедициям (Отчёт..., 1880).

Особым начинанием Богданова стал цикл известных на всю Москву бесплатных популярных лекций под общим названием «Воскресные объяснения коллекций музея», рассчитанных на вовсе неподготовленную публику. Лекции читались еженедельно (т. е. по 52 в год) с 1877 г. в Музее прикладных знаний (Поздняков, 1957), среди них было немало посвящённых зоологической тематике с демонстрацией животных препаратов и экспонатов (в указанном Музее было своё зоологическое отделение): таковой стала, например, самая первая лекция названного цикла (Морозова, 2015). Идея «объяснения коллекций» была одним из основных пунктов уже упоминавшегося «тронного» выступления Г.Е. Щуровского в качестве первого президента ИОЛЕАЭ в 1864 г. (Протоколы..., 1866). Говоря об этих «объяснениях», Щуровский подчёркивал, что они должны быть не столько лекциями в узком смысле, сколько «состоять из демонстраций имеющихся препаратов и ограничиваться только теми важными и любопытными фактами, которые доступны для наглядного

разъяснения» (*op. cit.*, с. 4). Развивая и воплощая эту мысль, Богданов рекомендовал «при объяснениях учить более наглядно, рассчитывать более на впечатлительность глаза и прилагать словесное изложение только как дополнение к выставленному и подобранному систематично и образно, только как к неизбежной и необходимой связи между отдельными членами показываемого ряда» (Богданов, 1878, с. vii). Тексты этих «объяснений» публиковались отдельными дополнениями к «Известиям ИОЛЕАЭ» (например, Левинский, 1885).

* * *

В 1884 г. произошла очередная реформа образовательной системы России: в связи с недавним воцарением Александра III и приближением к нему К.П. Победоносцева «исторический маятник» качнулся в противоположную (в сравнении с реформами Александра II) сторону и был принят новый, более жёсткий в сравнении с предыдущим Общий устав Императорских Российских университетов (Общий устав..., 1884; Новиков, Перфилова, 2014). Он сохранил прежнюю структуру университетов, согласно которой при Физико-математическом факультете полагаются (из числа имеющих отношение к нашей истории) следующие кафедры: минералогии и геологии, зоологии, сравнительной анатомии и физиологии (§ 56). Из «учебно-вспомогательных установлений» отдельно указана университетская библиотека (§ 94), прочие же «установления и коллекции» поимённо не перечислены, но отмечено, что они «поручаются заведованию тех профессоров, к предметам преподавания которых они относятся» (§ 95).

Эта реформа едва ли сказалась на том, как Зоологический музей продолжил действовать и развиваться согласно устремлениям и замыслам его неутомимого директора. Благодаря выделенной Университетом дополнительной денежной сумме активизировалась отмеченная выше работа по налаживанию хранения систематических фондов, а также по новому обустройству экспозиции. Кроме университетских средств, значительные суммы на приобретение новой мебели и иного музейного оборудования жертвовал известный промышленник и меценат С.П. фон Дервиз (Отчёт..., 1888; Bogdanov, 1893а).

Годом ранее, в 1883 г., была проведена очередная частичная реорганизация структуры и системы хранения коллекций (Речь..., 1884). В «главном научном отделении» Музея были оставлены только определённые до вида и

особо примечательные экземпляры; устроено отделение для хранения вновь поступающих и неопределённых материалов; были выделены учебная и лекционная коллекции; отделены предметы для учебной препарировальной работы студентов. В налаживании хранения коллекций начиная со второй половины 1880-х гг. активное участие принимал ассистент, а затем хранитель Музея Н.М. Кулагин.

В этот период продолжилась подготовка к публикации каталогов некоторых разделов музейного собрания. Их составлением занимались в основном хранители Зоологического музея, а также (по просьбе Богданова) заведующий Кабинетом сравнительной анатомии М.А. Мензбир. Предполагалось, что эти описи будут изданы сводным каталогом коллекций позвоночных животных Зоологического музея (Речь..., 1886), но таковой не состоялся. Вместо этого на протяжении 1888–1901 гг. в «Дневнике Зоологического отделения» под общим названием «Списки и описание предметов, находящихся в Зоологическом музее Московского университета» было опубликовано пять отдельных коллекционных описей (их библиографию см. в: Костылева, 1991): по рыбам (два выпуска за авторством Н.Ю. Зографа и Ф.Ф. Каврайского), по земноводным и пресмыкающимся (Н.М. Кулагин), по млекопитающим (А.А. Тихомиров, А.Н. Корчагин), по птицам (Б.М. Житков, В.С. Елпатьевский); вне этой серии вышли каталоги по мшанкам (А.Г. Теплов), ракообразным (В.Ф. Ошанин), прямокрылым (А. Ауновский), медведкам (В.В. Воронин), пилильщикам (Е.К. Фреймут), описание коллекции микроскопических препаратов (А.П. Богданов). Кроме того, А.П. Богданов опубликовал краткие обзоры коллекций по всем группам, представленным в Музее (Bogdanov, 1893b,c).

* * *

В середине 1880-х гг. заметные изменения начали происходить в экспозиции Зоомузея. Для начала в 1884 г. были отремонтированы хоры и потолок, приобретены новые и отчасти отреставрированы старые витринные шкафы, изменена планировка (Речь..., 1885, 1886). Затем дело дошло до самой экспонатуры.

Для усовершенствования показного отдела А.П. Богданов, в добавление к классическому стилю представления животных в форме чучел, порой неказистых, отдельно стоящих на деревянных подставках, загорелся идеей экспонировать то, что сейчас принято называть *био-*

группами. Согласно этой технике животные — одиночно или по несколько штук, в живописных позах — помещались в имитацию участка собственной им природной обстановки. Новые экспонаты призваны были оживить классическую музейную экспозицию, лишив её той мёртвой статичности, которую в своё время справедливо порицал К.Ф. Рулье.

Для воплощения этой идеи А.П. Богданов в 1884 г. задумался об организации при Музее специальной «чучельной лаборатории» (Речь..., 1885, с. 77). Из этой важной затеи тогда ничего не вышло; но в Зоомузей был принят некий И.Ф. Иванов, опытный «в чучельном и препарировальном деле», ему поручено было изготовление экспонатов и слежение за сохранностью экспозиционных фондов (*op. cit.*, с. 76).

Важнейшим помощником Богданову в новом обустройстве музейной экспозиции стал Ф.К. Лоренц, который начинал свою карьеру как учёный-орнитолог, но затем увлёкся таксидермией — техникой изготовления чучел животных. В конце 1860-х гг. Лоренц основал фирму, которая впоследствии превратилась в известнейшую таксидермическую студию, специализирующуюся на изготовлении именно биогрупп. Развитию таксидермии в этом направлении в немалой степени способствовало сохранение Лоренцом научных интересов: он подходил к своему делу не просто как «чучельник», но как учёный, знающий повадки зверей и птиц, — и, конечно, как истинный художник, чувствующий красоту живого тела и умеющий передать её средствами своего очень специфического мастерства (Шишкин, 2001). Лоренц впервые выставил свои биогруппы на Политехнической выставке в 1872 г., а затем стал целенаправленно изготавливать их для переустраиваемой экспозиции Зоомузея. И поныне некоторые из приобретённых у Лоренца чучел можно увидеть в залах нашего Музея: токующую дрофу, биогруппу глухарей, ревущего оленя. К этому следует добавить, что Лоренц, оставаясь увлечённым орнитологом, многие годы жертвовал свои сборы в научную коллекцию.

* * *

Зоологический музей в его новом облике, приобретённом в результате частичной реконструкции, А.П. Богданов описывает так (Bogdanov, 1893a, p. 60–61). «Современный Музей включает большой зал с двумя этажами, окружённый кольцевой галереей, и четыре небольших комнаты. Одна из этих комнат,

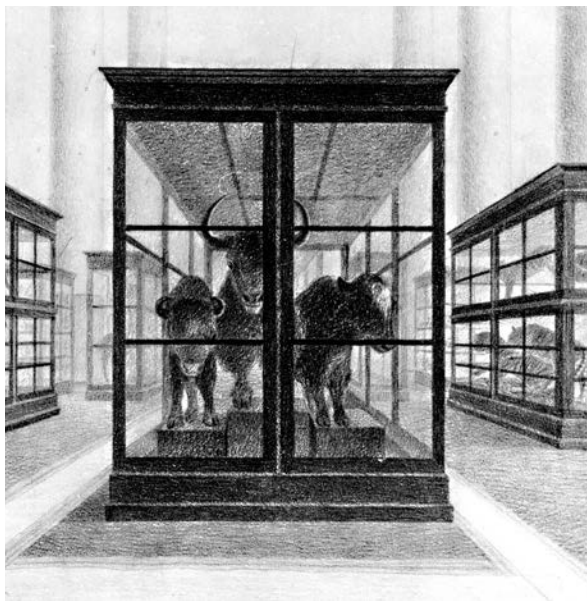

Рис. 11. Фрагмент экспозиции Музея после частичной реконструкции 1880-х гг. (рисунок 1885 г.; архив ЗМ).

Fig. 11. Fragment of the Museum exhibition after a partial reconstruction of 1880s (drawing of 1885; ZM archive).

расположенная на первом этаже Музея, занята под сухой материал и служит также приёмным залом и дополнением к лаборатории. Вторая комната, расположенная также на первом этаже, в обычное время служит вестибюлем, поскольку основной вход находится на другом конце Музея. На втором этаже расположены: небольшая аудитория, служащая для занятий и работы студентов, в ней также хранится коллекция микроскопических препаратов; и кабинет директора, который, в связи с нехваткой места, служит также складом для дубликатов коллекций.

Большой зал на первом этаже разделён на три части: первую занимает аудитория, вторую занимают коллекции, предназначенные для занятий профессоров и студентов, в третьей части находится лаборатория для практических занятий и первичных исследований студентов. В распоряжении более продвинутых студентов, лаборантов и хранителя коллекций Музея имеются рабочие столы, расположенные в свободном пространстве между шкафами галереи. Зал первого этажа в основном занят коллекциями млекопитающих и птиц, галерея — коллекцией рептилий, амфибий, рыб и беспозвоночных. Только в последние годы была организована специальная коллекция предметов, служащих для занятий и работ студентов Университета,

а также библиотека, расположенная в помещении, принадлежавшем ранее лаборатории.»

Из-за всех этих достаточно масштабных реорганизаций Музей пришлось на два года закрыть. В 1886 г. экспозиционный зал стал вновь доступен для посетителей — опять только в выходные дни (рис. 11). Правда, посетителей было совсем немного: в отчётах конца 1880-х гг. указывается по 450–600 человек в год; одной из причин было то, что экспозиционный зал был слабо освещён и поэтому едва ли привлекал публику (Кожевников, 1915).

* * *

В годовом отчёте за 1865 г. отмечено, что «положено основание специальной библиотеке при Музее» (Отчёт..., 1866, с. 63). В дальнейшем в отчётах указывались источники новых поступлений, число книг и проч. Так, в конце 1880-х гг. в музейной библиотеке числилось две с половиной сотни названий (Отчёт..., 1888). Как отмечено выше, для неё была отведена особая комната. Обязанности хранителя библиотеки с 1894 г. (возможно, раньше) были возложены на Н.Ю. Зографа (например, Отчёт..., 1895; Речь..., 1901).

* * *

Приток в Музей значительных коллекционных материалов с неизбежностью привёл к вечной проблеме всякого крупного активно развивающегося хранилища — к нехватке помещений. Из-за значительной тесноты большие затруднения встречало развитие экспозиции: среди показных предметов в зале остались почти только наиболее крупные и привлекательные чучела и раковины, а прочее было убрано на всё те же хоры, куда не было доступа для посетителей.

В отчёте о деятельности Музея за 1892 г. читаем следующее: «Приведению в полный порядок и обставлению предметов музея в необходимой для сохранности их обстановке мешают: 1) крайняя теснота нынешнего помещения музея, 2) невозможность отделить систематическое, основное собрание предметов от помещений для практических занятий студентов [...] Необходимость расширения музея была признана уже более 10 лет тому назад всеми лицами из высшей учёной и учебной администрации [...] но, к сожалению, и теперь ещё ничего окончательно определённого не осуществлено по отношению музея для выведения его из становящегося с каждым днём всё более и более невозможным положения» (Отчёт..., 1894, с. 105–107).

[Следует отметить, что, пожалуй, в ещё более бедственное положение во второй половине 1890-х гг. пришёл Кабинет сравнительной анатомии, руководимый М.А. Мензбиром. В 1895 г. его перевели в небольшое наёмное помещение в начале Долгоруковского (ныне Никитский) переулка. И в последующих годовых отчётах неизменно отмечалось, что из-за тесноты нельзя нормально разместить коллекции и инструменты, что приходится отказываться от приобретения новых препаратов, что невозможно проводить нормальные занятия со студентами (например, Отчёт..., 1898 и др.).]

Становилось всё более очевидно, что Музей не может долее развиваться в прежних стенах, ему нужно новое помещение. И, разумеется, А.П. Богданов на склоне лет подступил к очередному грандиозному начинанию — на этот раз к возведению нового здания для Зоологического музея.

К осуществлению этого замысла в конце 1880-х гг. создались весьма благоприятные предпосылки. Попечительский совет Московского университета поручил известному профессору архитектуры К.М. Быковскому, взятому в 1883 г. на должность главного архитектора Университета, спроектировать несколько новых и модернизировать ряд существующих университетских зданий на Моховой (Сергеев, Иванов, 2011).

К.М. Быковский в довольно короткие сроки подготовил проект двух смежных зданий — Зоологического и Ботанического корпусов, занимавших начало Никитской улицы по её правой стороне. Зоологический корпус, расположенный Г-образно на углу Никитской улицы и Долгоруковского переулка, Быковский замыслил общим для двух «родственных» университетских музеев — Зоологии и Сравнительной анатомии. Из них первому отводилась часть здания по Никитской улице («зоологическое крыло»), второму — вдоль Долгоруковского переулка («анатомическое крыло»).

Однако проект Быковского пришёлся не по душе Богданову, пожелавшему оставить Зоомузей на прежнем месте, т. е. в Аудиторном («Пашковском») корпусе (Кожевников, 1915). Он начал готовить собственный эскиз нового здания, но кончина помешала ему продвинуть замысел далее общей идеи.

* * *

Преемником А.П. Богданова по заведованию Кафедрой и Музеем зоологии в 1896 г. стал его ученик профессор А.А. Тихомиров, до того служивший в Музее хранителем. Он начинал как активный исследователь-зоолог и сподвижник

своего руководителя во многих научных и общественных проектах. Тихомирова более всего интересовали вопросы физиологии насекомых, к решению которых он подходил экспериментальным путём. Это позволило ему сделать в 1888 г. важное открытие — искусственный партеногенез у тутового шелкопряда. Однако позднее Тихомиров отошёл от научных дел и погрузился в администрирование: в 1899–1904 гг. он, сохраняя за собой руководство университетской зоологией, исполнял обязанности ректора Московского университета, а затем перешёл на работу в Министерство народного просвещения (Летопись..., 2016п).

Должность музейного хранителя в 1897 г. занял Г.А. Кожевников в связи с безвременной кончиной А.Н. Корчагина. Тогда же он был командирован в Зоологический музей в Санкт-Петербурге, а в 1899 г. — в ведущие музеи Европы для ознакомления с принятыми в них системами хранения, каталогизации и постановки коллекций (Отчёт..., 1899, 1901). Причина была вполне очевидна: Музей собирался переезжать в новое здание.

Вскоре после своего назначения на заведование Кафедрой А.А. Тихомиров вернулся к проекту Быковского и, пользуясь своими административными возможностями, приложил все усилия к его скорейшему воплощению. Закладка нового здания состоялась в 1898 г., в 1901 г. было в основном завершено строительство его «анатомического крыла», в 1902 г. — «зоологического крыла» (Кожевников, 1915; Туров, 1956). Как полагают современные специалисты-архитекторы, было создано одно из первых в Москве зданий специального музейного назначения (Панов, 2002; Зоологический..., 2011).

Здание Зоологического корпуса было решено в стиле классических европейских музеев (рис. 12) — двухэтажное, с тремя занимавшими основной объём высокими залами с большими окнами, из них залы второго этажа — с хорами, с аудиторией в центральной части (рис. 13), с многочисленными лабораторными и подсобными помещениями. Для увеличения освещённости экспозиционных залов второго этажа крышу здания выполнили в форме остеклённого свода, соответственно чему стеклянными же сделали и потолочные перекрытия под ним. В торцевых частях «крыльев» корпуса были оборудованы жилые помещения для университетских профессоров, служивших при Кафедре и двух музеях — Зоологическом и Сравнительной анатомии. Для

Рис. 12. Здание Зоологического корпуса по проекту К.М. Быковского на углу Никитской ул. и Долгоруковского (ныне Никитского) пер. (фотография 1910-х гг.; из: Зоологический институт, 2011).

Fig. 12. The Zoological Building designed by K.M. Bykovskii at the cross of Nikitskaia str. and Dolgorukovskii (now Nikitskii) lane (photo of the 1910s; after Zoologicheskii Institute, 2011).

наружного оформления прообразом был взят фасад Эрмитажного театра в Санкт-Петербурге; в украшении музейного фасада (фриз, капители колонн небольшого портика) использованы анималистические мотивы — фигурки зверей и птиц, для многих из них можно идентифицировать таксономическую принадлежность (сова, олень, заяц и др.). Вдобавок по фризу была выведена рельефная надпись «Зоологический музей», указывающая предназначение здания Зоологического корпуса (рис. 14).

Рис. 13. Интерьер аудитории в здании Зоологического корпуса (фотография 1937 г.; архив ЗМ).

Fig. 13. Interior of the lecture room in the Zoological Building (photo of 1937; ZM archive).

Впрочем, как специально отметил Г.А. Кожевников (1915, с. 10), К.М. Быковский разработывал своей проект «почти совершенно самостоятельно, вследствие чего в плане здания недостаёт многого, что было бы желательно зоологам».

Как бы там ни было, в этом здании Зоологический музей Московского университета располагается по настоящее время.

ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XX ВЕКА: ВЕЛИКИЕ ПОТЯСЕНИЯ

Для Кафедры зоологии с Зоологическим музеем и «родственного» им Института и Музея сравнительной анатомии (в которые в 1901 г. усилиями М.А. Мензбира превратился былой одноимённый Кабинет) очередной этап истории

Рис. 14. Фрагмент фриза Зоологического корпуса (из: Зоологический институт, 2011).

Fig. 14. A fragment of the frieze of the Zoological Building (after Zoologicheskii Institute, 2011).

Рис. 15. Первоначальные интерьеры Верхнего зала Зоологического музея (слева) и зала Музея сравнительной анатомии (справа) в новом здании (фотографии начала 1910-х гг.; архив ЗМ).

Fig. 15. Initial interiors of the Upper Hall of the Zoological Museum (left) and the hall of the Museum of Comparative Anatomy (right) in the new building (photo of the beginning of 1910s; ZM archive).

начался в первые годы XX в. с освоения новых помещений Зоологического корпуса Московского университета.

Переезд в новое здание начался незамедлительно по завершении строительных работ над корпусом. Его «анатомическое крыло» было в основном освоено уже к концу 1901 г., зоологические коллекции стали переезжать в отведённые им новые помещения одноимённого крыла в середине 1902 г.

Однако не всё с переездом было просто, причина была весьма прозаичной: «ко времени переноски ещё не состоялась ассигновка потребной на оборудование нового здания суммы, и это заставило расположить коллекции не в окончательном порядке, а временно, и закрыть музей для публики» (Речь..., 1903, с. 179; Кожевников, 1915). В общем, обоим подразделениям достались, по-видимому, лишь «голые стены».

[Г.А. Кожевников (1915) отмечает, что спешка с переездом в новое помещение была вызвана тем, что здание, которое занимал Зоологический музей, предполагалось к скорейшему сносу. Сличение изображения фасада здания того времени, в котором располагался Зоомузей (см. рис. 8), с нынешним по левой стороне Б. Никитской улицы (здесь не представлен) показывает различия в этажности, оформлении и т. п. Таким образом, можно констатировать, что то помещение, которое занимал наш Музей при Рулье и Богданове, строго говоря, ныне не существует.]

Некоторые денежные суммы на обустройство нового помещения начали отпускаться руководством Университета во второй половине 1902 г., причём первоочередной задачей было определено оборудование лабораторных и лекционных комнат, чтобы обеспечить сносные ус-

ловия для работы со студентами (Речь..., 1903). Коллекции же, за отсутствием новой мебели, расположили в тех же деревянных шкафах, что и ранее (рис. 15). В таком «временном» состоянии музейные собрания пребывали до 1905 г.; для публики Музей оставался закрытым, поскольку этот «временный порядок» скорее походил на беспорядок (Кожевников, 1915).

* * *

Важный поворот в жизни Музея в этот трудный для него период произошёл в 1904 г.: А.А. Тихомиров, как было сказано, «пошёл на повышение», должность заведующего Кафедрой и Музеем зоологии была отдана Г.А. Кожевникову, за год до этого получившему звание экстраординарного профессора (хотя по старшинству на заведование вправе был претендовать скорее Н.Ю. Зограф). Хранителем Музея ненадолго стал Б.М. Житков, через год эту должность занял ещё один ученик А.П. Богданова — Я.П. Щелкановцев, несколькими годами позже В.С. Елпатьевский (Отчёт..., 1905, 1906, 1910).

Подобно своему учителю А.П. Богданову, Г.А. Кожевников обладал важными качествами организатора научной и научно-педагогической работы. Так, в 1908 г. он основал на Севастопольской биостанции первую учебную зоологическую практику студентов, а также Косинскую лимнологическую станцию: всё это успешно работало до 1941 г. Очень значим был вклад Кожевникова в налаживание охраны природы в России: он был одним из инициаторов создания системы заповедников и учреждения Всероссийского общества охраны природы, в 1924 г. став его первым председателем (Борейко, 2002).

Рис. 16. Интерьеры Верхнего зала Зоологического музея (слева) и зала Музея сравнительной анатомии (справа) после их оборудования металлическими витринами (фотографии 1937 г.; архив ЗМ).

Fig. 16. Interiors of the Upper Hall of the Zoological Museum (left) and the hall of the Museum of Comparative Anatomy (right) after their furnishing with the metallic showcases (photo of 1937; ZM archive).

Г.А. Кожевников, следуя завету своего учителя, большое внимание уделял преподавательской деятельности. Демонстрацией музейных экспонатов сопровождалась 16 курсов университетских лекций, большие и малые практикумы, на материалах из коллекций Музея работали аспиранты и ассистенты. Такой характер преподавания имел чрезвычайно большое значение для воспитания «музейного духа» у будущих зоологов классического толка, понимания роли Зоомузея и его коллекций в научной и просветительной деятельности. Многие ученики Кожевникова составили впоследствии цвет отечественной зоологии, некоторые из них связали свою судьбу с Зоологическим музеем: Л.А. Зенкевич, В.В. Алпатов, Б.Б. Родендорф, С.И. Огнёв, В.Г. Гептнер, С.С. Туров и др.

Все эти деловые качества помогли Кожевникову вынести на своих плечах (разумеется, с активной помощью своих учеников и сотрудников) огромный груз забот и проблем, связанных с переустройством Музея. Забегая вперёд, хотелось бы особо отметить, что ему же выпала и тяжёлая доля сохранить Зоологический музей, его коллекции, его традиции и в лихие после-революционные годы.

* * *

В 1904–1905 гг. руководство Университета стало наконец выделять достаточные денежные суммы для приобретения новых шкафов как для хранения систематических и учебных коллекций, так и показных экспонатов (Отчёт..., 1906; Кожевников, 1915). Были заказаны особые металлические герметично закрывающиеся витрины с зеркальными стёклами у известной фирмы «Кюншерф с сыновьями» в Дрездене. Первая

их партия поступила в 1906 г., за несколько последующих лет оба зала второго этажа были полностью укомплектованы ими (рис. 16). Постановка и заполнение новых витрин в зале Музея сравнительно анатомии были завершены в 1907 г., в этом же году был он открыт для публики (Отчёт..., 1908). С Верхним залом Зоомузея произошла значительная задержка: из-за проблем с финансированием новые витрины в него поставили в 1909 г. (Отчёт..., 1910), а открыли зал лишь в 1911 г. (о причинах см. чуть ниже).

При обустройстве экспозиции Г.А. Кожевникову пришлось произвести замену значительного количества прежней экспонатуры (Кожевников, 1915). Многие старые экземпляры, пришедшие в плачевное состояние, утратили не только свою привлекательность, но и научную ценность и (по согласованию с университетским Советом) были ликвидированы. Новые экспонаты птиц и млекопитающих были поставлены мастерской Ф.К. Лоренца, причём, как подчёркивает Кожевников, по сильно заниженной цене или вообще в качестве пожертвования. Были заменены также экспозиционные этикетки силами ассистентов Б.М. Житкова и С.И. Огнёва.

Однако проблемы Зоомузея на этом не кончились — точнее, кончились одни, но начались другие, которые Г.А. Кожевников специально отметил в отчётах за 1909 и последующие годы (Отчёт..., 1909, 1910, 1911).

Во-первых, из-за урезания запланированной сметы не хватило денег на изготовление или приобретение металлических шкафов: их оказалось вполтину меньше требуемого числа. Поэтому для Нижнего зала были изготовлены деревянные витрины особой конструкции по

эскизам Кожевникова: боковые части предназначались для размещения показного материала, особые внутренние полости (так называемые «междушкафья») — для систематических коллекций (Отчёт..., 1907).

Во-вторых, как оказалось, новые помещения изначально мало были приспособлены именно для коллекционных нужд. Они планировались скорее как лекционные и лабораторные комнаты, нежели как хранилища музейных коллекций. По этой причине по мере разрастания университетской биологии многие помещения Зоологического корпуса стали отводиться для учебных, научных и «производственных» нужд, но не для размещения коллекций. Так, уже вскоре после освоения Зоомузеем новых помещений часть их по требованию университетского руководства пришлось освободить для вновь организуемых лабораторий (Отчёт..., 1907, 1908).

Наконец, при проектировании нового здания не были приняты во внимание объёмы и рост научных коллекций: из-за этого сразу обнаружилась нехватка помещений. Так, основное пространство Верхнего зала предполагалось для птиц и млекопитающих, а его хоры — для показной коллекции насекомых. Однако на этих хорах пришлось разместить научные материалы по высшим позвоночным, которым не хватило места в витринах и шкафах основного помещения, поэтому энтомологические экспонаты были перенесены в Нижний зал.

После заполнения экспозиционных залов выяснилась очень серьёзная «стратегическая» ошибка инженеров-проектировщиков Зоологического корпуса: несущий пол здания не выдержал нагрузки (на опорных колоннах «лежал» весь второй этаж с металлическими витринами) и начал потихоньку проседать: это стало явным уже в 1908 г. По указанной причине в 1910 г. Нижний зал пришлось освободить от шкафов с коллекциями и произвести полную замену пола; к концу года ремонтные работы были закончены (Отчёт..., 1910). Нечто подобное повторится частично в начале 1950-х гг. и полностью в 1970-е гг. (см. следующий раздел статьи).

После окончания ремонтных работ в Нижнем зале, в самом начале 1911 г. Верхний зал Зоомузея был открыт для посетителей. Нижний же зал так и остался на многие годы во «временном порядке», лишь частично оборудованный необходимыми витринами и шкафами и потому недоступным для зрителей.

Чтобы завершить «строительно-ремонтную» тему, отмечу, что в 1914 г. стеклянный «фонарь» над Верхним залом был заменён обычной металлической крышей, поскольку, как оказалось, в летнее время зал сильно прогревался (Отчёт..., 1915).

* * *

Насколько можно судить по весьма лаконичным в этом отношении годовым отчётам первых двух десятилетия XX в., а также по краткому очерку Г.А. Кожевникова (1915), коллекции Зоомузея в конечном итоге были размещены таким образом: птицы и млекопитающие — в Верхнем зале (включая хоры), прочие коллекции — в Нижнем зале. Кроме того, какая-то их часть была распределена по отдельным комнатам, прилегающим к залам; одна из комнат была отведена под препараторскую мастерскую. Было выделено некое помещение, в отчётах фигурирующее под названием «склад»: в нём хранились в ожидании полной музейной обработки коллекционные материалы, поступающие из экспедиций и от дарителей. Остальные помещения Зоологического корпуса были отведены для учебных аудиторий, лабораторных занятий, исследовательских подразделений Кафедры зоологии и Зоомузея. Кабинет Кожевникова располагался на 3-м этаже угловой части здания с окнами, выходящими на Никитскую улицу.

Многообразную и многотрудную работу Зоомузея в эти годы во многом обеспечивали ассистенты, которых в его штате, согласно университетским годовым отчётам, ежегодно числилось по три–четыре человека. Среди них в разные годы были (частью упомянуты выше): Э.Г. Беккер, В.С. Елпатьевский, Б.М. Житков, С.В. Покровский, Я.П. Щелкановцев, Н.В. Богоявленский, В.С. Муралевич, В.И. Грацианов, С.И. Огнёв, И.И. Месяцев и др. Под их руководством работали препараторы (Н.А. Андреев, А.А. Головин и др.), в чьи обязанности входила «препаровка шкурок, набивка чучел, накалывание насекомых, монтировка и доливка коллекций».

В годовых отчётах перечисляются многочисленные зоологи, работавшие с научными коллекционными материалами, — профессора, ассистенты, отчасти и студенты. Для того, чтобы обеспечить им возможность исследовать и приводить в порядок коллекции, пришлось оборудовать рабочие места на хорах Верхнего зала (Отчёт..., 1915). В отчётах за эти годы отдельным пунктом впервые начинает указывать-

ся ещё одна важная форма введения коллекций в научный оборот — их выдача специалистам для исследования вне стен Музея с последующим возвратом, причём не только по России, но и за рубеж (например, упомянут д-р Горн из Берлина, см.: Отчёт..., 1906).

* * *

В качестве руководителя Зоомузея Г.А. Кожевников внёс своеобразную лепту в его историографию. Вводный раздел подготовленного им к открытию Музея «Краткого указателя...» (Кожевников, 1915) начинается примечательной таблицей с перечнем «главнейших моментов в истории Музея» (см. публикацию этого раздела в настоящем сборнике). Некоторые из этих «моментов», как было отмечено в самом начале настоящей статьи, заметно расходятся с теми, которые указаны в университетских годовых отчётах и других документах и которые, соответственно, приведены в данной статье и в Хронике. При этом указание на «специализацию Музея как зоологического» в 1805 г. вообще не соответствует действительности.

* * *

Основное направление сбора новых коллекций Г.А. Кожевников определил так же, как и несколько десятилетий назад А.П. Богданов: «собрать возможно полный материал по русской фауне — его [Зоомузея] прямая задача» (Кожевников, 1915, с. 13). При этом он весьма строго подходил к отбору поступающих материалов, настаивая на их полноценном этикетировании. Для обеспечения этого было подготовлено и выпущено специальное «Руководство к зоологическим экскурсиям и собиранию зоологических коллекций» (*op. cit.*). Примечательно, что Кожевников считал важным пополнение фондов Зоомузея серийными сборами, позволяющими изучать «колебания признаков» (с. 13); это его увлечение видно из того, что он посвятил характеристике разных форм изменчивости заметную часть вводного раздела своего «Краткого указателя...». Таково было, вообще говоря, веление времени: в зоологии и ботанике начинала активно формироваться популяционная систематика, которую спустя несколько десятилетий назовут «новой» (Павлинов, 2013).

Новые поступления систематических коллекций тех лет порой были весьма объёмные. Значительные сборы, главным образом ихтиологические, на протяжении нескольких лет поступали от Л.С. Берга (будущего знаменитого

эволюциониста): он возглавлял Аральскую экспедицию, которую совместно организовали Зоологическое отделение ИЮЛЕАЭ и Туркестанское отделение ИРГО. Продолжала действовать Комиссия для исследования фауны Московской губернии, в полевых работах которой в это время стал активно участвовать С.И. Огнёв; через эту Комиссию в 1905 г. в Зоомузей была передана большая коллекция насекомых от Р.Р. Вальха (20 коробок). Была учреждена экспедиция для исследования Северо-Западного края; на севере европейской России активно коллектировал Б.М. Житков, работавший в составе организованной ИРГО Ямальской экспедиции. Под руководством Г.А. Кожевникова с начала 1900-х гг. работала Окская экспедиция, в которой участвовали многие его ученики, в том числе С.С. Туров. Начали регулярно передавать свои орнитологические сборы С.А. Бутурлин, Г.И. Поляков, Л.А. Портенко. Среди активных дарителей неоднократно указывается Н.Ф. Иконников, от которого поступали материалы с Дальнего Востока, из Южной Америки и других отдалённых мест. Каждый год, пусть и понемногу, великолепно изготовленными чучелами и тушками показную и систематическую коллекции Зоомузея обогащала мастерская Лоренца. В 1917 г. начала действовать Байкальская экспедиция под руководством И.И. Месяцева, Л.А. Зенкевича и Л.Л. Россолимо (последний — отец будущего директора Зоомузея О.Л. Россолимо), положившая начало систематическому изучению этого уникального водоёма.

Одним из интереснейших стало поступление в 1911 г. очень крупной коллекции (точнее, её наибольшей части) известного энтомолога-любителя В.И. Мочульского, заключённой в 285 деревянных ящиках (Отчёт..., 1912). Служа на протяжении 30–60-х гг. XIX в. офицером Генерального штаба Русской армии, он выполнял дипломатические поручения во многих странах мира и в разъездах постоянно пополнял свою домашнюю коллекцию (Кривохатский, 2013). В результате в ней оказались представленными насекомые (главным образом жесткокрылые) всех частей света, важную её часть составляли типовые экземпляры многочисленных новых видов, описанных самим Мочульским. Первоописания Мочульского в его собственном журнале «*Études entomologiques*» (издавался в 1852–1862 гг.) были весьма лаконичными и не позволяли надёжно идентифицировать виды (Griffin, 1936). Поэтому поступление в музейный фонд этой огромной

частной коллекции, ранее почти закрытой для исследований (впрочем, в одном из предыдущих разделов было отмечено, что её каталог опубликовал К. Ренар), стало весьма значительным событием для сообщества учёных-энтомологов. К сожалению, собранные Мочульским насекомые после смерти владельца очень долгое время (почти сорок лет) хранились его наследниками в крайне неблагоприятных условиях, прежде чем попали в поле зрения ИМОИП, а затем через его посредство в фонды Зоологического музея. Первичную ревизию коллекции поручили молодому Н.Н. Плавильщикову, по заключению которого она «поступила в музей в таком плохом виде, что многими ящиками совершенно нельзя было пользоваться» (Отчёт..., 1914, с. 91). Впрочем, это не помешало какие-то её разделы сразу же включить в научные исследования (*op. cit.*; Кожевников, 1915). Позже были опубликованы каталоги некоторых разделов типовой коллекции В.И. Мочульского, хранящейся в Зоомузее (Костылева, 1991).

В середине 1910-х гг. в систематической коллекции Зоомузея числилось несколько более 93 тыс. экз., в это число не были включены насекомые (Отчёт..., 1914).

Одновременно с постепенным приведением коллекций в надлежащий порядок решением Г.А. Кожевникова была начата работа по составлению картотеки-каталога музейного собрания, которая проводилась выборочно по отдельным группам. Так, в отчёте за 1903 г. записано о том, что занесена в карточный каталог учебная коллекция (Речь..., 1904), вслед за этим Л.Л. Сабанеев провёл каталогизацию коллекции амфибий и рептилий (Отчёт..., 1905); по-видимому, именно эта картотека ныне хранится в архиве отдела герпетологии Зоомузея. Несколькими годами позже Кожевников объявил о необходимости каталогизации всех коллекций (включая частично насекомых) (Отчёт..., 1911, 1912); надо полагать, что хранящиеся в архиве отдела беспозвоночных карточки того же формата, что и герпетологические, представляют собой результат начальной реализации этого решения (рис. 17).

* * *

Как отмечено выше, экспозиционная работа в Зоомузее возобновилась в 1911 г., но для посетителей был открыт только его Верхний зал. Как и прежде, Музей функционировал в качестве публичного весьма ограниченное время: только во время учебных семестров и только

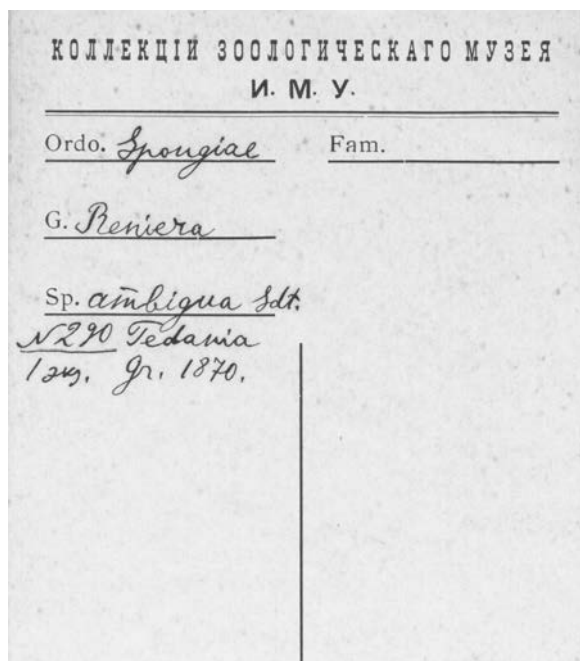

Рис. 17. Карточка повидовой картотеки сектора беспозвоночных животных (ок. 1911 г.; архив ЗМ).

Fig. 17. A card of the species catalogue of the Section of Invertebrates (about 1911; ZM archive).

по выходным дням; при этом допуск в зал публичности был бесплатным (например, выборочно: Отчёт..., 1912, 1915).

В год открытия Музея для публики Г.А. Кожевников (при содействии ассистента С.И. Огнёва) составил и издал уже упоминавшийся «Краткий указатель показной коллекции млекопитающих и птиц Зоологического музея Императорского Московского университета», очень быстро разошедшийся (Отчёт..., 1912); его несколько раз допечатывали, последнее 4-е издание вышло в 1915 г. (Кожевников, 1915).

Количество посетителей было весьма значительным — 4–5.5 тыс. человек в разные годы (*op. cit.*). Экскурсии проводили ассистенты Музея, а также студенты старших курсов.

* * *

Некоторая нормализация деятельности Зоомузея побудила Г.А. Кожевникова подготовить и обнародовать несколько документов, регламентирующих работу с коллекциями и библиотечной литературой, а также посещение экспозиции [архЗМ].

В «Правилах поступления коллекций в Зоологический Музей [...] и пользования ими» оговаривается, что материалы, передаваемые в Музей для постоянного хранения, должны быть надлежащим образом этикетированы. Подчёр-

кивается, что все действия с коллекциями, а равно деловая переписка по их поводу (обработка, обмен, выдача, получение) контролируются заведующим Музеем. В частности, согласно этому документу «обработка переданных музею коллекций производится не иначе, как с разрешения заведующего музеем и на устанавливаемых им условиях». Одновременно с этим накладывается запрет на использование официального титула «Зоологический музей» при отсылке или получении личных коллекций. Можно лишь догадываться о том, по какой причине вводились столь жёсткие ограничения: вероятно, ранее допускались излишне широкие вольности в обращении с коллекциями, к тому же под «шапкой» Зоомузея.

Согласно «Правилам пользования библиотекой Зоологического Музея...» книги было дозволено выдавать на руки только «работающим по зоологии в лаборатории музея». При этом «лица, пользующиеся книгами, покорнейше приглашаются не делать в них никаких пометок, надписей и подчёркиваний» (это правило, впрочем, редко кем соблюдалось).

Для регулирования публичной деятельности были утверждены «Условия посещения Зоологического Музея...». В них указывалось, что «Верхняя зала [...] открыта для публики с 1-го сентября до 1-го мая по воскресениям с 10 час. утра до 3 час. дня». При этом особо оговаривалось, что «заведующий Музеем и его помощники не имеют возможности брать на себя заботы по объяснению коллекций посетителям».

* * *

Научная библиотека Зоомузея в эти годы находилась под надзором Г.А. Кожевникова, который всячески поощрял безвозмездное жертвование в неё специальной литературы учёными и учреждениями. Ежегодно в библиотеку передавали по несколько сотен книг и журналов: так, в отчёте за 1909 г. значится почти 700 единиц новых поступлений (Отчёт..., 1910).

* * *

В 1901 г. при Кафедре зоологии и Зоомузее был учреждён «Студенческий кружок для исследования Русской природы»: его инициаторами были сами студенты, опекуном и руководителем вызвался быть Н.Ю. Зюграф (см. статью Е.А. Дунаева в настоящем сборнике). Члены кружка привлекались к участию в полевых исследованиях и сбору новых материалов для Музея, к хранительской работе с коллекциями, они активнейшим образом участвовали в Зоо-

логическом семинарии, который вёл Г.А. Кожевников. Для публикации результатов исследований кружковцев были учреждены «Труды студенческого кружка для исследования русской природы», выходявшее несколько лет (Отчёт..., 1906; например, Труды..., 1909).

В деятельности кружка и «семинария» Кожевников особое внимание уделял систематике, что было, по-видимому, не самым простым делом. Он писал своему коллеге и другу А.П. Семенову-Тян-Шанскому, что «создать из молодежи не коллекторов только, а систематиков мне прямо таки умышленно мешает пр. Н.Ю. Зюграф, который всячески старается внушить молодёжи, что систематика не истинная наука» (цит. по: Михайлов, 2002, с. 6). И хотя, как видно из только что приведённой цитаты, Кожевников стремился сделать из студентов нечто большее, чем «коллекторов только», он направлял их интерес именно к практической части систематики, которая начинается, как известно, со сбора и обработки полевого материала. Для этого он издал специальное «Руководство...» (Кожевников, 1902), на его основе стал читать нечто вроде спецкурса под названием «Что и как собирать», а затем изыскал возможность выделять некоторые ассигнования на оплату экспедиционных работ студентов (Отчёт..., 1915, 1917). В результате, как специально отмечено в отчёте за 1914 г., стал проявляться заметный рост интереса среди студентов к занятиям фаунистикой и систематикой (Отчёт..., 1915).

* * *

[Для полноты картины, которая будет полезной при рассмотрении последующей судьбы Зоомузея в 1920-е и 1930-е гг., следует дать самую краткую справку о состоянии дел с разного рода «учебно-вспомогательными установлениями» при Московском университете рассматриваемого времени (Отчёт..., 1910, 1911, 1915). К началу 1910-х гг. они весьма разрослись в числе и разнообразии: насчитывалось более десятка институтов, четыре музея, не менее семи кабинетов и шесть самостоятельных лабораторий. Среди этих последних с 1910 г. значится отдельная «Зоологическая лаборатория, находящаяся в заведовании засл. орд. проф. Н.Ю. Зюграфа» — таково её (и только её) официальное «именное» название, фигурирующее в отчётах тех лет. Примечательно, что за год до этого она числилась за Зоомузеем (Отчёт..., 1910), притом что в Зоомузее была лаборатория, восходящая к А.П. Богданову, в одном из отчётов её заведующим указан Н.В. Богдавленский, ученик Зюграфа (Отчёт..., 1915).

В жизни «родственного» Зоомузею и соседствующего с ним в Зоологическом корпусе Института и

Музея сравнительной анатомии в это время происходило следующее. При подготовке его экспозиции применили новый иллюстративный принцип: были изготовлены картины с прижизненными изображениями морских животных, поскольку в препарированном виде они утрачивали свою естественную окраску; автором картин был начинающий художник-анималист В.А. Ватагин (тогда ещё под своей первой фамилией Шереметьевский) (Отчёт..., 1906). После известной «политической» отставки М.А. Мензбира в 1911 г. («дело Кассо») этот Институт вместе с одноимённым Музеем под своё начало принял будущий крупный зоолог-анатом и эволюционист А.Н. Северцов, сын ранее упоминавшегося зоогеографа Н.А. Северцова. Он сменил преобладавшее при Мензбire систематико-зоогеографическое направление исследований на эволюционно-морфологическое, заложив основания существующей по сей день московской школы эволюционной морфологии. М.А. Мензбир вернулся в Московский университет в 1917 г., возглавив его на два года в качестве ректора: он стал первым главой университета послереволюционного времени и четвёртым за всю его историю ректором-музейщиком.

Говоря о развитии музейного естествознания в Москве начала XX в., необходимо отметить, что при Московских высших женских курсах был учреждён очень интересный Музей эволюционной теории (Константинов, 2003). Его основатель и бессменный директор (до 1964 г.) зоолог-эволюционист А.Ф. Котс датой возникновения этого Музея считал 1907 г., когда он был приглашён на названные Курсы читать лекции по естественной истории; согласно другой версии, такой датой следует считать 1913 г., когда Котс пожертвовал Курсам собранную им коллекцию. Зоологии он учился у М.А. Мензбира, препараторскому же делу — у Ф.К. Лоренца, причём весьма преуспел в изготовлении чучел и даже был несколько раз награждён за свои таксидермические творения, показываемые на выставках. Наверное, интересно упомянуть о том, что основную часть его коллекции составляли примеры внутривидовой изменчивости, начало этому собранию было положено Лоренцом (Шишкин, 2001). В 1922 г. названный Музей получил современное название «Дарвиновский», которое говорит о его основном предназначении — пропагандировать на музейном материале эволюционные идеи Ч. Дарвина.]

* * *

Грянувшая 1-я мировая война мало отразилась на жизни Зоомузея. Некоторые её следы в отчётах тех лет проявились лишь в указании того, что для солдат, находившихся на излечении после ранений, проводились бесплатные экскурсии (Отчёт..., 1915, 1917). Во всём остальном так же проводились занятия со студентами, совершались экспедиции, поступали новые кол-

лекционные материалы, по мере возможности докупалась мебель для их хранения.

* * *

Конец 1910-х и начало 1920-х гг. в России ознаменовались грандиозными потрясениями. Революция, братоубийственная гражданская война, радикальная смена политического и экономического устройства страны, силовое насаждение новой властью нового понимания мира и общества, а равно и места человека в них — всё это породило настоящую административно-командную чехарду уничтожений и созиданий, разделений и слияний всего и вся в поисках того, каким образом надлежит устраивать «новое общество» и воспитывать для него «нового человека».

По этой причине в 1920-е и в продолжившие и отчасти даже усугубившие их 1930-е гг. Московский университет, как и вся страна, вступил в пору радикальных реорганизаций, которые глубоко отразились на его научной, образовательной и просветительной деятельности. В эти годы при Университете с лёгкостью возникали новые учебные и научные подразделения, многие из них с не меньшей лёгкостью прекращали своё существование, меняли статус и подчинение, а на худой конец хотя бы название; одновременно с этим менялись способы и формы организации учебно-научной работы.

Ниже в самом кратком виде представлена хронология этого этапа истории Московского университета — не вся, разумеется, а лишь та её часть, которая имеет наиболее тесное касательство к Зоологическому музею. Это важно для того, чтобы осознать, что пришлось пережить Музею, его людям и его коллекциям, с чем приходилось бороться и с чем смиряться, чтобы не прервалась нить живой музейной традиции.

[В 1918 г. при Академии наук учреждена Комиссия по изучению естественных производительных сил России (КЕПС): она принимала значительное участие в организации и финансировании многочисленных экспедиций, в некоторых из них участвовали университетские зоологи. При Народном комиссариате просвещения (Наркомпрос) — перелицованном прежнем Министерстве народного просвещения — организован специальный Музейный отдел для руководства работой всех музеев (Гарданов, 1957). Московский университет, в 1917 г. названный «государственным», в 1918 г. получил название «1-го» в связи с тем, что «2-м» стал университет, возникший на основе выше упоминавшихся Высших женских курсов. Все учёные степени и звания отменены, введено единое звание «учёного специалиста».

В 1921 г. декретом Наркомпроса утверждено «Положение о высших учебных заведениях РСФСР» (Летопись-Положение..., 1921): все университеты подчинены этому комиссариату, ему же передано исключительное право определять их структуру, штаты и т. п. Это стало по сути продолжением и усилением общего тренда, заложенного реформами Николая I и Александра III (см. предыдущие разделы) — означало отмену всех университетских свобод и переход университетского образования целиком под государственный контроль. Названным «Положением» определён основной штатный состав университетов — профессора, преподаватели (прежние доценты) и научные сотрудники (прежние ассистенты), сосредоточенные на «учебной или учебно-учёной деятельности» (§ 5). Основной университетской единицей признан факультет (§ 7), подтверждена возможность выделения в структуре университетов научно-исследовательских институтов (§ 8). Никакие «вспомогательные учебно-учёные учреждения» в Положении отдельно не указаны (по образцу Общего устава 1884 г.), но в кое-каких параграфах упомянуты лаборатории, кабинеты, музеи, библиотеки (например, § 15).

При Наркомпросе учреждено Главное управление научными, научно-художественными и музейными учреждениями (Главнаука), в него включён Музейный отдел (Организация..., 1968). При этом определена необходимость «добиваться, чтобы научные исследования увязывались с задачами социалистического строительства» (*op.cit.*, с. 46). Для обеспечения этой одной из первоочередных задач признано необходимым введение работников-коммунистов в руководящие органы всех учреждений.

В связи с массовой организацией новых (нередко просто «перелицованных» старых) научных институций, при Главнауке особым декретом учреждён Плавающий морской институт: в проекте он назван «Морской плавающий зоологический институт», потом переделан в «биологический», с аббревиатурой «Плавморин» (также Плавморбин, Плавморнин) (Зенкевич, 1941; Организация..., 1968). К слову можно упомянуть, что одним из его инициаторов и первым директором был А.И. Россолимо (Россолимо..., 2012) — двоюродный дед будущего директора Зоомузея О.Л. Россолимо. Плавморин расположился в помещении Зоологического корпуса.

В 1922 г. началась серьёзная реорганизация научных учреждений и высшей школы; её частью, в продолжение линии на «огосударствление» науки, стало предписанное постановлением Наркомпроса учреждение при университетах специализированных научно-исследовательских институтов. В Московском университете при Физико-математическом факультете их в том же году учреждено семь (частью они воспроизводили ранее существовавшие), объединённых в Ассоциацию научно-исследовательских институтов (Гулевич, 1928). Среди них — Научно-

исследовательский институт зоологии (НИИЗ), в который включили прежние или учреждённые заново научные лаборатории зоологического профиля (ликвидирован вместе с многими другими университетскими институтами в 1950 г.). Все службы НИИЗа расположились в помещении Зоологического корпуса. Интересно отметить, что Институт сравнительной анатомии в составе названной Ассоциации не значится, хотя в годовых отчётах университета 1920-х гг. он указывается как одно из подразделений Физико-математического факультета.

Многие крупные научные общества (в том числе ОЛЕАЭ, МОИП; уже без начальной буквы «И») «национализированы»: подчинены Наркомпросу, переведены на государственное финансирование.

В 1923 г. на Физико-математическом факультете 1-го Московского университета организовано несколько отделений, в том числе биологическое во главе с Г.А. Кожевниковым (История..., 1955б; Летопись..., 2016р). Наркомпрос учредил «Государственный музейный фонд», усиливший госконтроль над всеми музейными и иными собраниями; введено деление музеев по их значению на «центральные» и разного рода «местные», а также по их ведомственной принадлежности.

В 1925 г. в ведение Главнауки перешли все академии и учебные заведения, научно-исследовательские учреждения «теоретического» профиля (т. е. не имеющие выраженного прикладного характера), научные библиотеки, музеи, заповедники, ботанические сады и другие подобные учреждения, а заодно (почему-то) государственные академические театры и музыкальные учреждения (Организация..., 1968).

В 1927 г. проведена очередная реорганизация высшей школы: постановлением Совнаркома РСФСР университетам предписано пересмотреть существующую структуру и специализацию подразделений факультетов в целях: «1. приведения структуры факультетов в большее соответствие с потребностями народного хозяйства и госаппарата; 2. возможного укрупнения факультетских делений» (Летопись..., 2016с). В развитие этой общей идеи в ректорате 1-го Московского университета стал разрабатываться проект его разделения на три–четыре более специализированных учебно-научных учреждения (Летопись..., 2016т,у).

В 1929 г. («год великого перелома») в государственных, научных и учебных заведениях страны начата «идеологическая чистка», продолжившаяся несколько лет, в ходе которой из 1-го Московского университета было уволено несколько сотен сотрудников, включая десятки известных профессоров. В научных институтах введена аспирантура.

В 1930 г. некоторые факультеты 1-го Московского университета отданы в иные ведомственные органы; но одновременно с этим в нём учредили несколько новых факультетов и кафедр (Летопись..., 2016в).

Среди них — Биологический факультет с тремя отделениями (зоологии, ботаники и почвенно-географическое) и с более чем двумя десятками кафедр, каждая со своими «вспомогательными подразделениями» (лабораториями и т. п.). Все службы Биофака расположились в помещениях Зоологического и Ботанического корпусов. Существовавшая прежде единая Кафедра зоологии разделена на несколько более специальных: общей зоологии, морфологии и систематики позвоночных животных, зоологии беспозвоночных животных, ихтиологии, охотоведения и промыслового дела. Институт сравнительной анатомии преобразован в лабораторию эволюционной морфологии при Академии наук. Музеи биологического профиля, исторически сложившиеся в рамках бывшего Физико-математического факультета или потом включённые в него, переданы в подчинение учебных кафедр Биофака: Зоологический музей приписан к Кафедре зоологии беспозвоночных (и затем ненадолго к НИИЗу), Музей сравнительной анатомии — к Кафедре морфологии и систематики позвоночных. Университетская Ассоциация научно-исследовательских институтов ликвидирована, входившие в неё институты перешли в прямое подчинение профильных факультетов.

На Первом всероссийском музейном съезде (Москва, декабрь 1930 г.) принята резолюция, призывающая преодолеть «реакционное рутинёрство, уйти от музеев-кунсткамер, поставить музеи на службу социалистическому строительству, превратить их в инструмент культурной революции» (цит. по: Рубан, 2014, с. 1).

В 1931 г. опять проведена перестройка образовательных учреждений: постановлением Совнаркома «О реорганизации государственных университетов» университетские институты и музеи поступили в прямое подчинение соответствующих отраслевых наркоматов (Постановление..., 2011а). В частности, указанные институты, относящиеся к 1-му Московскому университету (включая Зоомузей), переданы в Главнауку Наркомпроса. Одновременно особым постановлением в университетах ликвидирована факультетско-кафедральная структура, вместо этого учреждены многочисленные специализированные отделения; в 1-м Московском университете одним из них стало зоологическое отделение (Летопись..., 2016ф). ОЛЕАЭ включено в состав МОИП.

В 1932 г. только что проведённая реорганизация, в традиционной лексике тех лет, объявлена «перегибами и извращением» (История..., 1955б), началась постепенная отмена достигнутых в ходе её результатов. Согласно этому в университетах частично восстановили кафедральную структуру в рамках сохранённых отделений (Летопись..., 2016х).

В 1933 г. университетам вернули факультетскую структуру и вновь передали в их ведение ранее переданные другим ведомствам факультеты и институты. В связи с этим в Московском университете вновь ут-

верждён (на этот раз окончательно) Биологический факультет, в его составе установлены отделения зоологии и ботаники, каждое с несколькими кафедрами и профильными НИИ (зоологии, ботаники, антропологии). Зоомузей этот «обратный ход» формально не затронул, но во всех университетских документах он указывается как подразделение Биофака (Летопись..., 2016ц).

В 1934 г. восстановлена учёная степень доктора наук и введена учёная степень кандидата наук (до 1936 г. степени присваивались без защиты); введены учёные звания ассистента, младшего научного сотрудника, доцента, профессора, действительного члена научного учреждения.

В 1935 г. в связи с разработкой Генерального плана реконструкции Москвы ректорат МГУ начал обсуждать проект реконструкции университетского комплекса на Моховой, при этом все существующие здания предполагалось надстроить на 3–4 этажа (Летопись..., 2016ч).

В 1938 г. Совет Московского университета рассмотрел вопрос о необходимости постройки нового университетского комплекса на Ленинских горах (так в советские времена называли Воробьёвы горы), куда предполагалось перевести все факультеты естественно-научного профиля (Летопись..., 2016ш). Этот предварительный проект планировал использование существующих зданий на Моховой для университетских музеев и лекториев, т. е. сохранение их на прежнем месте.

В 1939 г. на основании распоряжения Комитета по высшей школе при Совнаркоме СССР принят новый устав Московского университета, которым зафиксирована его базовая факультетско-кафедральная структура (Летопись-Устав..., 1939). Зоомузей официально возвращён под полную юрисдикцию МГУ и включён в состав Биологического факультета. В рамках последнего в качестве его самостоятельных подразделений установлены: четыре научно-исследовательских института (в том числе НИИЗ), два музея (Зоологический и Антропологический), а также Ботанический сад; в самостоятельное факультетское подразделение выделен Гербарий.]

Важной частью кратко охарактеризованных преобразований стала последовательная реализация идеи разделения учебной, научной и музейной сфер деятельности. В результате в вузах преподавание было отдано кафедрам, наука — исследовательским институтам, а музеям была отведена в основном просветительная роль. Такое направление начальственных мыслей в значительной мере воспроизводило то понимание содержания университетской деятельности, которое предписывалось «николаевской реформой» середины 1830-х гг. (см. один из предыдущих разделов).

[Кстати сказать, эта «разделительная» тенденция сказалась и на академическом Зоологическом музее в Ленинграде. На его основе в начале 1930-х гг. был учреждён Зоологический институт (ЗИН) со всей наукой и всеми систематическими коллекциями, а собственно Музею были оставлены только экспозиционные залы с показными коллекциями и просветительная деятельность.]

Ради справедливости следует отметить, что эта общая идея едва ли радикально противоречила традиционному организационному устройству Зоомузея. На самом деле с нею было вполне совместимо унаследованное от А.П. Богданова (а им — отчасти от Ловецкого и Рулье) деление коллекций на научные (систематические), учебные и показные.

В рассматриваемый период расставленные приоритеты отчётливо видны из структуры годовых отчётов, представляемых руководством Зоомузея вышестоящему начальству. В них на протяжении большей части 1930-х гг. первым пунктом шла экспозиционная работа, затем научная и в конце — хранительская [архЗМ]. Впрочем, во всех отчётах присутствовало важное указание на предоставление систематических коллекций для текущих исследований, с поимённым указанием работавших с ними учёных-зоологов: это подтверждало их несомненный научный статус.

Проблема, как «дьявол», проявилась в деталях. Устранение науки и подчинение всей выстраиваемой образовательной системы достижению основной цели, каковой было объявлено «формирование нового человека», с особым акцентом на прикладные аспекты в преподавании и просвещении (Красовицкая, 2002), — всё это выводило научные коллекционные фонды за «скобки» основных направлений деятельности Зоомузея и фактически превращало их хранение в некую дополнительную нагрузку. Музейные коллекции частично «оправдывало» и спасало их использование в учебном процессе — но материалов для практических занятий студентов и экспонирования требовалось значительно меньше, чем многие десятки тысяч экземпляров научных коллекций. Как будет показано далее в настоящем разделе, на рубеже 1920–1930-х гг. это обстоятельство едва не сыграло в истории Зоомузея роковую роль.

* * *

Рассказ об этом «горячем времени» в истории нашего Музея хотелось бы начать выражением глубочайшего уважения в адрес Г.А. Кожевни-

кова. Принявший бразды правления университетской зоологией от своих учителей в ту пору, когда ничто не предвещало особых бед, он в пришедшие лихие годы по мере возможности сохранял в руководимых им учебных подразделениях и в Музее дух преданности своему делу невзирая ни на какие недобрые новые веяния. А это несомненно предполагало дух свободы мысли, без которого не может быть творчества и соответственно не может быть образования и науки, — но не может быть и сложным образом организованной и никоим образом не могущей быть прерванной работы по сохранению и приумножению музейных коллекций.

Не меньшего уважения заслуживают выпестованные Г.А. Кожевниковым учёные хранители зоомузейных собраний, отдававшие им свои силы в бурные послереволюционные годы. Во многом благодаря именно их заботам бесценные многотысячные научные коллекции, накопленные к тому времени в Зоомузее усилиями многих учёных и любителей естествознания, были сохранены для следующих поколений зоологов.

В должности хранителя Зоомузея в первые послереволюционные годы служили: в 1919–1921 гг. — Н.Н. Плавильщиков, вынужденно покинувший Музей в 1921 г. (вернётся сюда позже), в следующий год Э.Г. Беккер (заведовал также хозяйственной частью Музея), затем эти обязанности последовательно исполняли В.А. Яшнов, И.И. Ёжиков, В.В. Алпатов, С.Г. Крыжановский, И.И. Месяцев ([Отчёт... 1923, 1924, 1925 гг.: архЗМ]; Михайлов, 2002). В 1924 г. должность хранителя/ассистента «перелицевали» в научного работника (сотрудника) согласно общему Положению, утверждённому Совнаркомом для вузовских учреждений: в указанном году в таком статусе числились Г.Г. Абрикосов, Е.В. Боруцкий, А.Н. Желоховцев и некоторые другие [Отчёт... 1925 г.: архЗМ]. Таким образом, в результате оказалась фактически упразднённой критически важная для всякого музея штатная должность хранителя коллекций.

В 1925 г. научные (систематические) фонды в Зоомузее впервые административно разделили по «таксономическому» принципу на три секции: позвоночных животных, насекомых и прочих беспозвоночных. Их заведующими (фактически хранителями) были назначены, соответственно, В.Г. Гептнер, Б.С. Кузин и Е.В. Боруцкий. Должность единого для Музея учёного хранителя, отвечающего за разработку

и соблюдение общих принципов пополнения, хранения, документирования и использование коллекций Зоомузея, в новом штатном расписании отсутствовала; её восстановят лишь в 1970-е гг.

* * *

Основной «головной болью» для Зоомузея, к тому же стремительно усугубляющейся, в эти годы стала опять нехватка помещений, причём не только для хранения коллекций, но и экспозиционных. В этой «боли», в дополнение к присущей всякому музею обычной причине — росту коллекций, появилась совсем новая составляющая, к которой наш Музей оказался вовсе неподготовлен. Вновь учреждаемые при Университете и вне него институты, расположившиеся в Зоологическом корпусе, стали обрастать своим хозяйством, своими службами и рабочими местами, организовывать свои экспедиции, для которых нужно было специальное оборудование, — и всё это размещалось в Зоологическом корпусе, включая его экспозиционные залы. По мере разрастания Плавморин и НИИЗ постепенно стали претендовать на всё большие площади и помещения, вытесняя из хранилищ и залов музейные коллекции. Такие же территориальные притеснения испытывал и Музей сравнительной анатомии, в помещениях которого располагался разросшийся штат одноимённого Института.

Значительные проблемы причинял Плавморин (в 1930 г. переименован в Государственный океанографический институт — ГОИН, теперь это Полярный институт рыбного хозяйства и океанографии — ПИНРО). Его главой долгое время был И.И. Месяцев, ученик Кожевникова и им же рекомендованный на эту должность. Основной задачей нового Института было исследование северных морей, их островов и побережий, а основной «производственной базой» для него стал служить Нижний зал Зоомузея. По свидетельству очевидца, «с 1927 г. кроме трёх подвальных помещений и помещения для канцелярии в вестибюле Музея, Институту было предоставлено несколько рабочих мест в Нижнем зале Музея [...] В настоящий момент эти несколько мест превратились в рабочие места около сотни сотрудников [...] Нижний зал Музея оказывается заставленным столами (перед каждым окном стоит от 4 до 6 столов [...] и по 2 шкафа)» (цит. по: Михайлов, 2002, с. 15–16).

Весьма специфические отношения, в каких-то вопросах достаточно сложные и едва ли

формально регулируемые, сложились между Зоомузеем и НИИЗом.

С одной стороны, во главе этого Института и многих его лабораторий стояли учёные, выросшие в стенах Зоологического музея и Института (и Музея) сравнительной анатомии и по мере возможности сохранявшие прежние научные традиции. Первым директором НИИЗа на короткое время был назначен М.А. Мензбир, которого сменил А.Н. Северцов; его «действительными членами» стали Г.А. Кожевников, Б.М. Житков, С.А. Усов, Н.В. Богоявленский и некоторые другие (Гулевич, 1928). Г.А. Кожевников, оставаясь заведующим Кафедрой зоологии и Зоомузеем, возглавил лабораторию зоологии беспозвоночных в НИИЗе, во главе некоторых других лабораторий встали его прямые ученики — Б.М. Житков (лаборатория зоологии позвоночных, позже заведовать ею стал С.И. Огнёв), Н.В. Богоявленский (лаборатория гистологии и эмбриологии); руководить лабораторией морфологии назначили Б.С. Матвеева, проходившего «школу» у А.Н. Северцова (Университеты..., 1935). Своя научно-учебная лаборатория сохранялась и за Зоомузеем. Некоторые работники совмещали должности штатных сотрудников и Зоомузея, и НИИЗа — в первую очередь сам Г.А. Кожевников, а также В.Г. Гептнер, Г.П. Дементьев, Б.С. Кузин и др.

Общую ситуацию сложного переплетения формальных и неформальных связей между Зоомузеем и НИИЗом хорошо иллюстрирует такой факт. В отчёте за 1925–1926 гг. отмечено, что С.И. Огнёв «не принадлежит к служебному персоналу музея» [Отчёт... 1927 г., с. 67: архЗМ], но во вновь заведённой «Книге для записи орнитологических коллекций», начатой в 1927 г., стоят подписи В.Г. Гептнера и С.И. Огнёва [архЗМ] (рис. 18): видимо, первый представлял Зоомузей, второй — НИИЗ. Такой характер визирования музейной документации, как можно полагать, отражает тот факт, что оба эти учреждения в то время обладали некими объединёнными правами на музейные коллекции.

Коль скоро в настоящей статье фиксируются все более или менее значимые факты из «административной» истории Музея, нужно, по-видимому, отметить следующую запись в годовом отчёте Университета за 1925–1926 гг. В ней сообщается, что «в Наркомземе в июне 1925 года было постановлено включить лабораторию Зоологического музея в сеть исследовательских учреждений опытного отдела [...] На эти рабо-

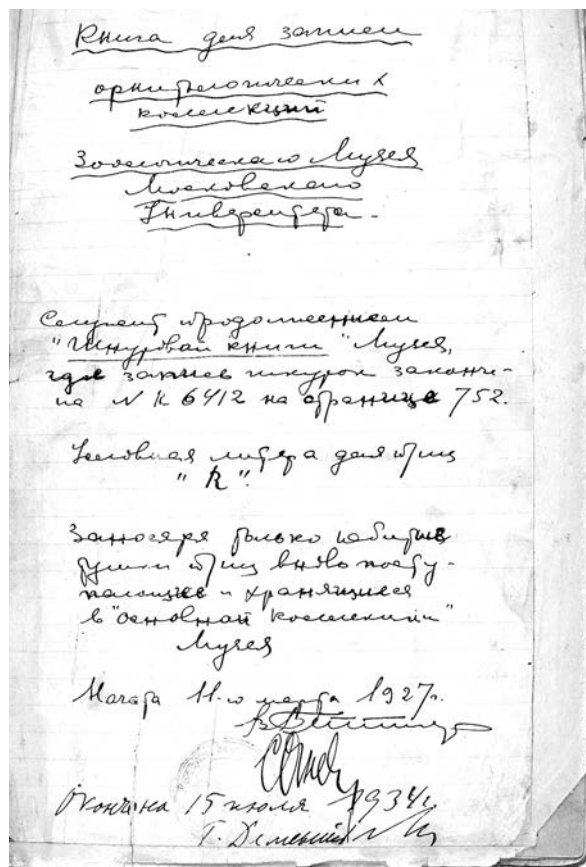

Рис. 18. Титульная страница «Книги для записи орнитологических коллекций», начатой в 1927 г. (архив ЗМ; записано В.Г. Гептнером, подписи С.И. Огнёва и Г.П. Деметьева).

Fig. 18. Title page of the “Book for records of ornithological collections” started in 1927 (ZM archive; written by V.G. Heptner, signatures by S.I. Ognev and G.P. Dementiev).

ты была отпущена Наркомземом субсидия» [Отчёт... 1927 г., с. 70: архЗМ]. Надо полагать, что Г.А. Кожевников и В.В. Алпатов, работавшие над биологией и морфометрией медоносной пчелы, смогли получить для своих исследований, а тем самым и для музейной лаборатории, какую-то дополнительную поддержку.

* * *

В 1920-е гг. Зоомузей испытывал значительные финансовые затруднения: так, в годовом отчёте за 1924 г. отмечено, что выделяемые суммы составляют лишь пятую часть довоенного финансирования (Отчёт..., 1925). Денег катастрофически не хватало на поддержание помещений в надлежащем состоянии, на приобретение необходимого оборудования для хранения коллекций, на организацию полевых исследований: на хронические проблемы такого рода в каждом ежегодном отчёте обращалось особое внимание.

Несмотря на все невзгоды, в 1920-е гг. Зоомузей исправно выполнял своё основное предназначение — собирать, хранить и предъявлять различным пользователям свои коллекции.

На протяжении 1920-х гг. зоомузейцы совместно с низовцами участвовали в экспедиционных работах, наиболее масштабные из которых организовывались обычно вышеупомянутой КЕПС и местными властями. Понятно, что эти работы преследовали преимущественно «прикладные» цели, но позволяли в ходе решения основных предписанных задач попутно собирать и коллекционные материалы. Наиболее известными и продуктивными были работы в Воронежской губернии в 1919–1921 гг. (С.И. Огнёв, К.А. Воробьёв, В.Г. Гептнер), организованные местным управлением Наркомзема; Кавказская экспедиция (те же лица плюс Н.В. Шибанов), работавшая в 1923 г. на средства местного Отдела защиты растений в восточной части предгорий и гор Большого Кавказа; Туркестанская энтомологическая экспедиция (Е.С. Смирнов, Б.С. Кузин, А.Н. Желоховцев и др.), она проводилась в том же 1923 г. под началом Туркестанского наркомзема в оазисах Средней Азии (Закаспийская обл., Сырдарьинский р-н, Семиречье). Кроме того, были достаточно многочисленные поездки более «частного» порядка, в том числе (об этом говорится в годовых отчётах) на собственные средства зоологов. Всего за эти годы удалось участвовать в более чем 50 экспедициях — преимущественно в европейской России, на Сев. Кавказе, в некоторых местах Средней Азии, юга Сибири ([Отчёт... 1923, 1924, 1927 гг.: архЗМ]; Михайлов, 2002).

Для того, чтобы обеспечить квалифицированный сбор научных музейных материалов, сотрудники зоологического отделения Физико-математического факультета выпустили достаточно обстоятельное пособие для полевых коллекторов (Бобринский, Четвериков, 1925).

Значительные как по объёму, так и по научной ценности коллекционные материалы по фауне полярных морей поступали от Плавморина: так, в 1922 г., т. е. в первый же год существования Института, его сотрудники привезли около 6 тыс. экз. (Отчёт..., 1923); затем такие коллекции поступали ежегодно. Согласно годовым отчётам, они передавались в Зоомузей на временное хранение в ожидании того, когда при Московском университете будет учреждён Океанографический музей; особый статус этих

коллекций подчёркивался тем, что заведование ими было поручено сотруднику Плавморина (Отчёт..., 1923; [Отчёт... 1924, 1927 гг.: архЗМ]). Однако ожидаемый музей не был создан, Институт в 1929 г. переехал в Мурманск (Зенкевич, 1941), а его коллекции почти в полном составе остались в Зоомузее.

Важным источником пополнения научных фондов Музея стали крупные собрания коллекционеров-любителей, на частное владение которыми новые власти наложили серьёзные ограничения. Некоторые из них, как и коллекции Плавморина, передавались на хранение в Зоомузей с особыми оговорками: за их (бывшими) собственниками сохранялись некоторые преимущественные права; но важно то, что коллекции становились более доступными для изучения [Отчёт... 1923, 1924 гг.: архЗМ]. Такова, например, огромная коллекция из более чем 7.5 тыс. тушек птиц (вместе с особыми сундуками, где они хранились), которую пожертвовал Музею в 1923 г. орнитолог-любитель и собиратель Г.И. Поляков. Не такой крупной, но не менее значимой была коллекция птиц, переданная в Музей в 1922 г. другим известным орнитологом С.А. Бутурлиным (работал в эти годы в Зоомузее внештатным хранителем): она включает более 6 тыс. экз.

Не прекращалась и учётная работа с научными коллекциями Зоомузея, которая в конце 1920-х и начале 1930-х гг. приобретала несколько иные формы. По мере исчерпания возможностей единой «Шнуровой книги» хранители соответствующих секторов стали постепенно заводить новые — на этот раз по группам хранения. Они носили общее название «Книга для записи [группа хранения] коллекций Зоологического Музея Московского университета» и служили продолжением записей «богдановской» книги (о ней см. предыдущий раздел). В 1927 г. такая книга была начата для орнитологического раздела, в 1928 г. — для маммалогического (так в титульном названии книги), в 1930 г. — для герпетологического, в 1931 г. — для отдельных групп беспозвоночных (пауки, некоторые ракообразные); первые три завизировал В.Г. Гептнер, последние — Е.В. Боруцкий. Кроме того, для орнитологической коллекции в 1929 г. была заведена отдельная «Книга поступлений» новых материалов. Как видно из содержания титульной страницы «Книги для записи орнитологических коллекций», в эти учётные книги заносились только

материалы, «хранящиеся в “основной коллекции” музея» (см. рис 18).

К сожалению, в университетских годовых отчётах за 1920-е гг. нет записей об общем объёме хранящихся в Зоомузее коллекций.

За первую половину 1920-х гг. в отчётах отсутствуют сведения и об экспозиционной деятельности Зоомузея. В 1925 г. заведующий музейной экспозицией С.Д. Перелешин (охотовед по основной специализации) подготовил путеводитель и разработал план экскурсионной работы, которые соответствовали новым веяниям (Михайлов, 2002). В годовом отчёте за 1925–1926 гг. кратко отмечено, что «за отчётный период музей посетили 5641 человек» [Отчёт... 1927 г., с. 71: архЗМ]. В 1930 г. он, как и прежде, был открыт «дважды в декаду» (Михайлов, 2002).

* * *

В начале 1931 г. Зоомузей получил очень серьёзное приращение, ставшее следствием административной реорганизации Института и Музея сравнительной анатомии.

Как указано выше, в 1930 г. его научная часть была преобразована в академическую лабораторию, которую организовал и возглавил А.Н. Северцов. Музей же (экспозиционный зал со всеми коллекциями) был сначала включён в состав Кафедры зоологии позвоночных животных (поэтому его возглавил Б.С. Матвеев), а затем в Зоомузей. Таким образом, территориальное соседство в одном здании обратилось в административное единство.

* * *

В конце 1920-х и в самом начале 1930-х гг. ситуация с Зоологическим музеем существенно обострилась. В 1929 г., в рамках выше упомянутой общей кампании по «идеологической чистке», Г.А. Кожевников был отстранён от заведования Кафедрой зоологии, но за ним сохранили Зоомузей; годом позже его вовсе изгнали из Университета. В ходе этой чистки, продолжавшейся несколько лет, такая же судьба постигла многих «неблагонадёжных» профессоров: из числа имеющих отношение к Зоомузее — М.А. Мензбира, Б.М. Житкова. Начался довольно тяжёлый период истории нашего Музея «после Кожевникова» (который через два года после полной отставки скончался)...

В 1930 г., как отмечено выше, был утверждён Биологический факультет: его, затем также Зоологическое отделение и НИИЗ, возглавила А.М. Быховская (в ту пору «идеологически вы-

держанная», но в 1937 г. уволенная с достаточно обычным для того времени обвинением во «вредительстве» и с ярлыком «разоблаченный враг народа», см.: Летопись..., 2016ш). Согласно новой разрядке Зоомузей включили в состав Кафедры зоологии беспозвоночных во главе с Б.М. Житковым (Летопись..., 2016у), а затем очень скоро (и очень ненадолго) в прямое подчинение НИИЗа, его директором назначили сотрудника последнего Л.А. Зенкевича.

Новое руководство НИИЗа сразу же стало предпринимать активные шаги по «инкорпорации» Зоомузея в свою структуру. Чтобы подчеркнуть единство Зоомузея и НИИЗа, для них на 1931 г. был составлен общий «производственный план» за подписью Л.А. Зенкевича [архЗМ]. Затем последовало предложение реорганизовать подразделения Зоомузея: вместо традиционных секций по таксономическому принципу (или в дополнение к ним?), предлагалось введение отделов фауны районов Сибири, животноводства (Михайлов, 2002); это предложение не было воплощено в жизнь.

В связи с подчинённым статусом Зоомузея подразделения и службы вновь организованного факультета, разместившиеся в Зоологическом корпусе, стали всё активнее претендовать на его фондохранилища и экспозиционные залы. Руководство Биофака, радея о внедрении биологического преподавания «нового типа», достаточно быстро привело дело к тому, что, как сказано в докладной записке, «у Зоомузея отняли: площадь для его научной работы и хранения коллекций [...] весь инвентарь и учебное оборудование [...] отнято право распоряжаться тем помещением, которое всегда Зоомузею принадлежало и которое специально для его целей было выстроено» (цит. по: Михайлов, 2002, с. 17).

Не удовлетворившись этим, Быховская и её заместитель по НИИЗу Е.М. Вермель придумали радикальное средство решения проблемы нехватки места. В одной из справок, адресованных руководству Университета, они сообщили, что «из имеющихся дублетов и мультиплетов коллекций Музея, Зоологический Музей может и *предлагает* укомплектовать коллекции для втузов или вузов» (*op. cit.*, с. 16; курсив мой. — И.Я.П.); напомним, что руководителем Зоомузея в это время числился Л.А. Зенкевич. Очевидно, что это означало бы полную деградацию Зоомузея как одного из крупнейших отечественных и мировых хранилищ научных зоологических коллекций.

Важно иметь в виду, что предложение руководителей университетской зоологии о раздаче «дублетного фонда» Зоомузея было тем опаснее, что возникло не на пустом месте. Как отмечено выше, тогдашние официальные идеологи советского музееведения считали музеи классического толка «пережитком прошлого». Чтобы превратить их в «инструмент культурной революции», они рекомендовали обогащать «местные» музеи за счёт центральных, чем и попыталась воспользоваться Быховская.

* * *

От угрозы разрушения, исходившей от руководства Биологического факультета и НИИЗа, Зоомузей спасла его юридическая передача в 1931 г. в прямое (т. е. минуя университетское руководство) ведение музейного отдела Главнауки Наркомпроса. Следует напомнить, что это не было какой-то исключительной акцией, затронувшей только наш Музей: как отмечено в выше приведённой краткой летописи преобразований, таково было общее предписание Совнаркома о переподчинении всех университетских институтов и музеев напрямую Главнауке. Судя по «шапкам» директорских приказов по Зоомузею и годовым отчётам [архЗМ], в этой новой структуре его обозначили нейтрально как «Московский зоологический музей».

[В скобках замечу, что такое переподчинение Зоомузея, вообще говоря, было «палкой о двух концах». Как видно из процитированного выше фрагмента резолюции Первого всероссийского музейного съезда, оно могло сработать и против его классической «кунсткамерной» специализации. По счастью, этого не случилось.]

Директором Зоологического музея в его новом статусе в том же 1931 г. был назначен В.Н. Макаров — специалист по охране природы, основным делом которого была организация сети заповедников в СССР (надо заметить, антипод Г.А. Кожевникова во взглядах на природоохранную идею, см.: Вайнер, 1991). Это был чиновник высокого ранга, к рассматриваемому времени занимавший ведущие посты в Секторе науки Наркомпроса. Хотя, очевидно, новое поручение для Макарова было по сути дополнительной «нагрузкой», он весьма ответственно отнёсся к нему и сделал достаточно много для налаживания в Музее действительно музейной работы.

[Вопрос о том, почему и как выбор пал на В.Н. Макарова, весьма далёкого от музейных дел, требует отдельной проработки на основании изучения архивных материалов. Но можно признать

post factum, что этот выбор, по-видимому, оказался удачным: положение Макарова в чиновной «табели о рангах» сыграло важную роль в отстаивании им Зоомузея от посягательств факультетского начальства, которое для министерского служащего такого уровня было вполне «мелкой сошкой».]

Первое впечатление В.Н. Макарова о состоянии Зоомузея было просто ужасным. В своей записке, направленной в Наркомпрос, он писал, что за «последние 2 года музей превратился просто в склад научных коллекций, хранящихся в хаотическом беспорядке, и всяких других вещей [...] Не велось никакой специфической музейной работы, отсутствовал необходимый учёт всего имеющегося, поступающего и выбывающего научного материала [...] Музей был превращён в проходной двор в прямом смысле этого слова» (цит. по: Михайлов, 2002, с. 17). Макаров счёл «возможным поставить прямое обвинение директору Зооинститута тов. Быховской, в ведении которой находился Зоомузей, всё то запущение, к которому он пришёл к настоящему моменту» (*op. cit.*, с. 18).

Руководство Московского университета, однако, не согласилось с новым юридическим положением Зоомузея, выведенного из-под его контроля. По этой причине, как было отмечено выше в краткой летописи университетских перестроек, в документах Московского университета на всём протяжении 1930-х гг. наш Музей указывался в составе его Биологического факультета. В качестве частичной «бюрократической» уступки в 1932 г., согласно постановлению Совнаркома «О сети научно-исследовательских учреждений РСФСР», Зоомузей переименовали в «Государственный зоологический музей при Московском государственном университете» (Постановление..., 2012).

Тем не менее, год спустя (очевидно, по предложению В.Н. Макарова) Музейный отдел Наркомпроса подготовил «Положение о Государственном зоологическом музее», подтверждающее его самостоятельный юридический статус и без указания университетской принадлежности. Оно было разработано на основе типового документа, единого для всех музеев Наркомпроса, и утверждено зам. наркома Н.К. Крупской в 1934 г. [архЗМ]. В отчёте Зоомузея за только что указанный год он значится как «Центральный государственный зоологический музей», а в последующих отчётах вплоть до 1939 г. — как «Московский государственный зоологический музей».

Новому директору Зоомузея пришлось бороться не только с университетскими деятелями, но и с другими преобразователями музейного дела и музеев. В первую очередь здесь имеется в виду проект директора Биологического музея (создан при Коммунистическом университете в 1922 г., переведён в Наркомпрос в 1926 г., см.: Биологический..., 2015) Б.М. Завадовского о создании в Москве Объединённого естественнонаучного (он же, согласно некоторым источникам, Центральный биологический) музея под эгидой Наркомпроса. Отчасти это было обращение к идее Г.И. Фишера почти столетней давности (разумеется, без упоминания о нём). По исходному замыслу Б.М. Завадовского, этот супермузей должен был объединить существовавшие в то время столичные «родственные» музеи — только что упомянутый Биологический, Зоологический и Дарвиновский. Завадовский, критиковавший традиционное представление о музее как об «архиве» (Завадовский, 1932) и потому встретивший понимание в Наркомпросе, в 1933 г. доложил свою идею Музейному отделу последнего и получил предварительное добро на разработку проекта; здание нового музея предполагалось разместить на Ленинских (прежних Воробьёвых) горах (Биологический..., 2015). Однако руководители двух других предлагаемых к объединению музеев не согласились с этой идеей, прежде всего с её «антикунсткамерным» концептуальным ядром, — и она была благополучно забыта.

* * *

На этом этапе истории Зоологического музея 1932 г. стал в известном смысле поворотным — «реконструктивным», как записано в его документах.

В.Н. Макаров начал (вполне по-чиновничьи, но наверное оправданно) с того, что ввёл должности заместителя директора Музея по научной и административно-хозяйственной части; первую занял С.С. Туров [Отчёт... 1932 г.: архЗМ]. Надо сказать, что в силу выше отмеченной занятости В.Н. Макарова на основной работе он появлялся в Музее едва ли чаще одного–двух раз в неделю, многие вопросы с ним приходилось решать «заочно» (Михайлов, 2002). Поэтому должность заместителя была более чем значимой: от выбора персоны, руководившей Музеем в «оперативном» режиме, зависело очень многое — и этот выбор, как показали следующие полтора десятилетия, оказался очень удачным. Турову поручалось руководить

научной и хранительской работой, а также осуществлять научное курирование экспозиционной части Зоомузея.

Одновременно с этим была реорганизована внутренняя структура Музея, призванная, в отличие от выше упомянутой «ниизовской», наладить хранительскую и экспозиционную работу [Приказы... 1932 г.: архЗМ]. Эта новая структура отражала как традиционное «таксономическое» деление научных коллекций, так и недавние новшества — присоединение Музея сравнительной анатомии и обязательный акцент на прикладную деятельность. Соответственно этому в Музее, вместо прежних трёх «макротаксономических» секций (позвоночных, насекомых, беспозвоночных, см. выше) были учреждены три основных отделения: научно-систематическое с несколькими секциями (зав. С.С. Туров), филогении (на основе экспозиции бывшего Музея сравнительной анатомии, зав. Б.С. Матвеев) и охотничьего хозяйства (преимущественно с экспозиционными функциями, зав. С.Д. Перелешин). Научная лаборатория при Музее новой структурой не была предусмотрена.

Главным назначением первого из указанных отделений было определено хранение и изучение научных коллекций. В нём выделили секции по крупным таксонам животных более дробно, чем при Кожевникове, они почти без изменений существуют до сих пор: млекопитающих, птиц, рептилий и земноводных, рыб, насекомых, беспозвоночных животных. Заведующими секций стали (указаны в порядке их перечисления): В.Г. Гептнер, Г.П. Дементьев, Н.В. Шибанов, Г.В. Никольский, Б.С. Кузин (с 1936 г. А.Н. Желоховцев), Г.Г. Абрикосов. В 1935 г. названия большинства секций были «латинизированы»: териологии (или маммалиологии), орнитологии, герпетологии, ихтиологии, энтомологии.

В 1937 г. отделения были ликвидированы, секции переименовали в отделы, филогенетическое отделение — в отдел эволюционной морфологии (с теми же заведующими); такое же название получил соответствующий экспозиционный зал. Вместо отделения охотничьего хозяйства был введён отдел экспозиции.

В ходе реорганизации значительно возросли финансы и штаты Зоомузея. До 1932 г. в нём числилось 7 научных работников (технического штата, видимо, не было), в 1932 г. их стало 15, к ним добавили 11 единиц технического персонала [Отчёт... 1932 г.: архЗМ].

В том же 1932 г. и в ближайшие последующие годы в штатном расписании происходили определённые изменения вслед за поступлением очередных директив (отчасти были начаты в 1924 г., см. выше). Некоторые заведующие секциями были «перелицованы» в старших научных сотрудников (Гептнер, Кузин, Желоховцев, Дементьев), прочие «научники» — в научных сотрудников 1-го разряда [Приказы... 1932 г.: архЗМ], техническому персоналу был присвоен статус сотрудников 2-го разряда. В 1934 г. некоторым старшим научным сотрудникам, как и в научно-исследовательских институтах, было присвоено звание «действительный член Зоологического музея МГУ»: в таком качестве в отчёте за 1935 г. указаны В.Г. Гептнер, С.С. Туров, А.А. Парамонов, Г.П. Дементьев [Отчёт... 1935 г.: архЗМ]. В 1935 г. в связи введением положения об учёных степенях в Зоомузее докторами биологических наук стали В.Г. Гептнер, Г.П. Дементьев, С.С. Туров, кандидатами — Е.В. Боруцкий, Н.А. Гладков, А.Н. Желоховцев (все без защиты); в 1938 г., согласно уточнённому положению, Г.В. Никольский первым в Зоомузее защитил докторскую диссертацию.

Особым распоряжением Сектора науки Наркомпроса в 1932 г. Зоомузее было предписано издавать сборник «Известия Зоологического музея» для публикации результатов научных исследований [Приказы... 1932 г.: архЗМ]. Он в какой-то мере позволял возместить прекращение издания «Известий ОЛЕАЭ» в связи с ликвидацией этого Общества в 1931 г. Повидимому, музейный научный сборник под названием «Известия...» так и не вышел в свет, в 1933 г. его переименовали в «Труды Зоологического музея» (рис. 19) [Отчёт... 1933 г.: архЗМ]. Этот сборник стал ежегодным, его первые тома регулярно выпускались вплоть до 1941 г., затем последовал значительный перерыв.

В середине 1930-х гг., вслед за существенным увеличением научных штатов Музея и подкреплением их статуса соответствующими названиями занимаемых должностей и учёными степенями, была предпринята серьёзная попытка освободиться от навязанного Зоологическому музею доминирующего «просветительного» стереотипа. В частности, на одном из производственных совещаний в 1934 г. была принята следующая резолюция: «Подчинение научно-исследовательской работы Зоомузея целиком задачам экспозиции считать невозможным [...] В его задачи [...] входит не толь-

ко научная работа, связанная с экспозицией и имеющая целью ознакомить посетителей с фауной СССР и мира [...] но и научная работа по систематике и зоогеографии, далеко выходящая за пределы экспозиции» (Михайлов, 2002, с. 26–27). Эта декларация, идущая вразрез с официальными установками, имела под собой более чем серьёзные основания: так, в 1934 г. начал выходить многотомный «Полный определитель птиц СССР», в подготовке которого активнейшее участие принимал Г.П. Дементьев; в 1936 г. В.Г. Гептнер издал фундаментальный труд «Общая зоогеография»; Г.Г. Абрикосов написал раздел по мшанкам для 1-го тома сводки «Животный мир СССР» (вышел в 1936 г.); здесь же следует указать серьёзные региональные обзоры Г.В. Никольского «Рыбы Таджикистана» (1938) и «Рыбы Аральского моря» (1940).

В подкрепление этого направления деятельности Зоомузея в 1935 г. в его структуру был введён Учёный совет, обязательный для всех музеев Наркомпроса [Отчёт... 1935 г.: архЗМ]. Как видно из музейных годовых отчётов за 1935–1937 гг., на нём заслушивались сугубо научные доклады, т. е. он фактически выполнял функции научного семинара. В последующих отчётах этот Совет не упоминается.

В отчёте Зоомузея за 1938 г. названия его штатных научных единиц выглядят уже вполне по-современному: профессор (Дементьев, Гептнер, Никольский), старший научный сотрудник (Шибанов, Желоховцев, Гладков, Дружинин и др.), научный сотрудник (Гофман, Птушенко и др.). В указанном году зав. отделом эволюционной морфологии назначен А.Н. Дружинин связи с уходом Б.С. Матвеева из Зоомузея. В годовых отчётах Зоомузея отмечено, что некоторые научные сотрудники выполняют лаборантские обязанности (например, Л.Г. Турова в 1939 г.).

* * *

Большое значение для развития Музея имело постепенное освобождение его залов и некоторых других помещений от занимавших их сторонних организаций. Первым Зоологический корпус покинул Плавморин, который в 1929 г. перебазировали в Мурманск ближе к месту его действительной работы (Зенкевич, 1941): освободился Нижний зал и кое-какие подвальные комнаты. В 1934 г. из «анатомического крыла» Зоологического корпуса выехала «северцовская» лаборатория: в связи с переездом руководства Академии наук из Ленинграда в Москву она

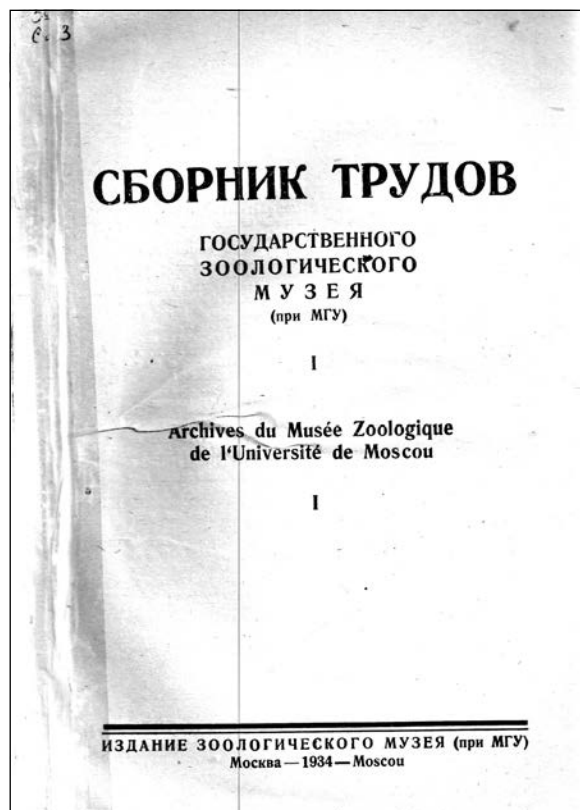

Рис. 19. Титульный лист 1-го тома «Трудов Зоологического музея» (библиотека ЗМ).

Fig. 19. Title page of the 1st issue of the “Archives of Zoological Museum” (ZM library).

была преобразована в академический Институт эволюции животных, получивший здание в начале Большой Калужской улицы (теперь Ленинский проспект; речь идёт о нынешнем ИПЭЭ РАН, см.: История создания..., 2005).

Частичное освобождение помещений Зоомузея позволило несколько упорядочить хранение систематических коллекций; впрочем, эта упорядоченность была относительной, поскольку многие материалы размещались по «лоскутному» принципу — там, где для них удавалось подыскать место (Антонова, 1991; Веригина, 1991; Иксанова и др., 1991б; Орлова, 1991; Павлинов, Яхонтов, 1991; Томкович, 1991; Михайлов, 2002). Все научные материалы по беспозвоночным животным исходно (с начала 1900-х гг.) были размещены вместе с показными в витринах Нижнего зала. После освобождения последнего от посторонних предметов и людей его заднюю четверть специально отгородили для части научных фондов насекомых и некоторых других беспозвоночных. Кроме того, значительную часть коллекций отдела беспозвоночных разместили в подвальном помещении, а некоторые шкафы с насекомыми — в отгоро-

Рис. 20. Хоры правой стороны Верхнего зала; в глубине сидит В.Г. Гептнер (фотография 1937 г.; архив ЗМ).

Fig. 20. Gallery of the right side of the Upper Hall; V.G. Heptner sitting on the far side (photo of 1937; ZM archive).

женной торцевой комнате, примыкающей к вестибюлю («под мамонтами»). Ихтиологическую и герпетологическую коллекции разместили в основном в подвале «анатомического крыла» здания Зоологического корпуса. Большая часть сухих коллекций птиц и млекопитающих (тушки, черепа) помещалась на хорах Верхнего зала (рис. 20). Сундуки со скелетами крупных млекопитающих распихали в нескольких центральных помещениях подвала Зоомузея. Позже на хорах также были обустроены рабочие места сотрудников, отгороженные от основного пространства решётками, поэтому их в обиходе называли «клетками».

В связи с общей линией на налаживание хранения и использования коллекций, в 1932 г. были приняты соответственные регулирующие меры [Приказы... 1932 г.: архЗМ]. Новое руководство Музея утвердило и ввело в действие «Правила пользования материалами и коллекциями...» из 16 пунктов. Научные коллекции было предписано заносить в инвентарные книги в том же общем порядке, что и «прочие материальные ценности» (так было и в «Шнуровой книге» при А.П. Богданове). Право предоставлять доступ сторонним специалистам к коллек-

циям и выдавать их во временное пользование, а также вести всю переписку от имени Зоомузея стало прерогативой директора или его заместителя по научной части (*op. cit.*). Стоит напомнить, что такие же строгости в обращении с коллекциями в 1910-е гг. вводил Г.А. Кожевников (см. выше настоящий раздел).

Для усиления административного контроля за присутствием и деятельностью сотрудников на рабочих местах были введены особые формы. Одной из них стал «Журнал учёта», в котором сотрудники обязаны были отмечать время прихода и ухода. Вдобавок была заведена особая «Книга служебных поездок...», назначение которой состояло в регистрации так называемых «городских командировок» музейцев. Понятно, что всё это было не особой прихотью руководства Зоологического музея, но лишь выполнением соответствующих руководящих распоряжений. В таком статусе, меняя время от времени форму, эти регистрационные журналы для «личного состава» просуществовали до конца 1980-х гг.

Реорганизация структуры фондов Музея и рост объёма коллекций обусловили некоторое изменение системы их учёта, начатое за несколько лет до этого. Её разработка была поручена В.Г. Гептнеру, который в 1932 г. был командирован в Зоологический институт Академии наук (Ленинград) для ознакомления с принятыми там формами учёта.

В.Н. Макаров узаконил начавшуюся складываться практику ведения отдельных учётных книг по группам хранения. Единая «Шнуровая книга» была разброшюрована (по-видимому, в 1932 г.), её разделы по позвоночным животным, а также по всем беспозвоночным (без насекомых) были розданы по соответствующим секциям, каждый из разделов был вновь сброшюрован и прошнурован. «Остатки», не разошедшиеся по секциям («бухгалтерские», с данными по насекомым и др.), были вновь соединены в единую книгу, но её более не продолжали. В секциях пресмыкающихся и млекопитающих в 1932 г. были заведены отдельные «Книги поступлений» для предварительной регистрации вновь поступающих коллекционных материалов. Аналогичный журнал (под названием «Сырейная книга») был заведён в секции (тогда уже в отделе) ихтиологии в 1937 г. В секции беспозвоночных в 1933–1934 г. были начаты отдельные учётные книги по мшанкам, отдельным классам моллюсков (завизированы

Рис. 22. Интерьер Нижнего зала после реконструкции (фотография середины 1930-х гг.; архив ЗМ).

Fig. 22. Interior of the Lower Hall after reconstruction (photo of the mid 1930s; ZM archive).

значительную коллекцию бабочек с Дальнего Востока. Заметным добавлением стала личная коллекция С.И. Огнёва — более 7 тыс. экз. мелких млекопитающих (правда, она была не пожертвована, а продана её владельцем, причём за довольно «круглую» по тем временам сумму).

Общий количественный порядок новых поступлений на протяжении 1930-х гг., не в пример прошлым десятилетиям, стал весьма высоким: в год поступало от 24 до 30 тыс. экз. В годовых музейных отчётах суммарный объём научных фондов Музея за этот период не указывался; по некоторым оценкам, к концу 1930-х гг. они насчитывали около 1.2 млн экз., из которых более половины приходилось на насекомых (Иксанова и др., 1991).

* * *

С 1932–1933 гг. в связи с высвобождением залов и под влиянием новых «руководящих идей» стала организовываться экспозиционная работа: во всяком случае, в отчёте Зоомузея за 1934 г. отмечено, что эта работа «началась толь-

ко в 1932 г.» [Отчёт... 1932 г., с. 3: архЗМ]. Вся подготовка нового содержания и оформления экспозиции была поручена научным сотрудникам во главе с С.С. Туровым [Приказы... 1932 г.: архЗМ]. В Верхнем зале, в дополнение к прежней экспозиции птиц и млекопитающих, были выставлены показательные материалы герпетологического и ихтиологического отделов: таким образом, по содержанию он стал «Залом позвоночных животных». Поскольку за экспозиционную работу отвечало отделение охотничьего хозяйства (см. выше), выставленные в Верхнем зале материалы были реорганизованы соответственным образом: витрины показывали промысловое хозяйство тундры, тайги, степей и пустынь, крупных водоёмов. В Нижнем зале были выставлены коллекции всех беспозвоночных животных, при входе в него оформлены (ненадолго) два особых раздела — по задачам охотничьего хозяйства и по фауне четвертичного периода. Витрины занимали боковые части зала, а в среднем проходе расположили череп голубого кита (рис. 22). В 1933 г. Нижний зал наконец-то был открыт для посетителей — впервые после переезда Музея в здание Зоологического корпуса в начале 1900-х гг.

Заметно улучшилась ситуация с Залом сравнительной анатомии. В музейном отчёте за 1932 г. отмечено, что «лишь в 1932 г., ставши отделом филогении Зоологического музея, бывший Музей сравнительной анатомии 1-го МГУ смог сойти с мёртвой точки, на которой он стоял, не способный к прогрессу из-за отсутствия материальных средств и рабочей силы. И этот первый 1932 реконструктивный год, несмотря на ряд недочётов, нужно расценивать как гигантский шаг вперёд в жизни Музея сравнительной анатомии» [Отчёт... 1932 г., с. 42: архЗМ]. Следующим таким шагом стал выше упомянутый выезд «северцовской» лаборатории, благодаря чему был полностью освобождён экспозиционный зал и в «анатомическом крыле» Зоологического корпуса.

В 1934 г. новый заведующий экспозицией биолог-эволюционист А.А. Парамонов стал настаивать на возвращении традиционного принципа организации показательных коллекций. Он считал необходимым не только следовать систематическому способу, но также выделить особый раздел, рассказывающий о зоологии и систематике как научных дисциплинах, об истории их развития. На следующий год для

воплощения этой идеи в Нижнем зале был организован вводный фрагмент, иллюстрирующий «основные понятия классификации животных, разделы дарвиновского учения, положенные в основу классификации, филогенетические отношения отдельных групп животных (родословная схема)» (Туров, Дементьев, 1940, с. 186). Одновременно с этим поменяли местами несколько экспозиционных разделов: из Верхнего зала в Нижний перенесли низших позвоночных, в противоположном направлении — общий раздел по охотничьему хозяйству; ископаемые материалы, иллюстрирующие некоторые «классические» закономерности эволюции, переместили в Зал сравнительной анатомии [Отчёт... 1934 г.: архЗМ].

В новом обустройстве экспозиции большую роль играли пополнившие штат Зоологического музея мастера-«чучельники». В 1932 г. сюда пришли работать воспитанники мастерской Лоренца — В.К. Федулов (зав. препараторской мастерской) и П.Н. Большунов, участник монгольских экспедиций П.С. Савельев, молодой Н.К. Назьмов; в 1938 г. к ним добавился П.С. Николаев. Среди появившихся в то время интересных работ, выставленных в экспозиции по сей день, — чучело белого медведя. Некоторые из препараторов трудились не только в Зоомузее, но и в других учреждениях музейного профиля. Поэтому сходным образом сделанные чучела, диарамы и биогруппы можно увидеть не только в Зоологическом, но и, например, в Дарвиновском музее.

При перестроении экспозиционных залов Зоомузея в 1930-е гг. был использован уже упоминавшийся выше иллюстративный принцип: значительное внимание было отведено их художественному оформлению. В Верхнем и Нижнем залах и в вестибюле Музея было выставлено большое количество больших картин (панно), призванных показывать обитателей нашей планеты в их «живом» облике и в естественной обстановке. Это позволило в какой-то степени дополнить значительно оживляющие экспозицию биогруппы, которых в Музее явно недоставало. Зал сравнительной анатомии украсили большие картины, показывающие основные этапы развития жизни на Земле; чтобы эти реконструкции были достоверными, исходные материалы для них подготовили Б.С. Матвеев и А.Н. Дружинин. Вдобавок к этому стены Нижнего зала по бокам от входа украсили фрески, имитирующие петроглифы первобытных лю-

дей, что вполне гармонировало с выставленной здесь в то время «четвертичной» экспозицией. Основу всей этой своеобразной художественной галереи составили произведения В.А. Ватагина, который специально для оформления экспозиции был взят в штат Зоомузея в 1932 г. научным сотрудником [Приказы... 1932 г.: архЗМ] и служил в нём (с перерывом на годы войны) по 1958 г.; указание на то, что Ватагин «исполнял обязанности заместителя директора» (В.А. Ватагин..., 2015), ошибочно. Работы этого замечательного художника украшают ещё два музея Москвы — Дарвиновский и Биологический. В экспозиционных залах Зоомузея были выставлены также картины А.Н. Комарова и некоторых других известных анималистов.

Во второй половине 1930-х гг. Зоомузей стал организовывать временные выставки, в том числе выездные (в Таганском парке, в Сокольниках и др.). Сотрудники Музея регулярно проводили семинары по зоологии с учителями Москвы, читали лекции в колхозах, школах, клубах, на фабриках и заводах. Для того, чтобы привлечь посетителей в залы Музея, по школам и организациям стали рассылать специально отпечатанные рекламные афиши и открытки.

Всё это сыграло свою положительную роль. Если в 1932 г. посетителей было всего около 600 человек, то в 1933 г. — уже более 13 тыс., в 1936 и 1937 гг. — около 30 тыс., в 1938 г. — около 67 тыс., в 1939 г. — около 107 тыс. человек; из них не менее двух третей составляли «организованные посетители», т. е. участники экскурсий ([годовые отчёты Зоомузея: архЗМ]; цифры повторены в: Мануильская, 1941; Иксанова и др., 1991а,б; Михайлов, 2002). В этой положительной динамике большое значение имела не только возросшая активность самого Музея: посещение его экспозиционных залов было включено в обязательные учебные планы средних школ Москвы.

* * *

В конце 1920-х и в 1930-х гг. при Зоомузее числились юннатские кружки, что соответствовало развитию массового юннатского движения в стране (подробнее см. статью Е.А. Дунаева в настоящем сборнике). Это движение породило такие знаковые объединения как Кружок юных биологов Московского зоопарка — знаменитый КЮБЗ (основан в 1924 г.). Впрочем, за музейными кружками особо значимых дел в те годы не значилось — наверное, просто не хватило времени.

* * *

В 1939 г. в судьбе Зоомузея произошёл очередной поворот, замкнувший круг административных преобразований. По приказу наркома просвещения, в ответ на неоднократные обращения руководства Московского университета, он возвратился в Alma mater и опять стал университетским не только по размещению в Зоологическом корпусе, но и по юридическому подчинению (в составе Биологического факультета). Это зафиксировано в новом Уставе Московского университета, утверждённом в 1939 г., согласно которому официальное положение «Музея зоологии» (так он обозначен в Уставе) было определено как «подразделение Биологического факультета» (Летопись-Устав..., 1939).

Однако в этой структуре за Зоомузеем вроде бы была сохранена некоторая автономия: в его собственных документах отмечено, что он «вошёл в число научно-исследовательских учреждений Университета, на правах титульного учреждения, с самостоятельным государственным бюджетом и существующего по особому положению» [Сводные данные... 1939 г., с. 7: архЗМ]. В тех же музейных (но не университетских) документах он значится под современным названием «Зоологический музей МГУ».

Наверное, это возвращение было в общем-то благим шагом. Однако трудно сказать, во что оно могло бы вылиться в те сверхидеологизированные времена. Ибо начало было очень уж странным и едва ли многообещающим...

В связи с указанными административными изменениями В.Н. Макаров оставил пост директора Зоологического музея. Руководить Музеем назначили не заместителя по научной части С.С. Турова, как то диктовала здравая логика, а людей, едва ли глубоко понимающих специфические музейные проблемы. Директором Музея, во главе которого в своё время стояли корифеи отечественной зоологии, сначала назначили аспиранта Н.С. Ульянина (как единственного члена ВКПб в Зоомузее, см.: Любарский, 2009), а через полгода его заменил уже упоминавшийся энтомолог-любитель Н.Н. Филиппов, для которого основной была дипломатическая служба.

Эту странную «административную чехарду» прервала величайшая трагедия — началась Великая Отечественная война...

* * *

Беспокойная жизнь Зоомузея во время военных лет достаточно подробно изложена в

годовых отчётах, хранящихся в его архиве, как-то главным образом и положены в основу нижеследующего краткого очерка.

В связи с началом войны Зоологический музей в июле 1941 г. был закрыт для публики (в первое полугодие его посетило более 57 тыс. человек). В сентябре были уволены некоторые сотрудники (Г.В. Никольский, А.Н. Дружинин, В.А. Ватагин и др.), исключены должности экскурсоводов (восстановлены только в 1955 г.). А.Н. Желоховцев, Н.А. Гладков и В.К. Федулов были мобилизованы в армию; место Желоховцева занял вернувшийся в Зоомузей Н.Н. Плавильщиков.

В октябре и ноябре 1941 г. в связи с угрозой сдачи Москвы немцам ведущие государственные учреждения, в том числе многие подразделения Университета, эвакуировали — повторилась история 1812 г. Для Университета основным местом временного размещения был определён Ашхабад, какую-то часть его подразделений отправили в Свердловск и ряд других городов: туда несколькими эшелонами спешно вывезли множество университетского имущества и сотрудников. Среди последних в основном были профессора и учёные преклонного возраста; более молодые (аспиранты и др.) выбирались из Москвы пешими колоннами, их потом также загружали в поезда и отправляли в места назначения (История..., 1955б; Летопись..., 2016э). Люди прибыли в Ашхабад в основном в декабре, а в январе 1942 г. пришли эшелоны с имуществом. Среди эвакуированных туда зоомузейцев были В.Г. Гептнер, Г.П. Дементьев, Н.В. Шибанов и ещё несколько человек.

С музейной коллекцией во второй половине 1941 г. происходила такая история. По распоряжению Н.Н. Филиппова наиболее ценные материалы (включая энтомологические сборы Мочульского, Эшшольца, скелет стеллеровой коровы, шкуры крупных млекопитающих и др.) упаковали в 85 сундуков, которые были перевезены в Южный порт на Москве-реке, чтобы погрузить на баржу и отправить в г. Горький (бывший Нижний Новгород) — как и в 1812 г., но на этот раз водным путём. Однако сундуки там пролежали около месяца под открытым небом, предоставленные самим себе и непогоде, после чего их привезли обратно в Зоологический корпус. После осмотра и просушки эти коллекции опять упаковали в сундуки и отправили железной дорогой в Ашхабад вместе с другим университетским имуществом. Некоторые из этих

вместилищ, вернувшиеся с коллекциями в Москву, и по сию пору можно увидеть в Зоомузее, их легко опознать по соответствующим «эвакуационным» надписям (рис. 23).

Оставшиеся в Москве коллекции снесли частью в Нижний зал, частью в подвал Музея, некоторое их количество укрыли в подвале университетского химического склада. Это были в основном ящики с насекомыми, которым переезд в тряских вагонах грозил неминуемыми разрушениями, большое количество стеклянных банок с заспиртованными и заформалиненными животными. Однако неподходящие условия хранения в подвальных помещениях привели к тому, что «коллекции сильно попортились: заплесневели пузыри, которыми были закрыты банки, отвалились наружные этикетки» [Отчёт... 1942 г., с. 1–2: архЗМ]. Кроме того, в результате всех этих масштабных перетасовок и перемещений систематический порядок, который наводили в коллекциях десятилетиями, был полностью нарушен.

В конце октября 1941 г. во время одной из немецких бомбёжек центра Москвы во двор Аудиторного корпуса Университета упала большая фугасная авиабомба. От её взрыва досталось и зданию Зоомузея: взрывной волной в Верхнем зале были разбиты окна, витринные стёкла, стеклянное потолочное перекрытие. При реставрации зала в конце 1943 г. в этом перекрытии стекло заменили железом, в витрины вместо зеркальных стёкол пришлось временно вставить оконные.

Н.Н. Филиппов в октябре 1941 г. выехал из Москвы, не известив об этом университетское руководство. После нескольких дней его отсутствия исполнение директорских обязанностей приказом ректора было возложено на С.С. Турова, в начале 1942 г. он был утверждён в должности директора. Под его началом работали недавно поступившие в Музей молодые сотрудницы А.А. Световидова, А.М. Судиловская, Л.Г. Морозова-Турова (жена С.С. Турова), М.В. Васильева (за штатом), а также Д.М. Вяжлинский. В связи с эвакуацией «старожилов» исполняющими обязанности заведующих отделами стали: Б.Н. Цветков — по беспозвоночным (указание у Любарского, 2009, на Е.В. Боруцкого ошибочно), Плавильщиков — по насекомым, Световидова — по ихтиологии и герпетологии, Судиловская — по орнитологии, Морозова-Турова — по териологии; отдел эволюционной морфологии опекал, по-видимому, Д.Н. Гофман. Кроме того,

Рис. 23. Сундуки, в которых была эвакуирована часть коллекций Музея в конце 1941 г. (из: Павлинов, Иванов, 2005).

Fig. 23. The chests in which a part of the Museum collections was evacuated in the end of 1941 (after Pavlinov, Ivanov, 2005).

многие из них составили группу противовоздушной обороны и ночами поочерёдно дежурили на крыше Зоологического корпуса — оберегали от зажигательных бомб. В 1943 г. в штат Музея (в отдел териологии) был зачислен В.И. Цалкин, проработав в нём до 1950 г. В здании Зоомузея получил своеобразную «постоянную прописку» С.И. Огнёв (с 1941 г. и до конца жизни — штатный профессор Педагогического ин-та им. В.П. Потёмкина): заняв директорский кабинет, он не покладая рук трудился над очередными томами своих «Зверей...».

* * *

Несмотря на эти трудности, Московский университет очень скоро начал мало-помалу возвращаться к нормальной деятельности. Осенью 1942 г. возвращавшиеся профессора и доценты стали читать лекции, принимать и выпускать студентов, а учёные планомерно приступили к своим исследованиям.

Зоологический музей также начал (в который раз) возрождаться к нормальной жизни [Отчёт... 1942 г.: архЗМ]. Уже в марте 1942 г. его экспозиционные залы на втором этаже были открыты, причём в Верхнем зале были выставлены представители всех типов животных — от простейших до хордовых. Экспозиция была доступна все дни недели, кроме понедельника. Посетителей было, разумеется, не так много — в 1942 г. 6.6 тыс. и в 1943 г. 7.7. тыс. человек.

Нижний же зал по-прежнему служил временным хранилищем коллекций, его открыли для публики в 1945 г.

Эвакуированные в Ашхабад зоомузейцы, пользуясь пусть и несчастливими, но благоприятными обстоятельствами, летом 1942 г. проводили научные экспедиционные работы в местах своего временного пребывания. В.Г. Гептнер исследовал позвоночных животных Бадхыза, Г.П. Дементьев работал в окрестностях Гассан-Кули, Н.В. Шибанов — в Репетеке. Оставшиеся в Москве зоологии по мере возможности также совершали экспедиционные поездки: так, в 1943 г. С.С. Туров коллектировал мелких наземных позвоночных на Кавказе.

В сентябре 1942 г. научные сотрудники Зоомузея почти в полном составе вернулись в Москву и после восстановления в штате приступили к исполнению своих обязанностей; на один год в Свердловске задержался В.Г. Гептнер.

В 1943 г. в Москву были возвращены (в тех же деревянно-фанерных сундуках) эвакуированные в Ашхабад материалы проездом через Свердловск (в сопровождении В.Г. Гептнера). Вместе с ними прибыли и собранные в Туркмении новые коллекционные материалы — несколько тысяч экземпляров птиц, млекопитающих, рептилий, рыб, насекомых. В 1944 г. спиртовые коллекции отдела беспозвоночных были перенесены из подвала в Нижний зал, а также в небольшую комнату слева перед входом в него (так называемая «сотка»). В 1945 г. герпетологические материалы также переместили из подвала в Нижний зал, благодаря этому в подвале было расширено помещение для ихтиологических коллекций. В этом же году шкафы с энтомологическими коллекциями переместили с хоров Верхнего зала в Нижний зал, на хоры возвратили сухие коллекции млекопитающих и птиц.

Таким образом, научные коллекции позвоночных животных по большей части заняли свои прежние места. Коллекции отдела беспозвоночных оказались рассредоточенными по нескольким помещениям: они заняли часть подвала, «сотку», «междушкафья» витрин Нижнего зала и его отгороженную заднюю часть [Отчёт... 1944 г.: архЗМ]. Рассредоточенными по разным помещениям Музея оказались и обширные энтомологические коллекции. Однако несколько позже в связи с разрастанием не только коллекций, но и администрации и учебных подразделений Биологического факультета

порядок размещения некоторых научных фондов опять пришлось нарушить: часть скелетов и черепов копытных млекопитающих, черепа китообразных, а также часть ихтиологических коллекций были вновь перенесены в подвальное помещение (млекопитающие — в так называемую «кишку»). Большой проблемой стала нехватка жидких фиксаторов, из-за чего страдали все «влажные» коллекции.

В 1945 г. была введена должность учёного секретаря Зоомузея, которую занял Н.А. Гладков [Отчёт... 1945 г.: архЗМ], в 1948 г. он стал заведовать отделом орнитологии, а указанная должность перешла к Д.М. Вяжлинскому [Отчёт... 1948 г.: архЗМ]. В том же 1945 г. вернувшиеся в Музей сотрудники старшего поколения вновь возглавили отделы: В.Г. Гептнер — териологии, Г.П. Дементьев — орнитологии. Исполнение обязанностей заведующего отделом эволюционной морфологии было сохранено за Д.Н. Гофманом, отделом ихтиологии — за А.А. Световидовой; для заведования отделом беспозвоночных животных был приглашён И.И. Малевич. В 1946 г. возвратился в Музей и приступил к заведованию отделом энтомологии А.Н. Желоховцев, в связи с чем Н.Н. Плавильщикова перевели на должность заведующего отделом экспозиции; заведовать отделом герпетологии назначили только-только зачисленного в штат Зоомузея орнитолога Е.Н. Спангенберга (Н.В. Шибанов в 1943 г. был назначен заместителем декана Биологического факультета и ушёл из Музея). Заведовать препараторской мастерской назначили одного из старейших таксидермистов П.С. Николаева.

В 1944 г. в штате Зоомузея состояло 24 человека, из них 13 научных сотрудников; в 1946 г. последних числилось уже 20 человек. В Музее по-прежнему не было «официальных» (должностных) хранителей: эти обязанности были возложены на научных сотрудников. Ближе к концу 1940-х гг. в музейных годовых отчётах стали регулярно появляться жалобы на острую нехватку технического персонала: так, в 1948 г. в Зоомузее было только три штатных лаборанта.

Из-за всеобщей тесноты сотрудники сидели очекнь тесно. Так, в комнате справа перед входом в Верхний зал были рабочие места профессоров С.С. Турова, Г.П. Дементьева, В.Г. Гептнера (последний, впрочем, вскоре «отвоевал» для себя директорский кабинет после кончины С.И. Огнёва в 1951 г.).

* * *

Важной частью нормализации хранительской работы с коллекциями, естественным образом сопряжённой с их выверкой и размещением в систематическом порядке на прежних местах, стало налаживание учётной документации. Териологи и орнитологи в конце 1940-х гг. возобновили повидовые картотеки, но новые карточки теперь были формата А4. Эти картотеки (а также картотеку дарителей) вели до начала 1970-х гг., потом они перешли в архив. Кроме того, в двух указанных отделах в эти годы впервые завели поэкземплярные каталоги (карточки в формате библиографических), причём в отделе орнитологии основа была изготовлена типографским способом, а в отделе териологии первые карточки линовали от руки. Тогда же в отделе беспозвоночных были начаты отдельные «Книги для записи коллекций» кишечнополостных, иглокожих и пиявок.

Довольно скоро стала налаживаться и планомерная экспедиционная работа. Сотрудники Зоомузея и НИИЗа ездили для сбора научных коллекций на Кавказ, в Среднюю Азию, на Дальний Восток. Одной из крупнейших стала Амурская экспедиция, которой руководил Г.В. Никольский: она была организована в 1945 г. для изучения рыбных запасов и гидробиологии Амура и продолжалась до 1949 г. В ней принимали участие не только ихтиологи и гидробиологи, но и учёные других специальностей: в частности, для Зоомузея там собирал коллекции по водным беспозвоночным Е.В. Боруцкий. В 1949–1953 гг. была организована комплексная экспедиция в южные степные районы европейской части России в связи с организацией там лесных полос, также принёсшая немало интересных новых коллекций. Зоологизовночники участвовали в фаунистических исследованиях Туркмении (Дементьев, Спангенберг, Туров, Гептнер) и Армении (Туров, Цалкин, Морозова-Турова), организованных местными филиалами АН СССР. Кроме того, продолжались фаунистические обследования территорий, предназначавшихся к организации заповедников: одним из них стала экспедиция в Читинскую область (Гладков, Желоховцев).

Среди материалов, поступавших в первые послевоенные годы от сторонних организаций, особый интерес представляют большие многолетние сборы по млекопитающим из Монголии от А.Г. Банникова и В.Н. Скалона (в общей сложности несколько тыс. экз.), несколько сотен

тушек птиц из разных заповедников Сибири и Дальнего Востока.

В Музей были переданы некоторые крупные частные коллекции по насекомым, оставшиеся после смерти их владельцев. Среди наиболее интересных можно упомянуть сборы В.Н. Вучетича по перепончатокрылым (более 4 тыс. экз.), по жесткокрылым из Маньчжурии (сборы В.Ф. Люде, почти 4.5 тыс. экз.).

* * *

Во второй половине 1940-х гг. из стен Музея стали одна за другой выходить крупные научные сводки, материалы для которых накапливались за военные и первые послевоенные годы. Так, уже в 1945 г. В.Г. Гептнер опубликовал работу «Гады Бадхыза». Орнитологи Г.П. Дементьев, Е.С. Птушенко и А.М. Судилова выпустили в свет новое «Руководство к определению птиц» (1948 г.). Сразу после этого они же, с привлечением большого числа соавторов (среди них Н.А. Гладков, Е.П. Спангенберг), приступили к подготовке многотомного издания «Птицы Советского Союза» (начало выходить в 1951 г.), за которое получили Государственную премию. Уместно заметить, что такую же премию за работу в составе Амурской экспедиции получили Г.В. Никольский и Е.В. Боруцкий. Стоит упомянуть также последние прижизненные тома «Зверей...» С.И. Огнёва: их автор, хоть и не числился официально в штате Зоомузея (см. выше), именно в его здании готовил тексты и иллюстрации, а в предисловии указал, что основой книги послужили коллекции Зоомузея.

Однако с изданием собственных ежегодных «Трудов...» у Музея были большие проблемы. В 1945 г. музейцы собрали и в 1946 г. сдали в печать 7-й том, но выпустить его удалось лишь в 1951 г. Впрочем, дальше было не лучше: следующий том «Трудов...» был собран и издан лишь спустя ещё 10 лет.

Значительные силы учёные нашего Музея отдавали написанию научно-популярных книг: они были рассчитаны на самый широкий круг читателей и выходили огромными тиражами, неоднократно переиздавались. Среди них многим любителям природы запомнились прежде всего «Записки натуралиста» Е.П. Спангенберга, «Очерки по истории зоологии» и «Гомункулус» Н.Н. Плавильщикова. Много статей зоомузейцы, в большинстве своём заядлые охотники, писали для научно-популярного журнала «Охота и охотничье хозяйство».

* * *

С 1945 г. вся экспозиция Зоомузея стала функционировать в обычном режиме, в 1946 г. число посетителей достигло 32 тыс. человек [Отчёт... 1946 г.: архЗМ]. Из-за отсутствия штатных экскурсоводов их обязанности были возложены на научных сотрудников [Отчёт... 1945 г.: архЗМ]. Примечательно, что в отчёте за 1949 г. отмечено, что «в нижнем зале Музея до сих пор не отремонтирован провалившийся пол, что привело к закрытию целого отсека» [Отчёт... 1949 г., с. 87: архЗМ]. По-видимому, с ним отчасти повторилась та же история, что в начале XX в. (и она опять повторится в начале 1970-х гг.).

Для популяризации научных знаний средствами музейной экспозиции возобновилась организация временных выставок. В послевоенные годы, в связи с провозглашённой борьбой против космополитизма и за «советский патриотизм», одной из их основных тем стала своего рода отечественная «мемуаристика». Выставки были посвящены памяти А.П. Богданова, К.Ф. Рулье, Б.М. Житкова, истории развития некоторых разделов зоологии в нашей стране. Разумеется, в конце 1940-х гг. не обошлось без выставки, посвящённой «мичуринскому учению»; обсуждалось предложение организовать постоянно действующий раздел экспозиции, специально посвящённый этому «учению» [Отчёт... 1948 г.: архЗМ].

Вторая половина XX века: между «складом» и ремонтом

1950-е гг. начались для Зоомузея новыми трудностями и проблемами. Одни из них были связаны с очередной реорганизацией советской системы науки и преподавания, другие — с переездом Университета на новое место.

* * *

Важнейшей из проблем стало странным образом «аукнувшееся» из 1920-х гг. проведённое тогда разделение научной, преподавательской и музейной деятельности (см. об этом предыдущий раздел). Получилось так, что в 1947–1948 гг. научным работникам и вузовским преподавателям Академии наук и Министерства просвещения существенно повысили зарплату; но музеям это почему-то не коснулось. Впрочем, для Зоомузея как университетского подразделения, по-видимому, была возможность попасть в «элитную» категорию; однако, как рассказывала О.Л. Россоломо (со слов «старо-

жилов»), администрация Музея просто опоздала подать в ректорат МГУ нужные бумаги.

Результат не замедлил проявиться: в годовых отчётах Зоомузея за 1950 и 1951 гг. отмечено, что зарплата работающих в нём научных сотрудников в 2.5–3 раза ниже, чем в научных институтах и вузах, и это заставляет их покидать Музей в поисках более достойной оплаты квалифицированного труда [архЗМ]. Вдобавок к этому в 1950 г. университетскому профессорско-преподавательскому составу было частично или полностью запрещено совместительство. А поскольку Зоомузей и профильные кафедры к этому времени уже не составляли единое целое, как то было во времена Богданова и Коженикова, их административное разделение автоматически сделало работающих при нём и на кафедрах профессоров «совместителями».

Из-за всего этого Зоомузей очень скоро лишился своих ключевых сотрудников, начинавших служить в нём ещё в 1920-е и 1930-е гг. и возглавлявших научно-хранительские отделы. Они традиционно преподавали на кафедрах Биологического факультета МГУ или в других вузах и теперь вынуждены были полностью закрепиться за ними, отказавшись от официальных музейных должностей. Среди них были такие известнейшие зоологи как Г.П. Дементьев, В.Г. Гептнер, С.С. Туров; покинули Музей также В.И. Цалкин и К.В. Арнольди (последний работал в Музее с 1946 г.). Впрочем, С.С. Туров остался главой Зоомузея — но «на общественных началах» (т. е. без оплаты труда и формально не попадая под запрет совместительства). В годовом отчёте за 1950 г. с горечью констатировалось, что вслед за отчислением сотрудников Музей лишился и их штатных единиц, которые те занимали на протяжении 1930-х и 1940-х гг. [архЗМ]. В 1953 г. число научных сотрудников сократилось до 17 человек.

Для того, чтобы устранить это очевидно ненормальное положение, в 1950 г. было предложено разработать «проект создания Зоологического научно-исследовательского института на базе Зоологического музея и зоологических кафедр факультета» [Отчёт... 1950 г., с. 82: архЗМ] — очевидно, взамен упразднённого тогда же НИИЗа. В книге К.Г. Михайлова (2002) упомянуто также предложение учредить при Музее «лабораторию по изучению и реконструкции фауны РСФСР». В просмотренных мною архивных материалах Зоомузея я не нашёл отражения этого факта, но в отчёте за 1952 г. содержится

предложение включить его в число научно-исследовательских учреждений или перевести его научных сотрудников в штат факультетских кафедр [Отчёт... 1952 г.: архЗМ]. Ни одно из этих предложений руководство Университета в то время не поддержало; соответствующие изменения будут сделаны позже (см. далее).

Парадокс был в том, что поневоле «ушедшие» профессора всё равно остались в Музее — теперь в статусе научных консультантов соответствующих отделов, назначаемые приказом ректора МГУ [Отчёт... 1955 г.; Приказ... 1962 г.: архЗМ]. Они сохранили за собой в Музее постоянные рабочие места, а вместе с ними право и обязанность опекать музейные коллекции. Да и местом своей работы в публикациях они чаще всего указывали Зоологический музей МГУ: это полностью соответствовало действительности, если принять во внимание, что за профессорами были закреплены в Музее постоянные рабочие места и они проводили в музейных хранилищах значительное время. Так реальная жизнь протестовала против бюрократических бессмыслиц.

[Здесь хотелось бы опять немного отступить от общей канвы рассказа и особо отметить, что научные коллекции, особенно такие огромные и разнообразные, как хранящиеся в Зоомузее, вообще невозможно полноценно обслуживать только силами немногочисленных штатных сотрудников. Поэтому по мере роста коллекций в работу с ними активно вовлекаются внештатные кураторы, берущие на себя определённые обязанности по налаживанию хранения и учёта тех разделов коллекций, которые соответствуют их научной специальности. При этом необходимо особо отметить, что свои хранительские обязанности такие кураторы выполняли и выполняют вполне бескорыстно.

Поэтому я полагаю, что будет более чем справедливым, отдавая дань уважения этим людям, отметить хотя бы некоторых из тех, кто в сложные для Зоомузея годы участвовали в его жизни, не будучи его штатными сотрудниками. Особенно много их, по вполне понятным причинам, среди «беспозвоночников» (в широком смысле): П.В. Матёкин, А.А. Шилейко-ст., Т.С. Всеволодова-Перель, Г.А. Викторов, А.П. Расницын, Г.Б. Зевина, Д.В. Панфилов, Н.Л. Гершкович; следует вспомнить также и некоторых известных орнитологов — Е.С. Птушенко, С.М. Успенского, Л.С. Степаняна, А.А. Кищинского.]

В результате всех этих перипетий в начале 1950-х гг. из старшего поколения в штате Зоомузея остался лишь глава отдела энтомологии А.Н. Желоховцев; заведовать отделом беспозвоночных («на общественных началах») был

приглашён Е.В. Боруцкий. Заведовать другими отделами стали молодые специалисты, пришедшие в Музей на рубеже 1930–1940-х гг. и опекавшие коллекции в военные годы: А.А. Световидова (ихтиология), А.М. Судилова (орнитология), Л.Г. Морозова-Турова (териология), Д.Н. Гофман (эволюционная морфология). Во главе отдела герпетологии вместо Е.П. Спангенберга (перешёл в отдел орнитологии) формально поставили другого орнитолога — Р.Л. Бёме, только что поступившего на работу в Зоомузей; фактически же этот отдел в те годы курировал молодой И.С. Даревский (несколько лет заполнял учётную документацию). Штат отдела беспозвоночных животных пополнили Н.Л. Сокольская и Г.Б. Зевина, отдела энтомологии — Л.В. Зими́на, С.И. Келейникова, Д.В. Панфилов.

* * *

Источником особых проблем и трудностей, частью временных, частью постоянных, стал переезд Московского университета в новый комплекс зданий на Ленинских (прежних и нынешних Воробьёвых) горах, проектирование которого было начато ещё в конце 1930-х гг.

В связи с начавшимися строительными и иными работами многие помещения Зоологического корпуса распоряжением ректората МГУ были отведены под разнообразные технические службы, а также для временного размещения закупаемых материалов, оборудования и т. п. В 1951 г. были заняты Нижний и Эволюционный экспозиционные залы, которые стали помещением для экспонатов только что созданного Музея земледелия, вновь закупаемых книг университетской научной библиотеки (рис. 24), новых шкафов и учебных пособий [Отчёт... 1951, 1952 гг.: архЗМ]. В 1952–1953 гг. из подвала, также целиком отданного под нужды переезжающего Университета, пришлось перенести в Верхний зал коллекции отделов беспозвоночных и ихтиологии, сундуки со скелетами крупных млекопитающих. В экспозиционных залах вдобавок размещались рабочие места сотрудников Музея и всех проходящих работать с коллекциями. Из-за этого залы были закрыты для посетителей: в 1951 г. — Нижний и Эволюционной морфологии, в 1952 г. — Верхний. Только в 1955 г., когда Биологический факультет окончательно выехал из здания Зоологического корпуса, Зоомузей смог вернуться к нормальной деятельности по всем направлениям — коллекционной, экспозиционной, научной.

Рис. 24. Интерьер Зала эволюционной морфологии, занятого под комплектацию университетской библиотеки (фото 1952 г.; архив ЗМ).

Fig. 24. Interior of the Hall of evolutionary morphology occupied for completion of the University library (photo of 1952; ZM archive).

Большой утратой стала специально подобранная научная библиотека, которая в 1930-е и 1940-е гг. была общей зоомузейско-ниизовской. В связи с ликвидацией НИИЗа это книжное собрание, включавшее около 30 тыс. библиотечных единиц, было передано в ведение выше упомянутой Научной библиотеки МГУ и переехало вместе с естественными факультетами на Ленинские горы [Отчёт... 1955 г.: архЗМ]. Удалось сохранить лишь небольшую часть важнейших для музейной деятельности книг, которые работавшие в Зоомузее учёные, предвидя возможные неприятности, убрали в укромные места. В результате на начало 1950-х гг. в остатках библиотечного собрания Зоомузея было немногим более тысячи книг — вшестеро меньше, чем в 1916 г.; за их сохранность отвечала М.В. Васильева (Свиридов, 1991; Михайлов, 2002). Лишь начиная с середины 1950-х гг., когда музейную библиотеку выделили в самостоятельное подразделение и её возглавила В.И. Короткова, ситуация стала постепенно исправляться. В библиотеке были заведены инвентарные книги и библиографический каталог.

Более отдалённой по своим последствиям, но весьма серьёзной проблемой, вызванной переездом Университета, стал разрыв тесной связи нашего Музея с профильными кафедрами. На это обращал внимание С.С. Туров, писавший в одной из докладных записок, что «отрыв музея от факультета отзовется отрицательно, как на преподавании зоологии, так и на научной деятельности преподавателей, аспирантов факультета» (цит. по: Михайлов, 2002, с. 41). Это, с одной стороны, снизило

учебный потенциал систематических коллекций, которые перестали активно участвовать в воспитании будущих учёных в классических зоологических традициях. С другой стороны, это же постепенно привело к утрате со стороны студенчества интереса к этим традициям: возобладали иные устремления.

Разумеется, работающие в Зоомузее научные сотрудники по мере сил и возможностей по-прежнему участвовали в преподавании — руководили курсовыми и дипломными работами, читали специальные курсы и проводили практические занятия на коллекционном материале. Но всё-таки важный прямой постоянный контакт учителя и ученика, дополненный обучением препарировальной и хранительской работе с музейными коллекциями, потихоньку становился «уходящей натурой».

* * *

В связи с выездом Биологического факультета и университетских служб из Зоологического корпуса в 1954 г. почти все его помещения наконец-то стали использоваться по своему прямому и основному предназначению. Одни из них превратились в хранилища музейных коллекций, другие — в кабинеты сотрудников (эти кабинеты чаще были также и хранилищами). Из того, что Зоомузею всё-таки удалось приобрести в ходе подготовки Университета к освоению нового здания на Ленинских горах, следует отметить специально спроектированные и изготовленные шкафы (так называемые «шибановские») для хранения банок с «влажными» коллекциями и энтомологических коробок. Кроме того, Музею перепала старая добротная мебель, оставленная выехавшими в новое здание кафедрами [Отчёт... 1955 г.: архЗМ].

«Заполнение» Зоологического корпуса во второй половине 1950-х и первой половине 1960-х гг. в общих чертах выглядело следующим образом [op. cit., с. 37–40: архЗМ]; оно сохранилось до самого конца 1960-х гг. (Михайлов, 2002; личные воспоминания О.Л. Россолимо, В.Ф. Орловой).

С правой стороны вестибюля в первой комнате располагался гардероб, в следующей за ней — касса Зоомузея (в ней продавали не только входные билеты, но также фотографии наиболее примечательных экспонатов). Большую комнату справа перед входом в Нижний зал занимали коллекции отделов беспозвоночных и герпетологии. В комнате «под мамонтами» в вестибюле разместилась препараторская мастерская.

Нижний зал был на три четверти отдан под экспозицию: в нём в деревянных витринных шкафах размещались показные материалы отдела беспозвоночных (в левой части), энтомологии (в задней части), герпетологические и ихтиологические (в правой части). В ходе этого обновления экспозиции Нижнего зала центральный проход в нём был оборудован новыми подиумами для некоторых крупных экспонатов рыб и рептилий. В самом начале зала были выставлены крупногабаритные териологические объекты: справа от входной двери — череп голубого кита, слева — скелеты и чучела хоботных и сирен. Задняя четверть осталась отгороженной под хранилище и рабочие места отдела беспозвоночных. Во всех витринных «междушкафьях» Нижнего зала хранились научные коллекции согласно их систематической принадлежности.

В начале коридора первого этажа «анатомического крыла» в двух комнатах размещалась другая часть коллекций и рабочие места отдела беспозвоночных, в его конце расположилась библиотека (остальные помещения по этому коридору заняло МОИП).

На втором этаже комнаты по правую сторону коридора «анатомического крыла» заняли ихтиологические коллекции, его левую сторону отвели под хранилища и рабочие места отдела энтомологии.

Зал эволюционной морфологии остался почти в том же виде, как и при Мензбуре и Северцове; комнаты за ним занимали рабочие места и коллекции отдела эволюционной морфологии.

Комнаты с левой стороны по коридору второго этажа, ведущему к Верхнему залу («зоологическое крыло»), отвели под администрацию Музея (кабинеты директора, канцелярии и заместителя по АХЧ) и экскурсионное бюро. Большую комнату по правую сторону этого коридора (перед входом в Верхний зал) заняли Г.П. Дементьев и Д.М. Вяжлинский.

Верхний зал целиком отдали под экспозицию птиц (правая часть) и млекопитающих (левая и средняя части); его хоры занимали научные коллекции этих двух отделов: в передней половине — млекопитающие, в задней — птицы; там же располагались рабочие места для разбора коллекций и работы приходящих специалистов — уже упоминавшиеся «клетки». Основное помещение отдела млекопитающих (рабочие места сотрудников, пристенные шкафы с «мокрыми» коллекциями и сундуки) занимало третий этаж

«зоологического крыла» здания Зоомузея. Директорский кабинет, замыкавший это помещение, начиная с середины 1950-х гг. служил рабочим кабинетом В.Г. Гептнера. Этажом выше над териологами в нескольких небольших комнатах расположился орнитологический «офис». В эти два отдела «рабочий» вход шёл по особой винтовой лестнице, которая начиналась на втором этаже перед входом в Верхний зал.

Подвальные помещения центральной части Зоологического корпуса стали подсобными и частью хранилищами («кишка», «слоновник»), тянущееся вдоль улицы Белинского (бывший Долгоруковский, ныне Никитский переулок) преобразовали в бомбоубежище — неременный атрибут времён «холодной войны».

Комнаты вдоль коридора третьего этажа «анатомического крыла» Зоологического корпуса отдали сначала под библиотеку МОИП, затем для обучения русскому языку студентов-иностранцев МГУ. Они-то и пользовались главной лестницей, ведущей со второго на третий этаж.

Торцевые части обоих «крыльев» Зоологического корпуса по-прежнему оставались жилыми помещениями.

* * *

«Руководящие» штатные дела Зоомузея во второй половине 1950-х и в 1960-е гг. в целом были таковы (см. годовые отчёты в [АрхЗМ]). Директором Музея до 1960 г. оставался С.С. Туров, покинувший эту должность в связи с выходом на пенсию. Его на три года сменил С.Г. Соин, в 1964–1969 гг. Музей возглавлял Н.А. Гладков. По указанным выше чисто формальным административным причинам (невозможность оплачиваемого совместительства) названные профессора исполняли директорские обязанности «на общественных началах» (т. е. вовсе без оплаты) и не могли отдавать себя полностью работе в Зоомузее. Туров одновременно заведовал Кафедрой зоологии в Московском государственном педагогическом институте, Соин работал заместителем декана Биологического факультета МГУ, Гладков преподавал на Географическом факультете МГУ. В 1954 г. должность учёного секретаря Зоомузея была переделана в таковую зам. директора по научной части: на неё назначили сначала А.Г. Банникова, очень скоро его сменил Н.А. Гладков, а того — Г.А. Виктор, все они были отчислены как совместители [Отчёт... 1954 г.: архЗМ]. С 1955 г. эту должность занимал Д.М. Вяжлинский (до 1976 г.), при Соине он и Плавильщиков

Рис. 25. «Инструктаж» по проведению экскурсии, слева направо: Г.П. Дементьев, ?, О.Л. Россолимо, Э.М. Смирин, ?, В.А. Долгов (фотография конца 1950-х гг.; архив ЗМ).

Fig. 25. A “briefing” for conducting excursion, left to right, G.P. Dementiev, ?, O.L. Rossolimo, E.M. Smirina, ?, V.A. Dolgov (photo of the end of 1950s; ZM archive).

писывали документы Зоомузея как «и. о. директора». С 1962 г., в связи с кончиной Н.Н. Плавильщикова, заведовать экспозицией стала Н.П. Куликова (работала в Музее с 1945 г., заведовала экспозицией до 1974 г.).

Пополнения «младшего персонала» (из числа надолго задержавшихся в Музее) были, в перспективной оценке, довольно значительны. В середине–конце 1950-х гг. в Музей пришли работать ихтиолог И.А. Веригина (в 1974 г. возглавила отдел ихтиологии), териологи О.Л. Россолимо (в 1959 г. стала заведовать отделом териологии, в 1970 г. — всем Зоомузеем), В.А. Долгов (в 1972 г. на некоторое время возглавил отдел эволюционной морфологии) и Н.Р. Павлова (с 1974 г. заведовала отделом экспозиции, с 1976 г. главный хранитель Зоомузея), орнитолог Р.Л. Бёме (какое-то время заведовал отделом герпетологии) и энтомолог Е.М. Антонова (сначала лаборант, затем научный сотрудник, некоторое время зам. директора по административно-хозяйственной части). В начале 1960-х гг. в штат Музея пришла В.Ф. Положихина (Орлова) (с 1965 г. заведует отделом/сектором герпетологии), ближе к их концу — В.Е. Флинт, Е.Н. Матюшкин, И.Я. Павлинов (в 1995–2008 гг. заведовал сектором териологии).

В эти годы и позже своего рода «кузницей кадров» для Музея, а отчасти и для московской «классической» зоологии, стала экскурсионная работа в Зоомузее. Многие из перечисленных только что персон начинали свою музейную жизнь именно экскурсоводами (рис. 25); к этому далеко не полному перечню можно добавить

имена зоологов, которые позже, став маститыми учёными вне стен Музея, сохранили связь с ним: А.К. Агаджанян, В.В. Жерихин, выше упоминавшиеся А.П. Расницын, Д.В. Панфилов, Л.С. Степанян и А.А. Шилейко-ст.

В продолжение темы — о людях, пришедших работать в Зоомузей в то время (и несколько позже), — хотелось бы добрым словом упомянуть тех технических работников, которые служением Музею также вносили свой важный вклад в сохранение его коллекций. Едва ли возможно указать всех тех, кто работал в нашем Музее в таком нужном и важном качестве, но хотя бы некоторых наиболее заметных «долгожителей» непременно здесь должно перечислить. В отделе орнитологии в трудные 1940-е и 1950-е гг. работала М.В. Егорова, а вскоре после неё — С.В. Луцкая, с середины 1970-х годов — И.К. Барышева. Р.А. Каменская, являвшая собой один из лучших образцов «старой школы» лаборантов, работала в Зоомузее с конца 1960-х гг. — сначала у энтомологов, потом у териологов; там ей долгое время помогала в качестве препаратора К.П. Котова. С начала 1970-х гг. в отделе эволюционной морфологии очень прилежно работала Т.И. Постовская, в отделе герпетологии — Т.О. Александровская. С.В. Пичугина с середины 1970-х гг. до сего дня опекает некоторые разделы обширных коллекций сектора беспозвоночных. Важную и не очень лёгкую работу по обработке материалов для научных коллекций, которые поступают из Московского зоопарка, выполняет А.Б. Кузьмин, работающий в Музее с 1980 г. И многие-многие другие...

* * *

На протяжении 1960-х гг. руководство Зоологического музея постоянно обращалось в ректорат МГУ с настоятельными предложениями, касающимися повышения его научного статуса, улучшения условий работы сотрудников и хранения коллекций.

В начале указанного десятилетия в ректорат была направлена докладная записка с двумя альтернативными предложениями по расширению помещений Зоомузея; дата на записке не значится, на титульном листе указаны сроки «перспективного плана переустройства музея»: сначала 1961–1965 гг., затем исправлено на 1966–1970 гг. [архЗМ]. Одно из них подразумевало постройку нового здания на Ленинских горах, что позволило бы не только существенно улучшить состояние самого Зоомузея, но и приблизить его к переехавшим туда учебным

подразделениям Университета. Основанием было то, что проект нового университетского комплекса на Ленинских горах предполагал возведение (во вторую очередь) специального музейного корпуса. Согласно второму предложению, Зоомузею надлежало передать все те помещения в здании Зоологического корпуса, которые заняты сторонними организациями и квартирами, а также помещения соседствующего с ним Ботанического корпуса, в котором разместились Психологический факультет. Из этой затеи ничего не вышло.

В 1962 г. С.Г. Соин обратился в ректорат с просьбой учредить в Зоомузее Учёный совет: в музейном архиве хранится бумага с соответствующими поддерживающими резолюциями и проектом ректорского приказа. Напомню, что такой Совет был учреждён в 1930-е гг. (см. предыдущий раздел) по распоряжению Наркомпроса, но затем он как-то «самоликвидировался». Никаких бумаг, свидетельствующих о позитивной реакции университетского начальства на это обращение, в архиве Зоомузея обнаружить не удалось: вероятно, в то время Музей оставался без названного Совета. Вместо этого ректор МГУ И.Г. Петровский в том же 1962 г. особым приказом распорядился «подчинить в научном, административном и хозяйственном отношении декану биолого-почвенного факультета [...] Зоологический музей»; в нём указаны также Музей антропологии, Ботанический сад [Приказ... 1962 г.: АрхЗМ]. Чем было вызвано появление такого приказа именно в это время, не ясно: ведь согласно действующему университетскому Уставу от 1939 г. Зоомузей и так числился в составе Биофака МГУ (см. предыдущий раздел).

Удалось добиться частичного исправления ситуации с зарплатой сотрудников: приказом Министерства высшего образования в конце 1965 г. Зоомузей был отнесён к первой группе оплаты труда. Однако и это не дало требуемого выравнивания зарплат научных сотрудников, из-за чего угроза «обезлюживания» Зоомузея сохранилась.

Для того, чтобы исправить почти катастрофическое положение с научными штатами, было принято решение, предложенное десять лет назад (см. выше). Всех научных сотрудников, работающих в Зоомузее, в 1965 г. официальным приказом «приписали» (зачислили в штат) к профильным кафедрам Биологического факультета — зоологии позвоночных, зоологии

беспозвоночных, энтомологии, ихтиологии. Благодаря этому они стали получать существенно более высокие «научные» зарплаты, продолжая постоянно работать в Музее. Это отчасти спасло ситуацию, но действительно лишь отчасти: руководство факультета и Зоомузея, желая сделать «как лучше», могло получить вариант «как всегда», поскольку этим решением Музей юридически полностью лишился штатных научных сотрудников — кураторов коллекций. И только доброе отношение заведующих кафедрами, которые понимали всю нелепость ситуации, спасало положение: зоомузейцы, формально числясь за кафедрами, фактически работали в Музее по музейным планам; на кафедрах же они появлялись лишь в связи с разными «административными» делами (переаттестация и т. п.). Окончательно эту ситуацию удалось исправить позже, в середине 1980-х гг.

* * *

Существенное улучшение условий хранения научных коллекций естественным образом расширило возможности их развития и роста. На протяжении 1950-х и 1960-х гг. Музей обильно пополнялся сборами главным образом с территории Советского Союза. Их особенностью стал уже упоминавшийся в предыдущем разделе акцент на массовые материалы, а также достаточно широкий охват собираемых таксономических групп. Как и прежде, для того, чтобы в Зоомузей поступали более качественные коллекции, было выпущено обновлённое руководство по их сбору и препаровке (Плавильщиков, Кузнецов, 1952).

Поступления орнитологических материалов в целом несколько сократились в связи с изменением доминирующих научных интересов среди специалистов: они стали уделять больше внимания экологии и этологии (Томкович, 1991). Из наиболее значимых пополнений (впрочем, отнюдь не «свежей сборки») следует отметить почти тысячу экз. коллекции М.М. Березовского из Ганьсу (экспедиция Г.Н. Потанина). В 1960-х гг. музейные орнитологии предприняли попытку создать фонотеку голосов птиц: поступило несколько магнитофонных лент с записями от некоторых коллег (в настоящее время не сохранились). На какое-то время развитие фонотеки было прекращено, её собирание возобновилось в последние годы. Происходило активное пополнение оологической коллекции, которая начинала формироваться ещё при Фишере: в рассматриваемый период

Рис. 26. «Ватные» сборы насекомых (современная фотография; архив ЗМ).

Fig. 26. Dry insect collection on cotton (contemporary photo; ZM archive).

в Зоомузее её начал серьезно собирать Е.П. Спангенберг, переломным стало поступление более 700 кладок птичьих яиц с гнёздами от пришедшего на работу в Зоомузей В.Е. Флинта. Следующий значительный вклад в развитие этой коллекции внёс орнитолог-любитель, тончайший знаток голосов птиц и собиратель птичьих кладок В.В. Леонович.

Среди важных поступлений по млекопитающим следует указать приобретение второй порции коллекции С.И. Огнёва — около 10 тыс. экземпляров. Когда отдел териологии возглавила О.Л. Россолимо, в связи с её научными интересами (внутривидовая изменчивость) резко возросли поступления больших серийных материалов по обычным видам мелких млекопитающих (Павлинов, Яхонтов, 1991). В частности, особое значение приобрели массовые материалы, на протяжении многих лет собираемые в районе научно-исследовательского стационара Мирное в среднем течении Енисея.

Существенно увеличилось сборы посткраниальных скелетов по всем группам позвоночных, которые до этого были представлены единичными экземплярами. В начале 1970-х гг. их расширяющееся собрание было сосредоточено в отделе эволюционной морфологии.

Среди энтомологических сборов рассматриваемого периода наиболее обширными стали новые поступления из Средней Азии, как равнинной, так и горной — несколько десятков тыс. экз., а также из Закавказья, Казахстана, отчасти

Приморья (Антонова, 1991). Весьма масштабными были энтомологические приобретения у частных коллекционеров — многие десятки тысяч экземпляров главным образом жуков (от Д.Д. Ромашова, несколько позже от А.В. Богачёва, Н.Н. Плавильщикова), двукрылых (от Е.С. Смирнова). Из-за активизации полевых энтомологических исследований, результаты которых лишь частично удавалось доводить до надлежащего коллекционного состояния, энтомологи в эти годы начали активнее собирать и хранить «ватные сборы» (рис. 26).

Судя по хранящимся в архивах Зоомузее годовым отчётам, к концу 1960-х гг. в его научных фондах было накоплено около 350 тыс. экз. (точнее, единиц хранения) позвоночных животных и не менее 2 млн экз. беспозвоночных, включая насекомых.

* * *

Обновлённая музейная экспозиция, как указано выше, была открыта для посещения в 1955 г., в связи с чем был издан новый краткий путеводитель по ней (Туров, 1956). Для активизации научно-просветительной деятельности в штат Музея вернули экскурсоводов. В Нижнем зале ликвидировали вводный раздел и несколько расширили систематический.

Была частично переработана экспозиция Зала эволюционной морфологии: он хоть и стал частью общемузейной экспозиции, решаемые им задачи по-прежнему были достаточно специфические. Его основу составляли смонтированные скелеты позвоночных животных (см. выше рис. 15, 16), из-за чего зал на жаргоне зоомузейцев назывался «костным». Эти уникальные экспонаты, в большинстве своём изготовленные ещё во второй половине XIX в., сами по себе представляли значительную историческую и научную ценность — например, почти полный (хоть и сборный) скелет стеллеровой коровы. Вместо прежнего их размещения преимущественно по анатомическому и частью систематическому принципам основной стала тема морфологических доказательств эволюции. Она раскрывалась на сформулированном в рамках классической филогенетики принципе «тройного параллелизма», подразумевающим сходство преобразований животных в ходе их эволюции (филогенез), индивидуального развития (онтогенез) и в палеонтологической летописи.

Чтобы как-то отойти от простой демонстрации сухих и влажных препаратов, представляющих те или иные интересные виды животных, с

помощью научных коллекций был организован показ некоторых особенностей их биологии и эволюции. Так, в витринах с насекомыми и паразитическими червями были смонтированы панно, иллюстрирующие сложно протекающие метаморфозы в индивидуальном развитии (Иксанова и др., 1991б). Некоторые витрины обогатились показом проявлений индивидуальной изменчивости животных, полового диморфизма, особыми формами мимикрии и покровительственной окраски (рис. 27).

Следует отметить, что из-за отсутствия штатных сотрудников в отделе экспозиции (кроме заведующего и экскурсоводов) основную работу по планированию, организации и поддержанию в должном порядке показных (экспозиционных) коллекций по-прежнему выполняли сотрудники научно-хранительских отделов. Данное обстоятельство было отражено в годовых отчётах Зоомузея: каждый отдел отчитывался не только за хранительскую и научную, но и за экспозиционную работу [архЗМ].

Число посетителей в указанное время было достаточно велико — в разные годы от 39 тыс. до 65 тыс. человек. Из них значительная часть, как и в последние довоенные годы, приходилась на экскурсии, организуемые специально для школьников.

Среди выставок 1950-х и 1960-х гг. довольно много было посвящено собственно музейной тематике — истории самого Зоомузея, проводимым в его стенах исследованиям, истории его научных коллекций, искусству таксидермии.

В связи с освобождением музейных пространств отдельное помещение — упомянутое выше «под мамонтами» — получила препараторская мастерская. В ней тогда работали В.И. Пивоваров (заведующим), который учился мастерству у П.С. Николаева, и В.П. Радин (в 1968 г. возглавил мастерскую).

* * *

Как и опасался в своё время С.С. Туров, территориальное разобщение Зоомузея и кафедр Биологического факультета неизбежно привело к тому, что в 1950-е и особенно в 1960-е гг. постоянные занятия со студентами-биологами были постепенно сведены к минимуму. Отдельные практические занятия по систематике птиц и млекопитающих ещё проводились, однако по другим группам почти нет. К концу 1960-х гг. занятия с группами студентов в самом Музее были вовсе прекращены; они возобновились лишь в последние годы.

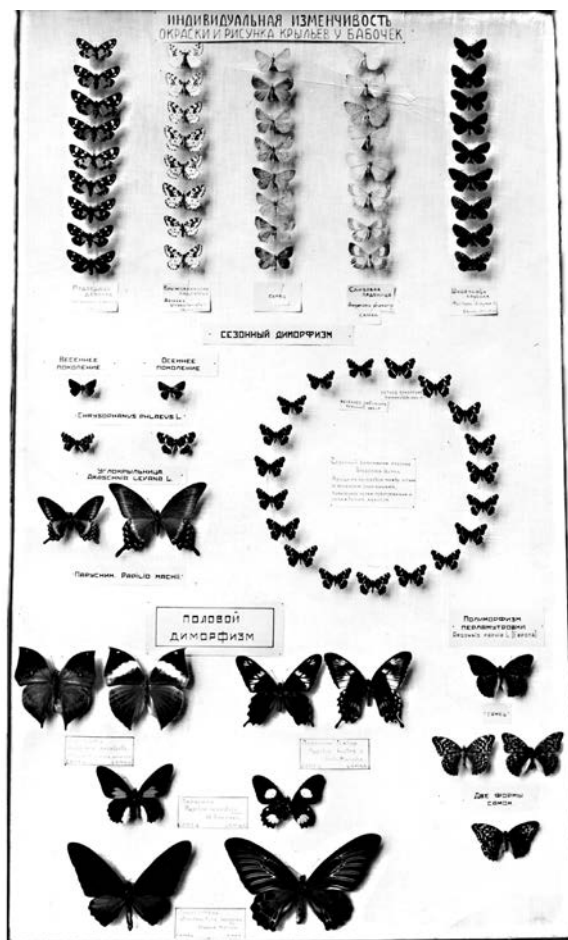

Рис. 27. Фрагмент одной из витрин Нижнего зала, показывающий внутривидовую изменчивость насекомых (фотография середины 1960-х гг.; архив ЗМ).

Fig. 27. A fragment of one of the showcases of the Lowe Hall showing infraspecies variation in the insects (photo of the mid 1960s; ZM archive).

Отчасти эта серьёзная недочета компенсировалась тем, что Зоомузей по мере возможности организовывал в своих стенах юннатскую работу (Михайлов, 2002; статья Е.А. Дунаева в настоящем сборнике). Наиболее крупный школьно-студенческий кружок работал в отделе энтомологии под руководством Е.М. Антоновой (до 1982 г.), его активными членами были несколько десятков юных энтомологов. В начале 1960-х гг. подобный кружок при отделе орнитологии вела С.В. Луцкая, хотя количество его членов было невелико. Наконец, Музей представлял свои экспозиционные и частью учебные коллекции для занятий юннатских кружков при Московском зоопарке (уже упоминавшийся КЮБЗ), МОИП (руководитель А.П. Разорёнова, в 1930-е гг. недолго проработавшая в Зоомузее), юношеской секции ВООП (руководитель П.П. Смолин). Всё это оказалось свёрнутым в

последующие два десятилетия в связи с неожиданно нагрянувшим ремонтом.

* * *

В 1971 г. жизнь Зоологического музея вновь резко поменялась: он оказался ввергнутым в очередной период полной реконструкции, не затронувшей разве что его стены и крышу.

Дело состояло в следующем. К указанному времени под зданием Зоологического корпуса образовались значительные пустоты вследствие того, что вода, протекавшая сквозь обветшавшую каменную обкладку одного из упрятанных под землю притоков Неглинки, постепенно промыла грунт. Из-за конструктивных особенностей здания, как и в начале 1900-х гг. (см. предыдущий раздел), начал проседать пол Нижнего зала, вслед за ним стали угрожающе уходить вниз колонны, опирающиеся на него и несущие перекрытие Верхнего зала. Это грозило обрушением значительной части «зоологического крыла» корпуса, что похоронило бы Музей — и экспозиционные залы со всеми витринами и экспонатами, и хранилища со всеми научными коллекциями. В общем, хуже некуда...

Была ли на то воля провидения или так просто совпало, но за год до этого в высшей степени неприятного события директором Зоологического музея МГУ была назначена О.Л. Россолимо (в скобках замечу — опять-таки, согласно приказа, «без дополнительной оплаты»: [архЗМ]). Она принадлежала к достаточно известной семье учёных, в честь одного из представителей которой (Г.И. Россолимо) названа улица в Москве в районе Большой Пироговки, уже упоминавшиеся ранее её отец (Л.Л. Россолимо) и двоюродный дед (А.И. Россолимо) были известными гидробиологами. В Зоомузей она пришла работать в середине 1950-х гг., в их конце была назначена заведовать отделом териологии (Л.Г. Морозова-Турова ушла на пенсию).

[Как вспоминает О.Л. Россолимо, в качестве кандидата на должность директора Зоомузея после ухода Н.А. Гладкова фигурировал «варяг» В.Е. Флинт. Однако музейцы высказались резко против него. Россолимо, будучи «профсоюзной активисткой», с этим мнением пошла к тогдашнему декану Биофака Н.П. Наумову, тот предложил ей занять директорскую должность, О.Л. согласилась — так всё и началось.]

Хотя музейские «старички» это назначение приняли не слишком благожелательно (наверное, хотели видеть в этой должности кого-то из своих рядов), как показало ближайшее будущее, в сложившейся катастрофической ситуации де-

ловые качества нового директора Зоомузея, её энергия и упорство, умение найти особые подходы к начальству оказались более чем востребованными. Ей удалось почти невероятное — не только провести капитальный ремонт всего здания без ущерба для коллекций, но и чуть ли не вдвое увеличить площадь фондохранилищ и рабочих помещений и переоборудовать их. Благодаря этому оправдалась известная поговорка «нет худа без добра»: Зоологический музей из навалившейся на него очередной напасти вышел существенно обновлённым и, как представляется, во многих отношениях улучшенным.

Несколько забегаая вперёд, следует отметить, что в нелёгком труде по реконструкции Зоомузея О.Л. Россолимо помогала весьма энергичная Н.Р. Павлова, которая в 1976 г. была назначена на восстановленную должность главного хранителя (фактически была заместителем директора «по реконструкции»), а некоторое время спустя С.А. Кулешова (между ними ещё была Л.Г. Марусова). Это были «управленцы», а не учёные — но именно в них, очевидно, и была особая нужда в этот тяжелейший для Зоомузея «реконструктивный» период. В связи с переустройством залов второго этажа в 1986 г. на заведование экспозицией была приглашена музейевед И.В. Иксанова, ранее зарекомендовавшая себя с лучшей стороны в нескольких краеведческих музеях. Наконец, следует упомянуть и тех, кто в эти годы занимался тяжёлой работой по обеспечению хозяйственной части Зоомузея, — Е.М. Антонову, В.А. Азарова.

* * *

Принимая во внимание катастрофическую ситуацию, Музей в 1971 г. закрыли для посетителей. Для ремонта фундамента и пола Нижнего зала экспозицию в нём полностью демонтировали, пол был вскрыт, под него закачали некий состав, который заполнил пустоты и, застыв, подпёр пол снизу. По распоряжению противопожарной службы от старых деревянных витрин пришлось отказаться (по словам О.Л. Россолимо, они были переданы в один из краеведческих музеев Подмосковья), их заменили новыми металлическими, заказанными в одном из московских заводов (правда, как потом выяснилось, не очень удачными в конструктивном отношении). В ходе реконструкции в зале была ликвидирована отгороженная задняя часть для научных коллекций — предпосылкой к этому послужило расширение фондохранилищ (об этом см. далее). Согласно плану новой экспо-

зиции Нижнего зала, в нём не нашлось места для «крупногабаритных» экспонатов млекопитающих, упоминавшихся выше: за их счёт существенно расширили экспозицию рептилий и рыб, а также низших беспозвоночных. Чучело слона теперь выставлено у входа в Нижний зал, его скелет — в Зале эволюционной морфологии; череп кита отдали в Палеонтологический музей, который в это время как раз осваивал новое очень большое здание, взамен был получен полный смонтированный скелет мамонта (выставлен в начале главной лестницы). Ватагинские «фрески» при входе в Нижний зал, заметно поблекшие и переставшие гармонировать с его экспозицией, закрыли защитным каркасом, который затем покрасили в один тон с другими стенами. Нижний зал после полной реконструкции был открыт для посетителей в 1984 г.

В те же годы по требованию всё той же противопожарной службы закрыли и полностью разобрали Большую зоологическую аудиторию в центральной части здания. К сожалению, в результате проведённой реконструкции её классический амфитеатр был утрачен; правда, использование современных стульев после ремонта аудитории позволило увеличить число «посадочных мест».

Пользуясь предоставленной возможностью, было решено существенно модернизировать и экспозицию обоих залов второго этажа Зоологического музея.

Реконструкция Верхнего зала была начата в 1985 г., в нём по мере возможности, как и во времена А.П. Богданова, систематический показ экспонатов был дополнен биогруппами. Экспозицию обогатили многие интересные работы вернувшегося в Зоомузей в середине 1980-х гг. Н.К. Назьмова — «Стадо сайгаков», «Семья гепардов», «Лежбище котиков», «Охота харз». Там, где это не удавалось сделать, чучела снимали со старых подставок и монтировали прямо на полках, что также придавало им отчасти более «живой» вид. К сожалению, при этом была утрачена некоторая часть старых этикеток, прикреплённых снизу на подставках, а с ними — и часть музейной истории.

В 1986 г. приступили к реконструкции Зала эволюционной морфологии. Его обновлённая экспозиция стала более соответствовать современным представлениям о принципах филогенетических изменений. Однако при этом были сохранены нетронутыми многие исторические экспонаты, составлявшие основу экспозиции за-

ла, — прежде всего ажурные скелеты как достопримечательные произведения самой Природы.

Названные залы открылись для посетителей в 1989 и 1990 гг., соответственно.

Следует отметить, что основную работу по «интеллектуальному» обеспечению реконструкции экспозиционных залов по-прежнему выполняли научные сотрудники Зоомузея. Руководствуясь Естественной системой в одних случаях и/или «филогенетической идеей» в других, они определяли последовательность размещения экспонатов как по залам в целом, так и по отдельным витринам. Важной частью этой работы было грамотное составление пояснительных текстов, подбор иллюстративного материала. Наконец, разработка тематических экскурсий, проводимых в экспозиционных залах, также была заботой «научников».

* * *

На протяжении второй половины 1970-х и первой половины 1980-х гг., одновременно с проводимым ремонтом и под его «прикрытием», благодаря невероятной административной энергии О.Л. Россолимо удалось освободить почти все помещения Зоологического корпуса, которые едва ли не полвека использовались не по своему прямому музейному назначению. Это в первую очередь коснулось жилых квартир, занимавших торцевые части здания, вслед за ними было отвоёвано обширное пространство третьего этажа «анатомического крыла» здания. К сожалению, это не удалось сделать с комнатами по коридору первого этажа, четыре из которых до сих пор занимает МОИП.

В конечном итоге общая площадь помещений, которыми стал располагать Зоомузей, увеличилась чуть ли не вдвое: новые пространства обрели все научно-хранительские отделы, библиотека, таксидермическая мастерская. Многие вновь полученные и прежние хранилища были оборудованы металлическими стеллажами (рис. 28, лев.), для энтомологических коллекций были заказаны специальные металлические шкафы (рис. 28, прав.). Благодаря этому, пожалуй, впервые за всю историю Зоомузея для научных коллекций удалось создать вполне приемлемые условия хранения, рассчитанные не только на сегодняшний день, но и на будущий значительный прирост фондов.

Новая схема размещения научно-хранительских отделов и хранилищ получилась следующей. Отдел беспозвоночных занял, в добавление к прежним хранилищам в коридоре первого эта-

Рис. 28. Металлические стеллажи (слева) и энтомологические шкафы (справа), которыми были обустроены хранилища во время последней реконструкции (современная фотография; архив ЗМ).

Fig. 28. Metallic shelves (left) and entomological cabinets (right), with which collection rooms were equipped during the last reconstruction (contemporary photo; ZM archive).

жа «анатомического крыла» (см. выше), бывшие жилые помещения первого этажа «зоологического крыла» здания за Нижним залом. Отдел энтомологии освободил помещения второго этажа «анатомического крыла»: вместо них энтомологам отошли хоры Зала эволюционной морфологии, часть помещений второго этажа за этим залом, второй этаж «зоологического крыла» за Верхним залом; энтомологические шкафы были размещены также в коридоре третьего этажа «анатомического крыла». Все помещения вдоль коридора второго этажа этого крыла, а также несколько комнат за Залом эволюционной морфологии заняли ихтиологи. В бывших «профессорских» квартирах на первом этаже «анатомического крыла» разместились отделы герпетологии и эволюционной морфологии; одна из комнат отошла библиотеке Зоомузея. За отделом териологии осталась центральная часть второго этажа здания; его коллекции с хор Верхнего зала были перемещены в комнаты на третьем этаже «анатомического крыла». Орнитологический отдел целиком занял хоры Верхнего зала и третий этаж «зоологического крыла» за этим залом, частично освободив помещения четвёртого этажа в центральной части здания; в них разместили художественный фонд и часть териологических коллекций. Наконец, значительное пространство в полуподвале этого же «крыла» получила таксидермическая мастерская.

К сказанному можно добавить, что комнаты по коридору, ведущему к Верхнему залу, были отданы под службы, обеспечивающие просветительную и административную работу Музея.

Понятно, что забота о всеохватных передвижках коллекционных материалов по помещениям Зоомузея в большой мере легла на плечи его научных сотрудников. Такова уж специфика музейной работы: кто, кроме учёных-зоологов, понимающих смысл существования коллекций и определённого порядка в них, смог бы обеспечить квалифицированное и максимально щадящее заполнение «старыми» коллекциями новых фондохранилищ?

Хотелось бы заметить, что с завершением реконструкции к концу 1980-х гг. Зоомузеем очень повезло: затянулись всё это ещё на год–два — и кто знает, удалось ли бы довести до конца начатые работы. В начале 1990-х гг., с развалом прежней политэкономической системы и наступлением хаоса, наш Музей вместе с другими аналогичными институтами опять оказался на грани «физического выживания»...

* * *

Одновременно с реконструкцией «материальной базы» Зоомузея — хранилищ, аудитории и экспозиционных залов — была проведена крайне насущная и требующая особых бюрократических приёмов работа по повышению его статуса как особого подразделения Московского университета. Для этого в разные министерские инстанции писались многочисленные письма от имени руководства Биологического факультета и Университета, а также (в их поддержку) от других учреждений. И они постепенно стали давать свои желаемые плоды.

В 1979 г. приказом министра высшего и среднего специального образования Зоологи-

ческий музей МГУ был опять отнесён к первой группе оплаты труда [архЗМ], что было подтверждением приказа от 1965 г. (см. выше). На общечеловеческом языке это означало, что «дискриминация» по ведомственной принадлежности закончилась и числящиеся за Музеем штатные сотрудники (экскурсоводы и др.) смогли наконец-то получать более-менее пристойную зарплату.

В начале–середине 1980-х гг. в Московском университете была произведена административная реформа, отчасти воспроизводящая таковую 1920-х гг. В 1981 г. согласно партийно-правительственному постановлению «О повышении эффективности научно-исследовательской работы в высших учебных заведениях» (Постановление..., 2011б) в вузах опять разделили учебную и научную сферы деятельности, для координирования второй в вузах была введена особая структура — Научно-исследовательская часть (НИЧ; упразднена в 1993 г.). Под этим «прикрытием» в Зоомузее удалось провести собственную весьма важную административную реформу, позволившую отчасти решить упомянутые выше застарелые кадровые проблемы (соответствующие документы хранятся в архиве Зоомузея).

Сначала Зоомузей в 1983 г. был включён в НИЧ в качестве самостоятельного подотдела в рамках отдела «Зоология позвоночных». На этом основании в том же году в ректорат МГУ было направлено предложение о целесообразности включения всех работающих в Зоомузее научных сотрудников в штат Кафедры зоологии позвоночных, которой в то время заведовал академик В.Е. Соколов, поддержанное всеми заинтересованными заведующими кафедрами Биофака; позитивного решения не последовало. Вместо этого, после соответствующей подготовительной работы, приказом ректора МГУ в июне 1986 г. в структуре НИЧ Биологического факультета была учреждена научно-исследовательская «Лаборатория таксономической зоологии и кадастровых исследований» (с территориальным базированием в Зоологическом корпусе) во главе с О.Л. Россолимо; этим же приказом Зоологический музей МГУ был подчинён заведующему названной лабораторией (т. е. О.Л. Россолимо). Отдельным последующим приказом в её штат были включены все фактически работающие в Музее научные сотрудники, а О.Л. Россолимо, как зав. лабораторией, была переназначена директором Зоомузея.

Но вот ведь парадокс: этим приказом формальный юридический статус университетского Зоомузея, одного из лидеров отечественной классической зоологии, был сильно понижен: теперь он был уже даже не при факультете, а при лаборатории факультетского подчинения. Для такого решения были свои «конъюнктурные» предпосылки, о которых за истечением времени не хотелось бы здесь упоминать; ясно было, что это временное паллиативное решение и что оно потребует развития — каковое вскоре и последовало (см. далее).

Одновременно с учреждением названной лаборатории приказом ректора была несколько перекроена структура Зоомузея. В нём были выделены два «макроотдела»: а) научно-фондовой работы и б) теории и методики музейного дела. Во главе первого был поставлен главный хранитель (сначала Л.Г. Марусова, затем С.В. Кулешова), во главе второго — И.В. Иксанова. Согласно новой структуре научно-хранительские подразделения, входящие в первый из этих «макроотделов», были переименованы из «отделов» в «секторы». Второму «макроотделу» была подчинена вся экспозиционная работа. В этой структуре у Музея, строго говоря, собственно научного штата почти не было, т. к. научные сотрудники числились за лабораторией.

В 1984 г. был выпущен приказ Минвуза СССР «Об утверждении типового положения о музее высшего учебного заведения» (Приказ..., 2007). По административной логике, на этом основании должно было быть разработано и утверждено Положение о Зоологическом музее МГУ. Однако в его архиве соответствующие материалы не обнаружены, хотя подготовительная работа, по-видимому, велась: об этом свидетельствует хранящаяся в архиве Зоомузея копия документа, касающегося Музея земледелия МГУ.

Важным предлогом к дальнейшему «административному» продвижению стал 200-летний юбилей Зоологического музея: по предложению О.Л. Россолимо было решено юридически объединить Музей и названную лабораторию, что и было сделано в 1991 г. (Летопись..., 2016ю). Приказом ректора Зоомузею был присвоен статус научно-исследовательского: его полное название стало выглядеть как «Научно-исследовательский зоологический музей МГУ им. М.В. Ломоносова». Музей в таком качестве был включён в состав НИЧ Биологического факультета, «макроотделы» и лаборатория были

упразднены, числившиеся в последней учёные-зоологи официально были переведены в штат Музея, О.Л. Россолимо наконец-то (впервые за несколько десятилетий) стала его «штатным» (т. е. на окладе) директором. Таким образом, Зоологический музей пришёл в относительно нормальное состояние с достаточно приличным научным (до 25 человек) и иным (более чем 50 человек) персоналом. Впрочем, должности штатных хранителей (кураторов) научных коллекций в нём по-прежнему отсутствовали: сказалось инерция 1930-х гг., которая не преодолена по сей день.

К этому можно добавить, что с 1991 г. выпускаемый Музеем сборник трудов стал называться несколько проще — «Исследования по фауне» в связи с исчезновением Советского Союза.

Перечисленные административные преобразования поставили завершающую точку в рассматриваемом периоде истории Зоомузея — но не в нашем рассказе.

* * *

В происходившую в 1970–1980-е гг. реконструкцию Музея логично вписалось заметное обновление его научных кадров. Место зоомузейцев, составивших его славу в 1950-е и 1960-е гг., более чем достойно заняли новые люди. Одни из них пришли сюда уже сложившимися учёными: таковы специалисты по разным группам беспозвоночных животных М.В. Гептнер (сын В.Г. Гептнера), Н.И. Кудряшова, О.В. Волцит и В.А. Спиридонов, энтомологи Н.Б. Никитский, А.В. Свиридов и А.И. Шаталкин, орнитолог А.А. Кузнецов, ихтиолог Ю.И. Сазонов. Другие же, частью упомянутые выше, попадали в Зоомузей со студенческой скамьи или после аспирантуры (перечислены в порядке зачисления в штат): В.Н. Горячев, П.С. Томкович, В.Г. Бабенко, Е.Д. Васильева, Д.Л. Иванов, К.Г. Михайлов, А.Л. Озеров, А.В. Антропов, Г.Ю. Любарский, М.В. Калякин, Е.А. Дунаев, Е.Л. Яхонтов, Е.А. Коблик.

Новое пополнение сразу или постепенно стало включаться в руководство деятельностью музейных подразделений или Музея в целом. Н.И. Кудряшова в 1976 г. возглавила отд. беспозвоночных животных, в 1981 г. её сменил М.В. Гептнер (заведовал до 1996 г.), А.И. Шаталкин в 1977–1987 гг. заведовал отделом энтомологии и в 1977–1990 гг. организовывал научную работу Музея в должности учёного секретаря (в 1976 г. её опять «перелицевали»

из должности заместителя директора по науке). В этой второй должности Шаталкина сменил в 1990 г. Д.Л. Иванов, занимал её до 2000 г., затем возглавил отдел беспозвоночных животных (до 2013 г.). Со временем заведовать научно-хранительскими отделами стали П.С. Томкович (зав. отделом орнитологии с 1977 г.), Е.Д. Васильева (зав. отделом эволюционной морфологии в 1985–1990 гг., зав. отделом ихтиологии с 1990 г.), А.Л. Озеров (зав. отделом энтомологии с 1987 г.), Е.Л. Яхонтов (в 1990-е гг. некоторое время заведовал отделом териологии, исполнял обязанности главного хранителя), В.А. Спиридонов (зав. отделом беспозвоночных животных в 1996–2000 гг.). М.В. Калякин в 2000–2009 гг. — учёный секретарь, с 2009 г. — директор Зоологического музея.

* * *

В 1970-е и 1980-е гг. наука в Зоомузее оставалась преимущественно конкретной и описательной. Как и десятилетиями прежде, основной акцент делался на исследованиях отдельных систематических групп и/или локальных фаунистических комплексов; к ним добавились детальные изыскания в области закономерностей внутривидовой изменчивости, чем занимались главным образом О.Л. Россолимо, Е.Д. Васильева, И.Я. Павлинов. В конце указанного периода начались активные теоретические исследования по систематике и филогенетике (А.И. Шаталкин, И.Я. Павлинов), их результатом стали статьи (прежде всего в Журнале общей биологии), а затем сравнительно небольшие книги «Биологическая систематика» (1888) и «Кладистический анализ» (1990): это было только начало. Изменился характер выпускаемых Зоомузеем «Трудов...»: они стали издаваться ежегодно, ранее сложившийся стиль т. н. «братских могил» случайным образом собранных разношёрстных статей постепенно стал меняться на стиль тематических изданий и монографий, имеющих индивидуальные титульные названия («Птицы осваиваемых территорий», «Систематика млекопитающих СССР», «Эволюционная морфология моллюсков» и др.). Следует также упомянуть начало работы научного семинара Зоомузея, основой которой стали лекции теоретического характера по систематике и филогенетике (Любарский, 2009).

Свою лепту сотрудники Зоомузея вносили в природоохранное дело, которое в эти годы стало обретать «второе дыхание». Они не ограничивались традиционным участием в обследо-

нии заповедных территорий: большое значение приобрела подготовка Красных книг. В СССР первые издания национальной Красной книги вышли в 1978 и 1984 гг., после этого стали печататься многочисленные региональные Красные книги. Наибольшую активность здесь проявили А.В. Свиридов, Н.Б. Никитский, П.С. Томкович.

В популяризацию научных знаний о разнообразии живой природы в 1970-е и 1980-е гг. особо значимый вклад вносили наши орнитологи. А.А. Кузнецов писал и издавал справочники-определители — такие как «Птицы лесов и гор», «Птицы открытых и околоводных пространств». В.Е. Флинт активно содействовал переводу на русский язык произведений многих зарубежных натуралистов (Дж. Даррелл, Дж. Адамсон и др.). Приметой времени стал совершенно новый стиль этих книг: если раньше натуралисты писали о том, как они в экспедициях для музеев добывали и препарировали разнообразную живность, то теперь речь шла в основном о самих зверях и птицах, об их нравах и повадках, о любви к ним и о необходимости их охраны.

* * *

В пополнении научных коллекций Зоомузея в 1970-е и 1980-е гг. существенное значение имело участие его сотрудников в ряде больших государственных экспедиционных проектов, получавших «зелёный свет» в финансировании. Одним из наиболее масштабных стал проект конца 1970-х и середины 1980-х гг., связанный с возобновлением строительства Байкало-Амурской магистрали (в 1920-е гг. была известна как «Великий Северный железнодорожный путь»). Участие в нём позволило провести обширные систематические и фаунистические исследования в Приамурье и Приморье и собрать там значительные по объёму и составу коллекции; особенно активными здесь были энтомологи и орнитологи.

Существенный вклад в пополнение коллекций вносили «родственные» академические и отраслевые институты. Среди них особо следует отметить Институт эволюционной морфологии и экологии животных (ИЭМЭЖ, теперь ИПЭЭ), Институт океанологии (ИОАН), Тихоокеанский научно-исследовательский институт морского рыбного хозяйства и океанографии (ТИНРО), Азово-Черноморский институт морского рыбного хозяйства и океанографии (АзЧерНИРО), Всесоюзный институт рыбного хозяйства и океанографии (ВНИРО).

В сравнении с предыдущими десятилетиями заметно выросла доля «экзотических» представителей животного мира, которыми музейные фонды теперь стали пополняться вполне систематически и регулярно. Среди основных источников такого рода материалов нужно прежде всего и особо отметить действующие на постоянной основе международные комплексные биологические экспедиции, основным участником которых со стороны СССР (теперь РФ) был упомянутый ИЭМЭЖ (= ИПЭЭ). Начиная с 1970-х гг. работает Советско-(ныне Российско-) Монгольская экспедиция (Совместная..., 2015), масштабы исследований которой многократно превышают всю предшествующую деятельность в этом регионе. С середины 1980-х гг. действует Тропический центр (Тропцентр..., 2016), который начал с организации биологических исследований во Вьетнаме, а затем содействовал организации Советско-(Российско-) Эфиопской экспедиции. В результате проводимых Тропцентром полевых работ, в которых принимают участие некоторые сотрудники Зоомузея, коллекции пополнились многотысячными сборами главным образом млекопитающих, птиц, рептилий и амфибий, в меньшем объёме — рыб, некоторых групп насекомых из Индокитая и Африканского Рога. Более чем добрую память в связи с этим заслужил академик В.Е. Соколов, который был инициатором создания названных центров и организовывал их экспедиции, сам же в них нередко и участвовал.

Активными поставщиками интереснейших материалов по морским животным стали участники рейсов научно-исследовательских судов. «Витязь» и «Д. Менделеев» обследовали Тихий океан и его моря, «Академик Курчатов» и «Профессор Месяцев» совершали рейсы в Тихий и Атлантический океаны, «Академик Петровский» — в Северную Атлантику, Индийский океан и в Красное море. Особо ценные коллекции привезли участники рейса «Одиссей», обследовавшего прибрежный шельф Австралии и глубоководные участки внутренних морей Малайского архипелага. Если во времена Богданова основными коллекторами в морских походах были судовые врачи (см. один из предыдущих разделов), то теперь эти рейсы изначально планировались именно как научные (родоначальником был знаменитый «Персей» 1920–1930-х гг. при Плавморине, см.: Зенкевич, 1941). В них принимали полноценное участие многие зоологи-исследователи, в том числе

трудники нашего Музея (Д.Л. Иванов, Б.В. Межов, несколько позже Ю.И. Сазонов).

В это время, как впрочем и в любое другое, активные «точки роста» в научных коллекциях возникали благодаря появлению в Зоомузее специалистов по той или иной группе животных. Так случилось, например, с собранием по клещам-краснотелкам: вплоть до 1970-х гг. они были представлены в Музее единичными препаратами, однако с приходом ведущего отечественного специалиста Н.И. Кудряшовой объём коллекций по этой группе вырос до 130 тыс. препаратов, включая многие типовые серии.

Среди источников пополнения научных коллекций Зоомузея в рассматриваемый период по-прежнему значительное место занимали частные собрания, порой чрезвычайно крупные и значимые в научном отношении.

Крупнейшую коллекцию раковин тропических моллюсков, включающую более 15 тыс. экз. по 2 тыс. видов, в 1980-е гг. передала в дар нашему Музею В.И. Хотовицкая — рождённая в России гражданка Австралии (Гептнер и др., 1991). Разрешение различного рода бюрократических формальностей и транспортировка коллекции заняли почти три года. В этом неординарном событии приняли живейшее участие сотрудники Квинслендского музея натуральной истории и члены Русско-Славянского общества австралийского города Брисбена: упаковывали хрупкие раковины, обеспечили доставку ящиков с коллекцией в морской порт. Далее при содействии консульских органов Министерства иностранных дел СССР коллекция была переправлена морским путём в Ленинград, откуда её перевезли в наш Музей. Ещё три годы ушло на то, чтобы эту огромную коллекцию разобрать, этикетировать и поставить в систематическом порядке.

Фантастическую по своей полноте коллекцию бабочек на протяжении 50 лет собирал известный энтомолог-любитель А.В. Цветаев. Она включает почти 84 тыс. экз., представляющих более пяти тыс. видов, была куплена Университетом у потомков собирателя и передана в Музей, в настоящее время считается, наряду с упоминавшейся коллекцией Мочульского, «жемчужиной в короне» обширнейшего зоомузейного собрания насекомых (Антонова, 1991).

Из других личных собраний, поступивших в эти годы в Зоомузей, пусть и не столь объёмных, следует указать ещё два. Известный художник-анималист Н.Н. Кондаков подарил Музею

огромный архив своих рисунков и уникальную коллекцию бабочек около 12 тыс. экз. Известный морской зоолог М.Е. Виноградов передал в Зоомузей большую коллекцию морских ракообразных и также бабочек.

Параллельно с налаживанием хранительской работы с фондовыми коллекциями были частично изменены формы хранения и учёта типовых экземпляров. В научно-хранительских отделах (кроме энтомологии) номенклатурные типы выделили в отдельные группы хранения, собрав вместе и снабдив типовые экземпляры особыми этикетками. Одновременно были заведены «типовые» картотеки-каталоги (сделанные по образцу ЗИНовской), основу которых составили крупноформатные карточки, заполняемые на каждую типовую серию. Первыми были териологии (середина 1970-х гг.), затем малакологи (середина 1980-х гг.), герпетологи и ихтиологи (конец 1980-х гг.). В середине—конце 1980-х гг. в отделе беспозвоночных продолжилось «дробление» учётных книг по коллекциям: были заведены отдельные книги для коллекций пантопод, сенокосцев, клещей. В 1990 г. была введена особая благодарственная карточка, адресованная дарителю типовых экземпляров; однако эта инициатива не получила развития.

Говоря о развитии хранительского дела в Зоомузее тех лет, следует указать некоторые подвижки в методах препаровки коллекционных материалов. Так, для чистки большого числа мелких черепов и скелетов был организован «дерместарий», в котором основная роль отведена личинкам жуков рода *Dermestes*. Это позволило существенно активизировать накопление качественно отпрепарированных остеологических коллекций. Своеобразный облегчённый метод был изобретён для изготовления коллекционных тушек мелких млекопитающих: вместо «объёмных» тушек, набиваемых ватой и имитирующих «живой» облик зверьков, теперь чаще изготавливают «плоские» тушки (снятые «чулком» шкурки натягиваются на картонки).

К этому очередному «реконструктивному» периоду относится целый ряд публикаций о коллекционных фондах Зоомузея (Костылева, 1991). Были изданы каталоги типовых коллекций некоторых групп насекомых (Е.М. Антонова, А.И. Желоховцев, Е.В. Зими́на, С.И. Келейникова), равноногих раков (Е.В. Боруцкий), рыб (А.А. Световидова), млекопитающих (И.Я. Павлинов, О.Л. Россолимо); последние два автора издали также полный каталог териологической

коллекции Зоомузея; можно ещё раз упомянуть публикацию каталога мемориальной коллекции «Демидовские раковины» (Иванов, Кантор, 1991).

К концу XX в. стараниями многих сотен зоологов, как профессионалов, так и любителей, общий объём научных фондов Зоологического музея МГУ достиг примерно семи миллионов единиц хранения. Причём понятно, что собственно индивидуальных экземпляров значительно больше: достаточно вспомнить планктонные сборы морских беспозвоночных и ватные сборы насекомых, содержимое которых едва ли кто когда-либо решился бы подсчитать. По этому показателю наш Музей занимает второе место в России после Зоологического института РАН в Санкт-Петербурге и входит во вторую десятку крупнейших зоологических собраний в мире.

Подавляющую часть современных научных фондов Зоомузея составляет коллекция насекомых — её объём не менее 4.5 млн экз. Из них почти половина приходится на жесткокрылых, которые и в природе по видовому обилию занимают первое место. Очень велики собрания по перепончатокрылым (800 тыс. экз.), двукрылым (700 тыс. экз.), чешуекрылым (500 тыс. экз.).

Из других беспозвоночных особого упоминания заслуживает коллекция моллюсков — второго по разнообразию (после членистоногих) типа животных. Их в фондах Музея насчитывается 300 тыс. экз., особенно представительны сборы по наземным брюхоногим. Весьма представительна коллекция пауков, которая составляет около 200 тыс. экз.

Среди позвоночных наиболее объёмны научные фонды по млекопитающим — почти 200 тыс. экз., это крупнейшее в России собрание. Почти столь же велики размеры орнитологической коллекции; в ней хотелось бы особо отметить весьма значительное собрание кладок птиц (почти 10 тыс. единиц) — крупнейшее в России и одно из крупнейших в мире.

* * *

В завершение следует кратко указать, как развивалась библиотека Зоомузея. В последнюю «полувековину» музейной истории для её развития был найден достаточно специфический способ: источником пополнения книжного фонда стали личные библиотеки крупных зоологов, которые по мере ухода их владельцев из жизни Университет покупал специально для Зоомузея (Свиридов, 1991). Первым такого рода приобретением стала библиотека С.И. Огнёва (1954

г., более 7 тыс. книг и 2.5 тыс. номеров периодики); следующей по дате и наибольшей по объёму была библиотека Н.Н. Плавильщикова (1964 г., более 16 тыс. библиотечных единиц); больше всего таких поступлений (увы, по вполне понятным печальным причинам) пришлось на 1970-е гг., когда были приобретены библиотеки покойных Г.В. Никольского (более 12 тыс. изданий), Г.П. Дементьева (14 тыс. изданий), В.Г. Гептнера (около 13 тыс. различных изданий) и некоторых других учёных.

В ходе последней реконструкции Зоомузея помещение библиотеки расширили за счёт добавления комнаты, входившей в прежнюю «северцовскую» квартиру, её оборудовали металлическими стеллажами в два яруса. Эта комната стала основным хранилищем, в первой же комнате в шкафах разместились «именные» книжные собрания. После ухода В.И. Коротковой в 1982 г. библиотеку возглавила Г.В. Костылева. Основной её заслугой стало налаживание справочно-поисковой системы, включая единую систему именных и предметных картотек, систематический каталог (Свиридов, 1991).

Эпилог

Вместо того, чтобы писать какие-то дежурные юбилейные фразы о «долгом историческом пути», «достигнутых успехах», «большом значении» и т. п., в завершение представленного выше обзора истории Зоологического музея Московского университета я считаю важным обратить внимание на одну её особенность, поразившую меня.

Когда настоящая статья уже была вчерне готова и составлялась хроника Зоомузея (публикуется в данном выпуске «Зоологических исследований»), мне бросилось в глаза, что он довольно часто — много чаще, чем хотелось бы и полагалось бы для музейного учреждения, требующего стабильности и покоя, — так или иначе переустраивался.

С момента учреждения его «предвестника» — Минералогического (Натурального) кабинета в 1759 г. — он один раз почти погиб и возродился (1812 г.), несколько раз переезжал с места на место целиком или частично (1791, 1820, 1837, 1901, 1941 гг.), сверх того подвергался частичной или почти полной перекройке *in situ* (начало 1800-х, середина 1880-х, 1910, начало 1950-х, 1970–1980-е гг.), почти утрачивал и вновь восстанавливал свою «самость» (начало 1860-х, рубеж 1920–1930-х гг.)...

Так что, наверное, если считать «на круг», не менее четверти 225-летнего существования Зоологического музея Московского университета пришлось на периоды прохождения им через то или иное «узкое горлышко» исторического отбора.

В этом отношении судьба Зоомузея, наверное, в какой-то мере уникальна. Мало какой иной музей может «похвастаться» такой бурной историей — «похвастаться» именно в кавычках, ибо хвастаться тут особо нечем.

Может быть, лишь тем, что наш Музей не только смог выжить, буквально «протискиваясь» сквозь разного рода исторические «узкие горлышки», но и вырасти количественно и качественно, во всех передрыгах сохранив эту самую свою «самость». Впрочем, было бы правильнее сказать, что благодаря именно сохранению последней сохранился и сам Зоомузей. Ибо сущность этой «самости», без которой невозможна нормальная жизнедеятельность всякого музея, — в единстве коллекций, служащих науке и просвещению, и людей, которые своим служением этим коллекциям обеспечивают их существование и развитие (Rossolimo, Pavlinov, 1993).

Воистину: *per aspera ad astra!*

* * *

Хотелось бы подчеркнуть, что настоящая статья отнюдь не завершает историографию Зоологического музея МГУ им. М.В. Ломоносова, а скорее открывает в ней новый этап, в котором основной задачей должно стать изучение архивов.

В силу краткости статьи отдельные эпизоды истории Музея и некоторые аспекты развития его деятельности в ней оказались лишь затронутыми, но не исследованными. Ниже указаны основные из них.

Прежде всего, требует прояснения соотношение официального («уставного») и фактического статуса Музея естественной истории в середине XIX в.: в университетском Уставе его нет, в университетских отчётах он есть.

Не вполне ясным (и потому заслуживающим более внимательного анализа в будущем) остаётся официальный статус руководства Кабинетом/Музеем на протяжении большей части его истории, что видно из следующего.

[Согласно университетскому Уставу и отчётам, в XVIII и первой половине—середине XIX вв. сия институция находилась «в ведении» (уставная формула) или «под надзором» (в отчётах) профессора соответствующей кафедры. В университетском штатном расписании того времени при Кабинете/Музее чис-

лились только «хранитель» и «чучельник», никакого отдельно обозначенного штатного «заведующего» или «директора» нет.

В некоторых исторических свидетельствах XIX в. профессор Кафедры изредка упоминается как «директор» Музея: например, Г.Е. Щуровский (1855а) так обозначает Ф.Г. Политковского в его биографии; в послужном формуляре Г.И. Фишера он значится в качестве «директора университетских музеев» (Добров, 1962а, с. 78); о себе самом Фишер в вводном разделе музейного каталога пишет как о «le Directeur d'un établissement aussi important que le Muséum de Moscou» (Fischer, 1806, p. 10); таким образом обозначен А.Л. Ловецкий в одном из университетских отчётов (Отчёт..., 1836); в историческом очерке А.П. Богданов называет Г. Фишера и К. Ренара «directeur du Musée de l'Université» (Bogdanov, 1893а, p. 46); наконец, Г.А. Кожевников (1915) вслед за Богдановым в своей брошюре о Музее в части, касающейся истории XIX в., также использует этот термин.

Начиная с 1884 г. согласно новому университетскому Уставу, Музей препоручается «заведованию» руководителя соответствующей Кафедры. Каковой затем и указывается (в отчётах, в «Дежурной книге») именно как «заведующий Музеем».

В начале 1930-х гг. появляется официальное обозначение руководителя Зоомузея как «директора», назначаемого вне связи с кафедральной иерархией.

Практическими делами Кабинета/Музея занимался его смотритель или хранитель; в 1837 г. должность «хранителя» была введена уставным порядком. Коль скоро музейная институция, согласно университетскому Уставу, находилась в «ведении» профессора кафедры (с 1835 г. двух кафедр), то хранитель находился у него в подчинении; так оно чаще всего и было. Здесь прояснения требует соотношение статуса Ф.Г. Политковского и А.А. Антонского (натуральная история) в конце XVIII в., К. Рулье (зоология), Г.Е. Щуровского (минералогия) и К. Ренара в середине XIX в. В первом случае проблема в том, что эти профессора служили при разных факультетах; во втором — в том, что профессор Кафедры зоологии Рулье почти не вмешивался в музейные дела, так что полноценным самостоятельным руководителем Зоологического кабинета, по свидетельству А.П. Богданова, фактически был хранитель Ренар; он же иногда указывался и как хранитель Музея естественной истории — но каковы были его отношения с проф. Щуровским, не очень ясно.

Среди прочего, требуют отдельного анализа последствия того, что в Зоомузее в 1920-е гг. «хранителей» официально перелицевали в «научных специалистов». В 1976 г., по образцу прочих музеев, была введена должность главного хранителя, но его функции были сведены к опеканию экспозиционного и художественного фондов, архива].

Нужна более детальная характеристика деятельности Зоомузея в 1920–1930-е гг., вклю-

чая многие важные эпизоды взаимоотношений между ним, НИИЗом и Плавморином.

Заслуживает восстановления документально датированная последовательность ремонтных и иных работ в Зоомузее в 1970–1980-е гг.

Практически не рассмотрена деятельность административно-хозяйственной части и канцелярии Зоомузея, а также его экспозиционной части, по каковой причине «за кадром» остались и многие относящиеся к ним люди.

Очевидно, описание советского периода истории Зоомузея остаётся неполным без хотя бы краткой характеристики функционирования общественных организаций, которые оказывали заметное влияние на его деятельность.

По-видимому, имеет смысл внимательно и подробно рассмотреть и охарактеризовать отражённые в университетских годовых отчётах и в музейной учётной документации наиболее значимые поступления зоологических материалов на протяжении XIX–XX гг. Это позволит выявить в современной коллекции Зоомузея особо интересные исторические экспонаты.

В данной статье поимённо указаны далеко не все зоологи, которые работали в штате Зоомузея на протяжении второй половины XIX и особенно первой половины XX вв., — только оставившие наиболее заметный след в его истории. Слишком кратким получилось освещение их научной, экспедиционно-коллекционной, научно-просветительной и педагогической деятельности. По причине «лаконичности» более чем скудными получились биографические сведения об упомянутых в статье персонах (см. Краткий биографический справочник в настоящем сборнике).

За рамками статьи осталось авторство записей в учётной документации Зоомузея, начиная со «Шнуровой книги» времён Г.И. Фишера и кончая её последующими «преемниками», которое является важной частью реконструкции «персонифицированной истории». Для этого необходима графологическая экспертиза, основанная на сличении этих записей с авторизованными рукописными текстами.

Наконец, следует особо отметить, что в большей мере неописанной остаётся история Музея сравнительной анатомии. Между тем, в начале 1930-х гг. он стал частью Зоомузея, а коли так, то история первого тем самым оказывается и частью истории второго.

* * *

В настоящее время открываются ранее мало-доступные и неизвестные архивные материалы

и документы по истории Московского университета, а отчасти и нашего Музея, в Интернете обнаружатся важные первоисточники и документированные сведения. И лишь некоторая доля этого архивного богатства была использована при написании статьи (ибо её автор — совсем не историк).

Хотелось бы надеяться, что в не столь отдалённом будущем объявится человек (очевидно, историк), который почувствует в себе интерес и силы закопаться в архивы, причём не только учрежденческие, но и личные, разобраться в них — и написать (разумеется, при содействии музейских зоологов) хорошо документированную полноценную книгу об истории Зоологического музея Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

ЛИТЕРАТУРА

- 250-летие.... 2009. 250-летие Государственного геологического музея им. В. И. Вернадского. http://onznnews.wdcb.ru/news09/info_091101.html.
- Александрский... 2016. Александрский мусейон. (Википедия).
- Алфёров А.А. 2011. Современность: два среза понятия. — Информационно-гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение», 3. http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2011/3/Alferov_Modernity/.
- Ананьев В.Г. 2009. О некоторых источниках по истории формирования музейной коллекции Московского университета в начале XIX века (к предыстории приобретения Семятичского кабинета). — Музеология–музееведение в XXI веке: проблемы изучения и преподавания. Материалы Международной научной конференции, 14–16 мая 2008 года. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургск. госуд. универ. С. 321–327.
- Андреев Ю.А. 1998. 1812 год в истории Московского университета. Москва: Изд-во Московск. госуд. универ. 85 с.
- Андреев Ю.А. 2001. Российские университеты XVIII – первой половины XIX века в контексте университетской истории Европы. Москва: Госуд. историч. музей. 748 с.
- Антонова Е.М. 1991. Энтомологические коллекции. — Россолимо О.Л. (ред.). Два века в коллекциях Зоологического музея МГУ. Москва: Изд-во Московск. госуд. универ. С. 69–115.
- Балахонова Е.И. 2015. А.П. Богданов: от выставок к науке антропологии. — Спасская Н.Н, Павлинов И.Я. (ред.). Любил Россию, Университет, Науку. Зоологические исследования, 18. С. 146–159.
- Беляев О. 1800. Кабинет Петра Великого. Издано по Высочайшему повелению Императорской Академии Наук. Отделение 1–3. Санктпетербург: Императ. типогр. 215, 287, 278 сс.

- Белявский М.Г., Сорокин В.В. 1970. «Наш первый, наш московский, наш российский...». Памятные места старого здания Московского университета. Москва: Изд-во Московск. госуд. универ. 159 с.
- Бессуднова З.А. 2005. Музей естественной истории Императорского московского университета до и после отечественной войны 1812 года. — Отечественная война 1812 года и российская провинция в событиях, человеческих судьбах и музейных коллекциях. Сборник материалов XIII Всероссийской научной конференции 22–23 октября 2004 г. Малоярославец. <http://musey1812.ru/sborniki/>.
- Бессуднова З.А. 2006. Геологические исследования в Музее естественной истории Московского университета. Очерки по истории геологических знаний, вып. 32. Москва: Наука. 246 с.
- Бессуднова З.А., Жегалло В.И. 1998. Коллекция кораллов П.Г. Демидова: второе рождение — Селиванов А.М. (ред.). Для великого блага отечества... Демидовские чтения. Ярославль. С. 85–87.
- Биологический... 2015. Биологический музей имени К.А.Тимирязева. История музея. <http://gbmt.gu/gu/museum/history.php>.
- Бобринский Н.А., Четвериков С.С. 1925. Сбор и приготовление зоологических коллекций. Москва–Ленинград: ГИЗ. 112 с.
- Богданов А.П. (ред.). 1878. Московский музей прикладных знаний. Воскресные объяснения коллекций Политехнического музея в 1877–78 году. — Известия Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, 22 (4): v–ix.
- Богданов А.П. 1885. Карл Францович Рулье и его предшественники на кафедре зоологии в Императорском Московском университете. Библиографический очерк. — Известия Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, 43 (2). Труды лаборатории при Зоологическом музее Московского университета, 2 (2). 215 с.
- Богданов А.П. 1888а. Летопись зоологических трудов Общества в первое двадцатипятилетие его существования (1863–1888 г.). Том первый. Фаунистические работы Общества. — Известия Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, 54. Труды Зоологического отделения Общества, 2. 494 с.
- Богданов А.П. 1888б. Николай Карлович Зенгер. — Материалы для истории научной и прикладной деятельности в России по зоологии и соприкасающимся с нею отраслям знания преимущественно за последнее тридцатипятилетие (1850–1887 г.). Том первый. Известия Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, 54. Труды Зоологического отделения Общества, 3. С. 111–112.
- Богданов В.В. 1915. Торжественное заседание 15 октября 1913 г. — Пятидесятилетие Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. 1863–1913. Москва: Типогр. т-ва Рябушинских. С. 5–34.
- Борейко В.Е. 2002. Философы дикой природы и природоохраны. Киевский эколого-культурный центр. http://svitk.ru/004_book_book/5b/1267_boreyko-filosofi_prirodi.php.
- Боханов А.Н. 1989. Коллекционеры и меценаты в России. Москва: Наука. 187 с.
- Бурлыкина М.И. 2015. Московский государственный университет: история музейного дела (1755–2015). Москва: МАКС Пресс. 320 с.
- В.А. Ватагин... 2015. В.А. Ватагин: связь длиною в жизнь. <http://zmmu.msu.ru/posetiteli/vystavki/va-vatagin-svyaz-dlinoyu-v-zhizn>
- Вайнер Д.Р. 1991. Экология в Советской России. Архипелаг свободы: заповедники и охрана природы. Москва: Издат. группа «Прогресс». 398 с.
- Валькова О.А. Премия ее памяти. К биографии Е.К. Фреймут-Кандинской. — Природа, 4: 90–95.
- Варсанофьева В.А. 1955. Московское общество испытателей природы и его значение в развитии отечественной науки. 1805–1955. Москва: Изд-во Московск. госуд. универ. 104 с.
- Вихман А.А., Генералова Л.П. 2008. Карл фон Линней — человек планеты Земля. Санкт-Петербург. 51 с.
- Веригина И.А. 1991. Ихтиологические коллекции. — Россолимо О.Л. (ред.). Два века в коллекциях Зоологического музея МГУ. Москва: Изд-во Московск. госуд. универ. С. 116–136.
- Вернадский В.И. 1988. Труды по истории науки в России. Москва: Наука. 457 с.
- Волосникова Л.М. 2006. Университетский устав российской империи 1863 года — режим академической свободы. — История государства и права, 5: 13–15.
- Вулиснова Г.А. 2002. Век просвещенный. — Международный исторический журнал, 17. <http://ricolor.org/history/eng/edu/mgu/3/>.
- Гарданов В.К. 1957. Музейное строительство и охрана памятников культуры в первые годы советской власти (1917–1920 гг.). — История музейного дела в СССР. Труды научно-исследовательского института музееведения, 1: 7–36.
- Гептнер М.В., Иванов Д.Л., Кудряшова Н.И. и др. 1991. Коллекции беспозвоночных животных. — Россолимо О.Л. (ред.). Два века в коллекциях Зоологического музея МГУ. Москва: Изд-во Московск. госуд. универ. С. 36–68.
- Грицкевич В.П. 2004. История музейного дела до конца XVIII века. 2-е изд. Санкт-Петербург: Изд-во Санкт-Петербург. госуд. универ. культуры и искусства. 408 с.
- Гулевич В.С. 1928. Ассоциация научно-исследовательских институтов при физико-математиче-

- ском факультете Московского государственного университета. — Известия Ассоциации научно-исследовательских институтов при физико-математическом факультете МГУ, 1 (1–2): 1–3.
- Двигубский [И.А.]. 1814. Краткая история Императорского московского университета с июля месяца 1812 года по 8-е число июля 1814 года. Москва: Универ. типогр. 8 с.
- Двигубский [И.А.]. 1815. Краткая история Московского университета с 8-го июля 1814 года по 1-е июля 1815 года. Москва: Универ. типогр. 7 с.
- Двигубский [И.А.]. 1819. Краткая история Московского университета с 6-го июля 1817 года по 4-е июля 1819 года. Москва: Универ. типогр. 12 с.
- Двигубский [И.А.]. 1820. Краткая история Московского университета с 4-го июля 1819 года по 6-е июля 1820 года. Москва: Универ. типогр. 10 с.
- Демидов П.А. 1910. Родословная рода Демидовых, их благотворительная деятельность и медали в память их рода. Житомир. 42 с.
- Добров С.А. 1962а. Летопись «Минерального» (Минералогического) кабинета Московского университета за первые сто лет его существования (1755–1855). — Гордеев Д.И. (ред.). История геологических наук в Московском университете. Москва: Изд-во Московск. универ. С. 76–90.
- Добров С.А. 1962б. Летопись Минералогического кабинета (музея) до 1890 г. — Гордеев Д.И. (ред.). История геологических наук в Московском университете. Москва: Изд-во Московск. универ. С. 142–152.
- Естественная... 1788. Естественная история. *História naturalis. Histoire naturelle*. — Магазин натуральной истории, физики и химии... Часть I. Москва: Универ. типогр. С. 1–19.
- Ефимова С.Г. 2015. Антропология древнего населения России в трудах А.П. Богданова. — Спасская Н.Н., Павлинов И.Я. (ред.). Любил Россию, Университет, Науку (Зоологические исследования, 18). С. 160–169.
- Житков Б.М. 1940. Г.И. Фишер фон Вальдгейм (1771–1853). Москва: Московское общество испыт. природы. 27 с.
- Завадовский Б.М. 1932. Целевые установки и основные показатели к созданию Центрального биологического музея. — Советский музей, 5: 23–41.
- Заключение... 2014. Кунсткамера (1714–1836): к 300-летию первого академического музея. Заключение. <http://www.ras.ru/kunstkamera/bbf77c6e-1a42-418e-b303-46a4369e3118.aspx>.
- Зарождение... 2016. Государственный геологический музей им. В.И. Вернадского. История музея. I. Зарождение. <http://www.sgm.ru/8/#up>.
- Зенкевич Л.А. 1941. Работа Плавучего морского научного института на судне «Персей». — Советская Арктика, 2: 70–77.
- Зограф Н. 1899. Отрадная страница из истории русской науки. Анатолий Петрович Богданов. — Журнал Министерства народного просвещения, 9: 21–46; 10: 207–230. [Публикация воспроизведена в: Зоологические исследования, 2015, 18: 39–63.]
- Зоологический институт. 2011. — Архитектурное наследие К.М. Быковского в Москве. Москва: Издат. дом Руденцовых. С. 230–243.
- Иванов Д.Л., Кантор Ю.И. 1991. Малакологическая коллекция П.Г. Демидова в Зоологическом музее МГУ. Москва: Изд-во Московск. госуд. универ. 95 с.
- Иванова Е.А. 2002. Становление и развитие Румянцевского музея как Российского общественного, научного и культурного центра, XIX – начало XX вв. Дисс.... канд. истор. наук. Москва: Московск. госуд. универ. 342 с.
- Игнатович Т.М. 2000. Императорский Московский Университет в истории создания московского Румянцевского музея. — Румянцевские чтения, 1: 250–252.
- Известие... 1805. Известие о Музее натуральной истории при Императорском московском университете. — Московские Учёные Ведомости, 48: 380–381.
- Иксанова И.В., Кузнецов А.А., Михайлов К.Г. 1991а. Экспозиция. — Россолимо О.Л. (ред.). Два века в коллекциях Зоологического музея МГУ. Москва: Изд-во Московск. госуд. универ. С. 207–237.
- Иксанова И.В., Кузнецов А.А., Михайлов К.Г. и др. 1991б. История музея. — Россолимо О.Л. (ред.). Два века в коллекциях Зоологического музея МГУ. Москва: Изд-во Московск. госуд. универ. С. 4–35.
- История... 1955а. История Московского университета, Т. 1. Москва: Изд-во Московск. госуд. универ. 562 с.
- История... 1955б. История Московского университета, Т. 2. Москва: Изд-во Московск. госуд. универ. 456 с.
- История создания... 2005. История создания Института проблем экологии и эволюции им. А.Н. Северцова. http://www.sevin.ru/menues1/index_rus.html?../jubilee/index.html.
- Каулен М.Е. (ред.). 2003. Музейное дело в России. Москва: Изд-во «ВК». 614 с.
- Кириллов В.В. 1997. Университетский дом на Моховой. Москва: Изд-во Московск. госуд. универ. 64 с.
- Кожевников Г.А. (ред.). 1902. Руководство к зоологическим экскурсиям и собиранию зоологических коллекций. Москва: Изд-во Московск. универ. 182 с.
- [Кожевников Г.А.] 1915. Краткий указатель показной коллекции млекопитающих и птиц Зоологического музея Императорского московского университета. 4-е изд. Москва: 12 с.

- Коновалов Д. 2014. Рязанские меценаты. — Родная сторона. <http://rodnaya-storona.ru/node/322>.
- Константинов В.М. 2003. Александр Федорович Котс. 1880–1964. http://www.rbcu.ru/information/272/13290/?sphrase_id=246722.
- Костина И.Л. 2015. А.П. Богданов и Московский зоопарк: идеи отца-основателя в развитии. — Спасская Н.Н., Павлинов И.Я. (ред.). Любил Россию, Университет, Науку (Зоологические исследования, 18). С. 129–136.
- Костылева Г.В. 1991. Библиографический указатель публикаций о музее. — Россолимо О.Л. (ред.). Два века в коллекциях Зоологического музея МГУ. Москва: Изд-во Московск. госуд. универ. С. 259–262.
- Красовицкая Т.Ю. 2002. Российское образование между реформаторством и революционизмом. Февраль 1917–1920 гг. Москва: Историко-архивн. инст. 416 с.
- Краткий отчет... 1841. Краткий отчет о состоянии Императорского московского университета за 1840–1841 академический год. — Речи и отчет... Москва: Универ. типогр. С. 73–84.
- Краткий отчет... 1844. Краткий отчет о состоянии Императорского московского университета за 1843–1844 академический год. — Речи и отчет... Москва: Универ. типогр.
- Краткий отчет... 1846. Краткий отчет о состоянии Императорского московского университета за 1845–46 академический год. — Речи и отчет... Москва: Универ. типогр. С. 1–16.
- Краткий отчет... 1851. Краткий отчет о состоянии Императорского московского университета за 1851 гражданский год. — Речи и отчет... Москва: Универ. типогр.
- Краткий отчет ... 1888. Краткий отчет о состоянии Императорского московского университета за 1887 год. Москва: Универ. типогр. 197 с.
- Кривохатский В.А. 2013. Приключение жизни Виктора Ивановича Мочульского, описанное им самим. Москва: Т-во науч. изд. КМК. 261 с.
- Кузнецов И.В., Минаева О.Д. 2005. Газетный мир Московского университета. Москва: Флинта. 208 с.
- Кунсткамера... 2014. Кунсткамера (1714–1836): к 300- летию первого академического музея. <http://www.ras.ru/kunstkamera/f27eca03-bd7c-4706-943a-22da91f03f2c.aspx>.
- Кунсткамера... 2016. 300 лет Кунсткамере. <http://kunstkamera.ru/index/300/>.
- Левинский В.Д. (ред.). 1885. Воскресные объяснения коллекций Политехнического музея (Год 8) (1884–85 год). Московский музей прикладных знаний. — Известия Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, 47 (1): 3–59.
- Левшин Б.В. 1998. Академический университет в Санкт-Петербурге (историческая справка). — Отечественная история, 5: 73–76.
- Летопись... 2016а. Летопись Московского университета. <http://letopis.msu.ru/>.
- Летопись... 2016б. Летопись Московского университета. Летопись-1756. <http://letopis.msu.ru/letopis/1756>.
- Летопись... 2016в. Летопись Московского университета. Летопись-1755. <http://letopis.msu.ru/letopis/1755>.
- Летопись... 2016г. Летопись Московского университета. Летопись-1759. <http://letopis.msu.ru/letopis/1759>.
- Летопись... 2016д. Летопись Московского университета. Летопись-1765. <http://letopis.msu.ru/letopis/1765>.
- Летопись... 2016д1. Летопись Московского университета. Керштенс Иоганн Христиан. <http://letopis.msu.ru/peoples/370>.
- Летопись... 2016е. Летопись Московского университета. Летопись-1775. <http://letopis.msu.ru/letopis/1775>.
- Летопись... 2016ж. Летопись Московского университета. Летопись-1786. <http://letopis.msu.ru/letopis/1786>.
- Летопись... 2016з. Летопись Московского университета. Летопись-1791. <http://letopis.msu.ru/letopis/1791>.
- Летопись... 2016з1. Летопись Московского университета. Прокопович-Антонский Антон Антонович. <http://letopis.msu.ru/peoples/566>.
- Летопись... 2016и. Летопись Московского университета. Летопись-1802. <http://letopis.msu.ru/letopis/1802>.
- Летопись... 2016к. Летопись Московского университета. Летопись-1840. <http://letopis.msu.ru/letopis/1840>.
- Летопись... 2016к1. Летопись Московского университета. Медицинский факультет (1755–1930). <http://letopis.msu.ru/facultet/medicinskiy>.
- Летопись... 2016л. Летопись Московского университета. Летопись-1840. <http://letopis.msu.ru/letopis/1844>.
- Летопись... 2016м. Летопись Московского университета. Варнек Николай Александрович. <http://letopis.msu.ru/peoples/314>.
- Летопись... 2016м1. Летопись Московского университета. Борзенков Яков Андреевич. <http://letopis.msu.ru/peoples/302>.
- Летопись... 2016н. Летопись Московского университета. Медицинский факультет. 1754. <http://letopis.msu.ru/content/letopis-medicinskogo-fakulteta>.
- Летопись... 2016о. Летопись Московского университета. Ренар Карл Иванович. <http://letopis.msu.ru/peoples/1017>.
- Летопись... 2016п. Летопись Московского университета. Тихомиров Александр Андреевич. <http://letopis.msu.ru/peoples/1040>.

- Летопись... 2016р. Летопись Московского университета. Летопись-1923. <http://letopis.msu.ru/letopis/1923>.
- Летопись... 2016с. Летопись Московского университета. Летопись-1927. <http://letopis.msu.ru/letopis/1927>.
- Летопись... 2016т. Летопись Московского университета. Летопись-1923. <http://letopis.msu.ru/letopis/1929>.
- Летопись... 2016у. Летопись Московского университета. Летопись-1930. <http://letopis.msu.ru/letopis/1930>.
- Летопись... 2016ф. Летопись Московского университета. Летопись-1931. <http://letopis.msu.ru/letopis/1931>.
- Летопись... 2016х. Летопись Московского университета. Летопись-1932. <http://letopis.msu.ru/letopis/1932>.
- Летопись... 2016ц. Летопись Московского университета. Летопись-1933. <http://letopis.msu.ru/letopis/1933>.
- Летопись... 2016ч. Летопись Московского университета. Летопись-1936. <http://letopis.msu.ru/letopis/1936>.
- Летопись... 2016ш. Летопись Московского университета. Летопись-1938. <http://letopis.msu.ru/letopis/1938>.
- Летопись... 2016щ. Летопись Московского университета. Быховская Анна Марковна. <http://letopis.msu.ru/peoples/3177>.
- Летопись... 2016э. Летопись Московского университета. Летопись-1941. <http://letopis.msu.ru/letopis/1941>.
- Летопись... 2016ю. Летопись Московского университета. Летопись-1991. <http://letopis.msu.ru/letopis/1991>.
- Летопись-Положение... 1921. Летопись Московского университета. Положение о высших учебных заведениях РСФСР (2 сентября 1921). <http://letopis.msu.ru/documents/2762>
- Летопись-Устав... 1804. Летопись Московского университета. Университетский Устав (5 ноября 1804). <http://letopis.msu.ru/documents/327>.
- Летопись-Устав... 1835. Летопись Московского университета. Университетский устав (26 июля 1835). <http://letopis.msu.ru/documents/2123>
- Летопись-Устав... 1863. Летопись Московского университета. Университетский устав (18 июня 1863). <http://letopis.msu.ru/documents/2760>.
- Летопись-Устав... 1939. Летопись Московского университета. Устав МГУ (1939). <http://letopis.msu.ru/documents/2763>.
- Липшиц С.Ю. 1940. Московское общество испытателей природы за 135 лет его существования (1805–1940) (исторический очерк). Москва: Полиграфкнига. 155 с.
- Лунин В.В., Зоркий П.М., Лубнина И.Е. 1999. Российские университеты в XVIII веке. — Вестник Московского университета, Сер. 2. Химия., 40 (5): 345–350.
- Лункевич В.В. 1960. От Гераклита до Дарвина. Очерки истории биологии. 2-е изд. Т. 2. Москва: Учпедгиз. 547 с.
- Любарский Ю.Г. 2009. История зоологического музея МГУ. Идеи, люди, структуры. Москва: Т-во науч. изд. КМК. 744 с.
- Любарский Ю.Г. 2015. Карл Францевич Рულье и Анатолий Петрович Богданов: мастерство организации науки. — Спасская Н.Н., Павлинов И.Я. (ред.). Любил Россию, Университет, Науку (Зоологические исследования, 18). С. 89–109.
- Любарский Ю.Г. 2016. История «Зоологического журнала». — Зоологический журнал, 95 (1): 4–27.
- Магазин... 2002. Русская литература и фольклор. Магазин натуральной истории, физики и химии... <http://feb-web.ru/feb/periodic/pp0-abc/pp1/pp1-0761.htm>
- Мануильская Е.Н. (ред.). 1941. 185 лет Московского ордена Ленина государственного университета им. М.В. Ломоносова. Москва: Изд-во Московск. госуд. универ. 126 с.
- Менцин Ю.Л., Путря П.В. 2013. Дар Зоя Павловича Зосимы и развитие астрономии в Московском университете. — Государственный астрономический институт имени П.К. Штернберга МГУ. http://www.sai.msu.ru/history/Dar_Zosima.html.
- Микулинский С.В. 1979. Карл Францевич Рулье. Ученый, человек и учитель. 1814–1858 гг. Москва: Наука. 335 с.
- Михайлов К.Г. 2002. Материалы по истории Зоологического музея МГУ (1917–1978). Москва: Т-во науч. изд. КМК. 59 с.
- Михайлов К.Г. 2009. От издателя. — Любарский Ю.Г. История зоологического музея МГУ. Идеи, люди, структуры. Москва: Т-во науч. изд. КМК. С. 3.
- Морозова С.Г. 2015. А.П. Богданов и Музей прикладных знаний: замыслы и воплощение. — Спасская Н.Н., Павлинов И.Я. (ред.). Любил Россию, Университет, Науку (Зоологические исследования, 18). С. 137–146.
- Московские... 1805. В Москве, июля 5. — Московские ведомости, 51, 8 июля. С. 881.
- Моховая... 2015. Моховая. Университетский квартал. <http://www.geogr.msu.ru/science/aero/center/atlas/10-11.htm>.
- Назаренко Н.И. 1962. Борьба М.И. Афонина за создание «Минерального» кабинета в Московском университете. — Гордеев Д.И. (ред.). История геологических наук в Московском университете. Москва: Изд-во Московск. универ. С. 30–37.
- Новиков М.В., Перфилова Т.Б. 2014. Университетский устав 1884 г.: иллюзия академической свободы (Часть I). — Ярославский педагогический вестник, 1 (Гуманитарные науки) (4): 27–40.

- Об училищных... 1805. Об училищных пособиях и в особенности о Музее натуральной истории при Императорском московском университете. — Московские учёные ведомости, 5: 37–40.
- Общий устав... 1835. Общий устав Российских университетов (26 июля 1835 г.). <http://museum.guru.ru/ustavy/ustav1835/contents.phtml>
- Общий устав... 1835. Общий устав Российских университетов (18 июня 1863 г.). http://www.lib.ru/ТЕХТBOOKS/ustaw_18.txt
- Общий устав... 1884. Общий устав Императорских Российских университетов (23 августа 1884 года). <http://www.reformshistory.ru/reformy/reformy-aleksandra-iii/reformaobrazovania/universitetskayareforma/ustav1884-g>.
- Одолламская З. 2016. Московский университет, ул. Моховая, дд. 9–11. — Узнай Москву. <http://um.mos.ru/places/30245/>
- Организация... 1968. Организация науки в первые годы Советской власти (1917–1925). Сборник документов. Ленинград: Наука. 419 с.
- Орлова В.Ф. 1991. Герпетологические коллекции. — Россолимо О.Л. (ред.). Два века в коллекциях Зоологического музея МГУ. Москва: Изд-во Московск. госуд. универ. С. 137–149.
- Отчёт... 1835. Отчёт Императорского московского университета с 1го января 1834го по 10ое января 1835го года. Москва: Универ. типогр. 54 с.
- Отчёт... 1836. Отчёт Императорского московского университета с 1го января 1835го по 1ое января 1836го года. Москва: Универ. типогр. 54 с.
- Отчёт... 1837. Отчёт Императорского московского университета с 1го января 1836го по 1ое января 1837го года. Москва: Универ. типогр. 50 с.
- Отчёт... 1839. Отчёт о состоянии и действиях Императорского московского университета за 1840/41 академический и 1837 гражданский годы. Москва: Универ. типогр. 37 с.
- Отчёт... 1843. Отчёт о состоянии и действиях Императорского московского университета за 1841–42 академический и 1842 гражданский годы. Москва: Универ. типогр. 189 с.
- Отчёт... 1849. Отчёт о состоянии и действиях Императорского московского университета за 1847–1848 академический и 1848 гражданский годы. Москва: Универ. типогр. 82 с.
- Отчёт... 1857. Отчёт о состоянии и действиях Императорского московского университета за 1855–56 академический и 1856 гражданский годы. Москва: Универ. типогр. 92 с.
- Отчёт... 1858. Отчёт о состоянии и действиях Императорского московского университета за 1856–57 академический и 1857 гражданский годы. Москва: Универ. типогр. 90 с.
- Отчёт... 1860. Отчёт о состоянии и действиях Императорского московского университета за 1858–59 академический и 1859 гражданский годы. Москва: Универ. типогр. 66 с.
- Отчёт... 1861. Отчёт о состоянии и действиях Императорского московского университета за 1860–61 академический и 1861 гражданский годы. Москва: Универ. типогр. 62 с.
- Отчёт... 1863. Отчёт о состоянии и действиях Императорского московского университета в 1861–62 академическом и 1862 гражданском году. Москва: Универ. типогр. 44 с.
- Отчёт... 1866. Отчёт о состоянии и действиях Императорского московского университета за 1864–65 академический и 1865 гражданский годы. — Приложение к № 7 Московских университетских известий. Москва: Универ. типогр. 102 с.
- Отчёт... 1867. Отчёт о состоянии и действиях Императорского московского университета за 1865–66 академический и 1866 гражданский годы. Москва: Универ. типогр. 126 с.
- Отчёт... 1868. Отчёт о состоянии и действиях Императорского московского университета за 1866–67 академический и 1867 гражданский годы. Москва: Универ. типогр. 97 с.
- Отчёт... 1869. Отчёт о состоянии и действиях Императорского московского университета за 1867–68 академический и 1868 гражданский годы. Москва: Универ. типогр. 97 с.
- Отчёт... 1870. Отчёт о состоянии и действиях Императорского московского университета за 1868–69 академический и 1869 гражданский годы. Москва: Универ. типогр. 94 с.
- Отчёт... 1871. Отчёт о состоянии и действиях Императорского московского университета за 1869–70 академический и 1870 гражданский годы. Москва: Универ. типогр. 119 с.
- Отчёт... 1872. Отчёт о состоянии и действиях Императорского московского университета за 1870–71 академический и 1871 гражданский годы. Москва: Универ. типогр. 95 с.
- Отчёт... 1874. Отчёт о состоянии и действиях Императорского московского университета за 1872–73 академический и 1873 гражданский годы. Москва: Универ. типогр. 102 с.
- Отчёт... 1878. Отчёт о состоянии и действиях Императорского московского университета за 1877 год. Москва: Универ. типогр. 85 с.
- Отчёт... 1880. Отчёт о состоянии и действиях Императорского московского университета за 1879 год. Москва: Универ. типогр. 159 с.
- Отчёт... 1885. Отчёт о состоянии и действиях Императорского московского университета за 1884 год. Москва: Универ. типогр. 168 с.
- Отчёт... 1888. Отчёт о состоянии Императорского московского университета за 1887 год. Москва: Универ. типогр. 197 с.
- Отчёт... 1894. Отчёт о состоянии Императорского московского университета за 1892 год. Москва: Универ. типогр. 180 с.
- Отчёт... 1895. Отчёт о состоянии Императорского московского университета за 1894 год. Москва: Универ. типогр. 351 с.

- Отчёт... 1898. Отчёт о состоянии и действиях Императорского московского университета за 1896 год. Москва: Универ. типогр. 270 с.
- Отчёт... 1899. Отчёт о состоянии и действиях Императорского московского университета за 1897 год. Москва: Универ. типогр. 279 с.
- Отчёт... 1901. Отчёт о состоянии и действиях Императорского московского университета за 1899 год. Москва: Универ. типогр. 285 с.
- Отчёт... 1905. Отчёт о состоянии и действиях Императорского московского университета за 1904 год. Москва: Универ. типогр. 291 с.
- Отчёт... 1906. Отчёт Императорского московского университета за 1905 год. Москва: Универ. типогр. 391 с.
- Отчёт... 1907. Отчёт о состоянии и действиях Императорского московского университета за 1906 год, Часть Iя. Москва: Универ. типогр. 412 с.
- Отчёт... 1908. Отчёт о состоянии и действиях Императорского московского университета за 1907 год, Часть Iя. Москва: Универ. типогр. 441 с.
- Отчёт... 1909. Отчёт о состоянии и действиях Императорского московского университета за 1908 год, Часть Iя. Москва: Универ. типогр. 512 с.
- Отчёт... 1910. Отчёт о состоянии и действиях Императорского московского университета за 1909 год, Часть Iя. Москва: Универ. типогр. 503 с.
- Отчёт... 1911. Отчёт о состоянии и действиях Императорского московского университета за 1910 год. Москва: Универ. типогр. 525 с.
- Отчёт... 1912. Отчёт о состоянии и действиях Императорского московского университета за 1911 год. Москва: Универ. типогр. 421 с.
- Отчёт... 1914. Отчёт о состоянии и действиях Императорского московского университета за 1913 год, Часть II. Москва: Универ. типогр. 425 с.
- Отчёт... 1915. Отчёт о состоянии и действиях Императорского московского университета за 1914 год, Часть II. Москва: Универ. типогр. 392 с.
- Отчёт... 1917. Отчёт о состоянии и действиях Императорского московского университета за 1916 год, Часть II. Москва: Универ. типогр. 118 с.
- Отчёт... 1923. Отчёт о состоянии и действиях Iго Московского государственного университета за 1922 год. Москва. 137 с.
- Отчёт... 1925. Отчёт Iго Московского государственного университета за 1924 год. Москва. 139 с.
- Отчёт и речь... 1876. Отчёт и речь, произнесённые в торжественном собрании Императорского московского университета 12-го января 1876 года. Москва: Универ. типогр. 88 с.
- Отчёт по... 1864. Отчёт по Московскому Публичному музею от времени основания его до 1-го января 1864 года, представленный бывшим директором Музея свиты Его Императорского Величества генерал-майором Н.В. Исаковым. Санктпетербург: типогр. Роговского. 178 с.
- Павлинов И.Я. 2008. Музейные коллекции как феномен науки. — Известия Музейного фонда им. А.А. Браунера (Одесса), 5 (4): 1–4.
- Павлинов И.Я. 2013. История биологической систематики: эволюция идей. Saarbrücken: Palmarium Academic Publ. 474 с.
- Павлинов И.Я. 2016. Биоразнообразие и биокolleкции: проблема соответствия. — Сборник трудов Зоологического музея Московск. госуд. универ. им. М.В. Ломоносова, 54: 733–786.
- Павлинов И.Я., Иванов Д.Л. 2005. Зоологический музей МГУ: коллекции и люди. Москва: Т-во науч. изд. КМК. 56 с.
- Павлинов И.Я., Яхонтов Е.Л. 1991. Териологические коллекции. — Россолимо О.Л. (ред.). Два века в коллекциях Зоологического музея МГУ. Москва: Изд-во Московск. госуд. универ. С. 168–193.
- Павлов В.Н., Губанов И.А., Барсукова А.В., Багдасарова Т.В. 1978. Гербарий Московского университета. Москва: Изд-во Московск. госуд. универ. 149 с.
- Панов В.В. 2002. Архитектурно-типологические принципы проектирования музеев вузов. Дисс. канд. архитектуры. Москва: Центр. науч.-исслед. и проект. ин-т жилых и обществ. зданий. 224 с.
- Пекарский П.П. 1870. История Императорской академии наук в Петербурге. Т. 1. Санкт-Петербург: Изд-во Императ. акад. наук. 774 с.
- Пенчко Н.А. 1952. Основание Московского университета. Москва: Изд-во Московск. универ. 175 с.
- Перепёлкин А.П. 1890. Историческая записка о 30-тилетней деятельности Московского общества сельского хозяйства и его президента И.Н. Шатилова. 1860–1889 г. Москва: Т-во скоропеч. А.А. Левенсон. 746 с.
- Пётр I.. 2014. Пётр I. Честь, слава, империя. Труды, артикулы, переписка, мемуары. Москва: Лит-агент «5 редакция». 187 с.
- Петров Ф.А. 2002. Формирование системы университетского образования в России. Т. 1 Российские университеты и устав 1804 года. Москва: Изд-во Московск. госуд. универ. 416 с.
- Плавильщиков Н.Н., Кузнецов Н.В. 1952. Собирающие и изготовление зоологических коллекций. Москва: Госкультпросветиздат. 137 с.
- Поздняков Н.Н. 1957. Политехнический музей и его научно-просветительная деятельность в 1872–1917 гг. — История музейного дела в СССР. Труды Научно-исследовательского института музееведения, 1: 129–158.
- Постановление... 2011а. Постановление СНК РСФСР от 13.07.1931 № 752 «О реорганизации государственных университетов». <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=15953>.
- Постановление... 2011б. Постановление Совмина РСФСР от 05.06.1978 № 272. «О повышении

- эффективности научно-исследовательской работы в высших учебных заведениях РСФСР». <http://www.bestpravo.ru/ussr/gn-normy/t2o.htm>.
- Постановление... 2012. Постановление СНК РСФСР от 03.05.1932. «О сети научно-исследовательских учреждений РСФСР». <http://7law.info/ussr/act2q/n577.htm>.
- Приказ... 2007. Приказ Минвуза СССР от 05.11.1984 № 725 «Об утверждении Типового положения о музее высшего учебного заведения». <http://lawru.info/dok/1984/11/05/n1182953.htm>.
- Проект... 2016. Проект об учреждении Московского университета (12 января 1755). <http://letopis.msu.ru/documents/270>.
- Прокопович-Антонский А.А. 2010. Слово о начале и успехах наук, и в особенности естественной истории. — Артемьева Т.В. (сост.). Общественная мысль в России XVIII века, Т. 1. Москва: РОССПЭН. С. 403–424.
- Протоколы... 1866. Протоколы заседаний Общества любителей естествознания, состоящего при Императорском московском университете. Год первый. Первое заседание 1 мая 1864. г. — Протоколы заседаний Общества любителей естествознания при Императорском московском университете с 14 мая 1864 г. по 29 августа 1866 г. Москва: Типограф. Лазаревского инст. восточных языков. С. 1–8.
- Пятидесятилетие... 1913. Пятидесятилетие Румянцева музея в Москве, 1862–1912. Исторический очерк. Москва: Скоропечатня А.А. Левенсон. 194 с.
- Речи... 1824. Речи, отчет и стихи, произнесенные в торжественном собрании Императорского Московского университета 4 июля 1824 г. Москва: Универ. типограф. 45 с.
- Речь... 1882. Речь и отчет, читанные в торжественном собрании Императорского московского университета 12-го января 1882 года. Москва: Универ. типограф. 94 с.
- Речь... 1884. Речь и отчет, читанные в торжественном собрании Императорского московского университета 12-го января 1884 года. Москва: Универ. типограф. 309 с.
- Речь... 1885. Речь и отчет, читанные в торжественном собрании Императорского московского университета 12-го января 1885 года. Москва: Универ. типограф. 168 с.
- Речь... 1886. Речь и отчет, читанные в торжественном собрании Императорского московского университета 12-го января 1886 года. Москва: Универ. типограф. 201 с.
- Речь... 1887. Речь и отчет, читанные в торжественном собрании Императорского московского университета 12-го января 1887 года. Москва: Универ. типограф. 165 с.
- Речь... 1890. Речь и отчет, читанные в торжественном собрании Императорского московского университета 12-го января 1890 года. Москва: Универ. типограф. 154 с.
- Речь... 1892. Речь и отчет, читанные в торжественном собрании Императорского московского университета 12-го января 1892 года. Москва: Универ. типограф. 155 с.
- Речь... 1893. Речь и отчет, читанные в торжественном собрании Императорского московского университета 12-го января 1893 года. Москва: Универ. типограф. 292 с.
- Речь... 1901. Речь и отчет, читанные в торжественном собрании Императорского московского университета 12-го января 1901 года. Москва: Универ. типограф. 453 с.
- Речь... 1903. Речь и отчет, читанные в торжественном собрании Императорского московского университета 12-го января 1903 года. Москва: Универ. типограф. 527 с.
- Речь... 1904. Речь и отчет, читанные в торжественном собрании Императорского московского университета 12-го января 1904 года. Москва: Универ. типограф. 505 с.
- Рождественский С.В. 1902. Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения: 1802–1902 гг. Санктпетербург: Мин. нар. прос. 814 с.
- Росолимо... 2012. Полярная Почта. Россоломо Александр Иванович (1865–1939). <http://www.polarpost.ru/forum/viewtopic.php?f=8&t=6213>.
- Росолимо О.Л. (ред.) 1991. Два века в коллекциях Зоологического музея МГУ. Москва: Изд-во Московск. госуд. универ. 264 с.
- Рубан Н.И. 2014. Первый Всероссийский музейный съезд, его влияние на развитие дальневосточных музеев. — Российское музееведение. http://www.museumstudy.ru/content/files/ruban_1_s_ezd.pdf.
- Рулье К.Ф. 1954. Сомнения в зоологии как науке. — Рулье К.Ф. Избранные биологические произведения. Изд-во Акад. наук СССР. С. 9–29.
- Рулье К.Ф. 1855. Фишер фон Вальдгейм Григорий Иванович. — Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского московского университета, за истекающее столетие... 1755–1855. Часть 2. Москва: Универ. типограф. С. 520–528.
- Рулье К.Ф., Спаский М.Ф. 1855. Двигубский Иван Алексеевич. — Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского московского университета, за истекающее столетие... 1755–1855. Часть 1. Москва: Универ. типограф. С. 290–294.
- Свиридов А.В. 1991. Научная библиотека. — Россоломо О.Л. (ред.). Два века в коллекциях Зоологического музея МГУ. Москва: Изд-во Московск. госуд. универ. С. 238–250.
- Сергеев С.В., Иванов К.М. 2011. Главный архитектор Московского императорского университета. — Архитектурное наследие К.М. Быковского в Москве. Москва: Издат. дом Руденцовых. С. 6–11.

- Слепкова Н.В. 2015. История Зоологического музея. <https://www.zin.ru/museum/history.html>.
- Слепкова Н.В. 2016. Зоологический музей Императорской Академии наук в Санкт-Петербурге в XIX веке. Принципы экспонирования. — Историко-биологические исследования, 8 (1): 29–65.
- Смекалина В.В. 2012. Образ европейской науки на страницах газеты «Московские ученые ведомости»: университетская газета как средство интеллектуального трансфера. — Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, II: История. 1 (44): 28–39.
- Смуров А.В. 2015. 260 лет Московскому университету и его естественнонаучным коллекциям. 260 лет служения науке, образованию, просвещению. — Садовничий В.А., Смуров А.В. (ред.). Жизнь Земли. Сборник научных трудов Музея земледования МГУ, 37: 4–11.
- Совместная... 2015. Совместная Российско-Монгольская комплексная биологическая экспедиция РАН и АНМ (СРМКБЭ). http://www.sevin.ru/menues1/index_rus.html.
- Соколов В.Е., Шишкин В.С. 2005. Развитие отечественной териологии в XIX веке. Москва: Наука. 324 с.
- Сорокин В.В. 2006. По Москве исторической. Москва: Тончу. 464 с.
- Сотникова С.И. 2011. Естественноисторическая музееология. Томск: Изд-во Томск. гос. универ. 304 с.
- Спаская Н.Н. 2015. Легендарная московская носорожиха: Семирамида, aka Монька. — Научная Россия. <http://scientificrussia.ru/articles/semi-ramida-opa-zhe-monka>.
- Спаская Н.Н., Павлинов И.Я. (ред.). 2015. Любил Россию, Университет, Науку. Зоологические исследования, 18. 213 с.
- Станюкович Т.В. 1953. Кунсткамера Петербургской академии наук. Москва–Ленинград: Изд-во АН СССР. 240 с.
- Сытин А.К. 2014. Ботаник Петр Симон Паллас. Москва: Т-во науч. изд. КМК. 456 с.
- Таран А.В. 2005. Университетские музеи России: прошлое, настоящее, будущее. — Обсерватория культуры: журнал-обозрение, 2: 64–71.
- Тимофеев-Рессовский Н.В. 2008. Воспоминания. Москва: Вагриус. 416 с.
- Тихомиров А. 1897. Анатолий Петрович Богданов. — Речь и Отчеты Императорского Московского Университета за 1897 г. Москва: Университ. типогр. С. 1–20 [Публикация воспроизведена в: Зоологические исследования, 2015, 18: 30–38.]
- Томкович П.С. 1991. Орнитологические коллекции. — Россолимо О.Л. (ред.). Два века в коллекциях Зоологического музея МГУ. Москва: Изд-во Московск. госуд. универ. С. 150–167.
- Тропцентр... 2016. Российско-Вьетнамский Тропический научно-исследовательский и технологический центр. <http://tropcenter.ru/about/>.
- Труды... 1909. Труды студенческого кружка для исследования русской природы, состоящего при Московском университете. Кн. 4. Под ред. Г.Г. Щёголева. Москва: Универ. типогр. 149 с.
- Туров С.С. 1956. Зоологический музей Московского университета. Москва: Изд-во Московск. госуд. универ. 42 с.
- Туров С.С., Дементьев Г.П. 1940. Очерк истории Зоологического музея Московского университета. — Учёные записки Московского университета. Сер. биология, 54: 176–196.
- Указатель... 1826. Указатель Императорского московского университета, или краткое описание Кабинетов и других заведений, находящихся при Университете, с показанием всего достопримечательного в оных. Москва: Универ. типогр. 131 с.
- Указатель... 1892. Указатель выставки зоологических и физиологических предметов, доставленных членами конгресса и приобретённых организационным комитетом Международного зоологического конгресса в Москве с 10/22 по 18/30 августа 1892 г. Москва: Т-во Кушнерев и Ко. 34 с.
- Ульянова Г.Н. 2004. Благотворительные пожертвования Московскому университету (XIX – начало XX в.). — Экономическая история. Ежегодник. Москва. С. 371–399.
- Университеты... 1935. Университеты и научные учреждения. 2-е изд. Москва–Ленинград: Объединенное научно-техническое изд-во. 586 с.
- Устав... 1866. Устав Общества любителей естествознания, состоящего при Императорском московском университете. — Протоколы заседаний Общества любителей естествознания при Императорском московском университете с 14 мая 1864 г. по 29 августа 1866 г. Москва: Типогр. Лазаревского инст. восточных языков. С. 1–2.
- Фишер Г. 1806(?) Музеум естественной истории Императорского московского университета. Приведённый в порядок и описанный публичным ординарным профессором и членом многих учёных обществ Г. Фишером. Перевёл с французского Дмитрий Лазаревич. 72 с. [Публикуется в настоящем выпуске «Зоологических исследований»]
- Фишер фон Вальдгейм Г.И. 1811. Система ископаемых, служащая основанием порядка, в каком расположены они в Музее императорского Московского университета. Москва: Универ. типогр. 178 с.
- Фролов Э.Д. 2002. Античный Мусейон в его развитии от частно-правового института к государственному учреждению. — Университетский историк, вып. 1. Изд-во Санкт-Петербург. универ. С. 5–26.
- Ходеецкий В.Г. 2004. История создания университетских музеев. — Газета «Московский университет», № 10 (4071).
- Циммерман А.М. 1855. Глебов Иван Тимофеевич. — Биографический словарь профессоров

- и преподавателей Императорского московского университета, за истекающее столетие... 1755–1855. Часть 1. Москва: Универ. типогр. С. 209–225.
- Чайковский Ю.В. 1997. Старейшее общество и его библиотека. — Москва научная. Москва: Янус-К. С. 392–415.
- Шахермайр Ф. 1986. Александр Македонский, 2-е изд. Москва: Наука. 384 с.
- Шевырёв С.П. 1855. История императорского Московского университета, написанная к столетнему его юбилею ординарным профессором русской словесности и педагогики Степаном Шевырёвым. 1755–1855. Москва: Универ. типогр. 600 с.
- Шевырёв С.П., Щуровский Г.Е. 1855. Антонский-Прокопович Антон Антонович. — Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского московского университета, за истекающее столетие... 1755–1855. Часть 1. Москва: Универ. типогр. С. 12–36.
- Шишкин В.С. 2001. Федор Карлович Лоренц. — Первое сентября, 10. <http://bio.1september.ru/article.php?ID=200101006>.
- Щелкановцев Я.П. 1897. К истории развития ложных скорпионов (Chernetidae). — Известия Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, 86. Труды Зоологического отделения общества, 10. Дневник Зоологического отделения общества и Зоологического музея, 2 (5): 1–8.
- Щепкин П.С. 1827. Краткая история императорского Московского университета с 3-го числа месяца июля 1826 года по 27-е число июня 1827 года. Москва: Универ. типогр. 19 с.
- Щуровский Г.Е. 1855а. Политковский Фёдор Герасимович. — Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского московского университета, за истекающее столетие... 1755–1855. Часть 2. Москва: Универ. типогр. С. 280–287.
- Щуровский Г.Е. 1855б. Керштенс Иоганн Христиан. — Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского московского университета, за истекающее столетие... 1755–1855. Часть 1. Москва: Универ. типогр. С. 407–410.
- Щуровский Г.Е. 1855в. Афонин Матвей Иванович. — Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского московского университета, за истекающее столетие... 1755–1855. Часть 1. Москва: Универ. типогр. С. 42–49.
- Щуровский Г.Е. 1855г. Сибирский Иван Андреевич. — Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского московского университета, за истекающее столетие... 1755–1855. Часть 2. Москва: Универ. типогр. С. 414–415
- Эйнгорн В. 1912. Московский университет, губернская гимназия и другие учебные заведения Москвы в 1812 году (Переписка Московской дирекции училищ). — Чтения в Императорском Обществе Истории и Древностей Российских (1912 г.), кн. 4. 100 с.
- Юренева Т.Ю. 2003. Музей в истории мировой культуры. Москва: Русское слово. 532 с.
- Юркин И.Н. 2015. Трижды первый (загадки Генкелева кабинета — первой коллекции первого музея первого российского университета). — Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова. Годичная научная конференция (2015), Том 1: Общие проблемы развития науки и техники. — Москва: ЛЕНАНД. С. 122–131.
- Юрковская В.З. 2004. Анатолий Петрович Богданов (1834–1896). Москва: Инст. антропологии МГУ. 116 с.
- Alexander E.P., Alexander M. 2008. Museums in motion. An introduction to the history and functions of museums. New York: Altamira Press. 352 p.
- Bogdanov A. 1893a. Musée Zoologique de l'Université Impériale de Moscou. — Congrès international d'archéologie préhistorique et d'anthropologie et de Zoologie. 11-ème session, à Moscou, du 1/13–8/20 août, 1892. 1 pt. Moscou: Imprim. Univ. impér. P. 45–64. [Перевод публикуется в настоящем выпуске «Зоологических исследований»]
- Bogdanov A. 1893b. Musée Zoologique de l'Université Impériale de Moscou. Collections du Musée. — Congrès international d'archéologie préhistorique et d'anthropologie et de Zoologie. 11-ème session, à Moscou, du 1/13–8/20 août, 1892. 1 pt. Moscou: Imprim. Univ. impér. 1 pt. P. 105–114.
- Bogdanov A. 1893c. Musée Zoologique de l'Université Impériale de Moscou. Collections du Musée (suite et fin). — Congrès international d'archéologie préhistorique et d'anthropologie et de Zoologie. 11-ème session, à Moscou, du 1/13–8/20 août, 1892. 2, 3 pt. Moscou: Imprim. Univ. impér. P. 237–268.
- Boylan P.J. 1999. Universities and museums: Past, present and future. — Museum Management and Curatorship, 18 (1): 43–56.
- Fischer G. 1802. Das Nationalmuseum der Naturgeschichte zu Paris ...von seinem ersten Ursprunge bis zu seinem jetzigen Glanze. Bd. 1. Frankfurt am Main: Esslinger. 547 S.
- Fischer G. 1803. Das Nationalmuseum der Naturgeschichte zu Paris ...von seinem ersten Ursprunge bis zu seinem jetzigen Glanze. Bd 2. Frankfurt am Main: Esslinger. 422 S.
- Fischer G. 1805. Discours sur l'utilité des collections publiques pour l'instruction en général et sur l'influence de l'étude de la nature sur la culture de l'esprit en particulier... — Торжественные речи в полувековой Императорского Московского университета юбилей, говоренные в большой

- аудитории онаго... Москва: Печат. Универ. типогр. С. 68–74.
- Fischer G. 1806. Muséum d'Histoire naturelle de l'Université Impériale de Moscou. Tome premier contenant les mammifères. Moscou: Imprim. C.F. Schildbach. 119 p.
- Fischer G. 1807. Muséum Demidoff, ou Catalogue systématique ou raisonné des curiosités de la nature et de l'art. ... Muséum Demidoff mis en ordre systématique et décrit. Tome 3. Vegetaux et animaux. Moscow: Imprim. l'Université Impériale. 330 p.
- Fischer G. 1822. Museum historiae naturalis Universitatis Caesariae Mosquensis. Pars I. Animalia. Mosquae: Typus Universit. Caesariae. 76 p.
- Fischer G. 1829. Museum historiae naturalis Universitatis Caesariae Mosquensis. Pars II. Insecta. Mosquae: Typus Universit. Caesariae. 147 p.
- Fischer de Waldheim G. 1832. Rapport sur les travaux de la Société Imperiale des Naturalistes de Moscou... Moscou: Imprim. Acad. Impér. Médico-Chirurgical. P. 1–12.
- Griffin F.J. 1936. On the dates of publication of Motschulsky (V. de), 'Etudes entomologiques', I.–XI., 1853–1862. — *Annals and Magazine of Natural History*. Ser. 10, 17 (98): 256–257.
- History... 1897. History and present state of the Imperial Museum of Natural History at Moscow. — *The Literary Panorama*, Vol. 1. London: C. Taylor. P. 601–604.
- Impey O., MacGregor A. (eds.). 2001. The origins of museums: The cabinet of curiosities in sixteenth- and seventeenth-century Europe, 2nd ed. London: House of Stratus. 431 p.
- Lourenço M. 2003. Contributions to the history of university museums and collections in Europe. — *Museologia*, 3 (1–2): 17–26.
- Ridder-Symoens Hilde, de (ed.). 2003. A history of the university in Europe: Vol. 1, Universities in the Middle Ages. Cambridge: Cambridge Univ. Press. 536 p.
- Rossolimo O.L., Pavlinov I.J. 1993. Seventy years of Soviet zoological collections and the lessons they taught us. — Rose C.L., Williams S.L., Gisbert J. (eds.). *International symposium and First world congress on the preservation and conservation of natural history collections*. Vol. 3. Madrid: Direccion General de Bellas Artes y Archivos. P. 135–142.
- Sachs J. 1906. History of botany, 1530–1860. Oxford: Clarendon Press. 588 p.